

БРЮССОЛО
СЕРЖ

ЗАПРЕТНАЯ
СТЕНА

БРЮССОЛО
СЕРЖ

• ЗАПРЕТНАЯ СТЕНА •

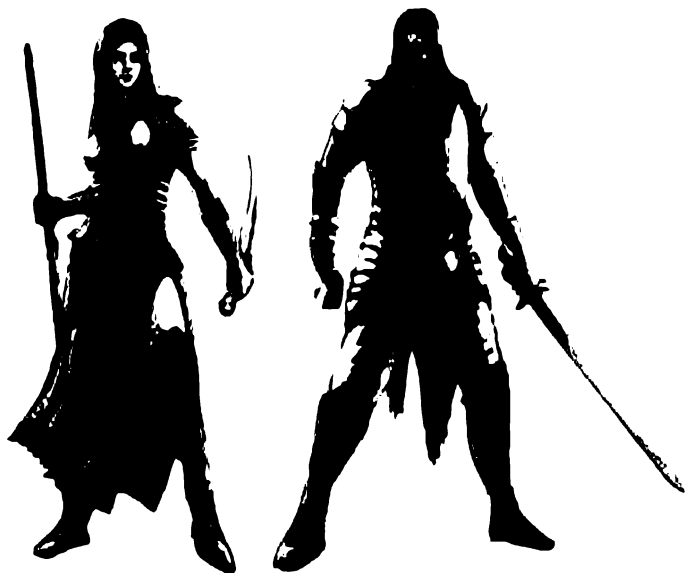

АЛМОА:
ЗАПРЕТНАЯ
·СТЕНА·

==СЕРЖ==
БРЮССОП

ЗАПРЕТНАЯ
• **СТЕНА** •

Москва
2015

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44
Б89

Serge Brussolo

ALMONA, T. 1.

La muraille interdite

Copyright © Editions Bragelonne, 2012

Разработка серии А. Саукова, В. Половцева

Иллюстрация на обложке В. Половцева

Брюссоло, Серж.

Б89 Запретная стена / Серж Брюссоло ; [пер. с фр. А. Б. Васильевой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 448 с. — (Современная зарубежная фантастика. Только бестселлеры).

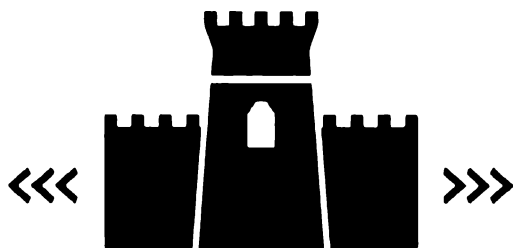
ISBN 978-5-699-76049-7

На севере царят голод, грязь и чудовищное тяготение, которое беспощадно давит на людей, превращая их в жалких монстров. На юге... никто не знает, что скрывается за ужасной экваториальной стеной. Легенды говорят, что там лежит страна чудес, богатая и прекрасная. Но можно ли верить этим легендам? Нат живет на севере, на бескрайней грязевой равнине, где правят ящеры-людоседы, тираны Дозорные и каменные облака — настоящие летучие айсберги, способные погубить целые города. Устав от этого мрачного мира, Нат отправляется на поиски легендарного рая. Но великая стена скрывает немало тайн... одна другой страшнее.

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-76049-7

© Васильева А., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

КНИГА 1
ДОЗОРНЫЕ АЛМОА

ГЛАВА 1

Финальная атака начнется через несколько минут, Нат в этом уже не сомневался. Со вчерашнего вечера огромные ящеры стали сползаться со всех сторон, как будто наконец решили раз и навсегда покончить с теми, кто еще уцелел в крохотном лагере на вершине маленького островка. Зверюги были приземистые, короткомордые, но их пасти были усеяны внушительными клыками, и сами они достигали шести метров в длину.

Держась из последних сил, Нат караулил всю ночь, сидя перед шалашом, но в конце концов сон сморил его, так что он даже не заметил, как отключился.

А теперь мерзкие ящерницы медленно, но верно окружали их — его и Ньюшу. Выползали из грязевого океана и тащились к последней обитаемой хижине во всем поселении — последней, где еще оставалось живое человеческое мясо, теплая трепещущая плоть, от которой у них на кожистых челюстях выступала тягучая слюна.

— Хныы... Хныы... — стонала Ньюша, ворочаясь на тощей подстилке из сухих водорослей. — Хныы...

Она и не умела выражать свою тревогу иначе, чем бессвязными звериными криками. В ее родном племени — племени Мягкоголовых — редко пользовались словами. Открыв глаза, Нат увидел, что молодая женщина с ног до головы вымазалась илом в надежде слиться с окружающим фоном и сделаться невидимой. Многие в ее племени прибегали к этой уловке — расхожей и в то же время бессмысленной. Ящеров было не так легко одурачить.

С раздражением, вызванным крайней усталостью, Нат обнаружил, что Ньюша не уследила за костром, который он с таким трудом разжег накануне, чтобы держать рептилий на почтительном расстоянии. Просто чудо, что хищники не воспользовались этим, чтобы ночью же перейти в нападение.

«Не злись на нее, — твердил он себе. — Толку от этого никакого, ты же сам знаешь, что нет смысла ожидать от Мягкоголовой, будто ей хватит ума на подобные меры предосторожности».

Он прислушался, ловя чутким ухом скрежет когтей по засохшей грязи. Враг был рядом, и он приближался.

«Остались только мы, — сказал себе юноша. — Все наши соседи погибли. Ящеры сожрали их еще на прошлой неделе. Когда пиршество закончилось, от них осталась едва ли кучка костей. Теперь настал наш черед».

Да, многолюдное прежде поселение полностью превратилось в деревню-призрак. Только засохшие потеки крови на порогах хижин свидетельствовали о том, что некогда здесь обитали живые суще-

ства — миролюбивые, неспособные защищаться, а потому ставшие легкой добычей для хищников. А Нат, вместо того чтобы сразу сбежать, имел глупость упорствовать. Почему он счел себя достаточно хитрым, чтобы одолеть врагов? Потому ли, что считал себя выше расы «выродков», как называли их жрецы?

Жалкие ловушки, которыми он пытался обороняться от ящеров, никогда не работали так, как надо. Рептилии день ото дня становились все смелее и нахальнее, ловко минуя утыканные кольями ловчие ямы, стальные силки или клетки, которые должны были ловить их благодаря очень «умному» механизму из шестеренок и рычагов. Нату, видите ли, захотелось поиграть в изобретателя... что ж, теперь он за это расплачивается.

— Хны... хны... — снова заскулила Ньюша, охваченная ужасом.

Инстинкт безошибочно предупреждал ее, что опасность близко. Как собака, она улавливала едва заметные звуки и запахи задолго до того, как они становились доступны слуху или обонянию обычного человека.

— Мне нужно отойти, — медленно и внятно объяснил ей юноша. — Оставайся здесь. Нужно снова разжечь огонь. Понимаешь, что я говорю?

Ньюша бросила на него тоскливый взгляд и уцепилась за его ноги, чтобы не дать ему покинуть торфяную хижину. Ей было страшно оставаться одной, и тут ее было легко понять. За последние пять дней на ее глазах погибли все члены ее клана, которых хватали и пожирали те длинные ползучие тени, появляющиеся из болота.

Нат вышел наружу, втянув голову в плечи, — весь напрягшийся, готовый к бою. Костер превратился в кучку обугленных головешек. Нату пришлось потратить немало усилий, чтобы разжечь его снова. Ящеров не было видно, но он чувствовал, что они где-то рядом. Окраской они ничуть не отличались от окружающей тины, и стоило им прижаться к земле, как они тут же пропадали в неровностях рельефа.

С гарпуном в руках он сделал три осторожных шага по застывшей грязи. Прежде чем тронуться дальше, он потыкал зеленоватую корку концом своего орудия — стоило убедиться, что глиняный «лед» выдержит его вес. Это было необходимой мерой, ведь под тонкой сухой коркой струилась жидкая грязь, способная немедленно поглотить любого, сделавшего неосторожный шаг.

Внезапно он заметил слева движение какой-то тени и застыл, воздев копье. С бьющимся сердцем он затаил дыхание, готовясь к атаке, но тварь, видно, почувствовала его отчаянную решимость и предпочла не покидать засады, распластавшись по земле, будто нарисованная.

Юноша чуть расслабился. У него были черные длинные волосы, клочковатая бородка, и он не носил иной одежды, кроме скрывающего его мужское достоинство чехла из ящеринной кожи. Когда-то в прошлом у него была настоящая, цивилизованная одежда, и он жил в настоящем доме, но все это он покинул, когда решил стать свободным жителем равнины и принял образ жизни примитивных племен.

Он присел и скрючился, внимательно осматривая пейзаж. Крохотный островок, на котором он

сидел, казался едва заметным бугорком на окружающей его бесконечной равнине-океане.

Равнина-океан, текучая степь... Этими противоречивыми именами люди называли королевство Алмоа, девять десятых которого составляли жидкие грязевые просторы. Летом эта грязь подсыхала на солнце, образуя слой илистого «льда» различной толщины. Алмоа представляла собой сплошной полужидкий, полутвердый мир в состоянии вечного метаморфоза. Иногда море застывало, превращаясь в континент, а затем — никто толком не знал почему — континент вдруг начинал подтаивать, разваливаться на части и снова становился жидким! Океан вновь вступал в свои права. От этих постоянных изменений окружающий мир был опасен и ненадежен, и довериться ему было нельзя ни на минуту.

— Хныы... хныы... — запричитала Ньюша внутри шалаша.

— Не выходи наружу! — крикнул ей юноша. — Не показывайся им на глаза! Ты же знаешь, что они предпочитают мясо женщин... и детей.

Но она не понимала этих слов, а может, просто была слишком напугана. Покинув убежище, она тут же затрусилась к своему спутнику. Из-за слоя глины на коже она походила на статую, оживленную неведомой магией.

Нат взял ее за руку и поспешил взобраться на бугор, где они могли считать себя в большей безопасности. Добравшись до вершины, он присел, прислонившись спиной к корявому деревцу, уложив копье поперек бедер и борясь с одышкой. Только сейчас он осознал, насколько сильно устал за последние

дни. Ему страшно хотелось спать, но он не решался закрыть глаза. Кто-то должен быть на карауле, а на Ньюшу никак нельзя рассчитывать. Мягкоголовые никогда не были воинами. Они вообще не были способны на сколько-нибудь агрессивные чувства и обычно безропотно давали себя сожрать, едва осмеливаясь заплакать от боли, когда хищник отрывал им ногу или руку.

— Ньюша не должна волноваться, — успокаивающе пробормотал он, словно утешая ребенка. — Мы уйдем отсюда. Уплывем на пироге. Нужно просто убедиться, что путь свободен.

Конечно, он лгал, чтобы немного ее успокоить. На самом деле все было не так-то просто. Ящеры держались настороже, ожидая малейшего промаха со стороны беглецов, чтобы одним движением челюстей отсечь им ноги. С тех пор, как погиб его полугодовалый сын, Нат ненавидел их особенно остро.

Внезапно его охватило бешенство, он вскочил и, потрясая копьём, принялся осыпать бранью притаившихся среди камней рептилий.

— А ну, идите сюда! — кричал он. — Я вас жду! Я не боюсь! Давайте, я готов!

У него перехватило дыхание. Чудища колебались. Этот изможденный юноша казался с виду легкой добычей, однако от него исходила такая ярость, что твари невольно осторожничали. Такого убить будет непросто.

«Я схожу с ума, — подумал вдруг Нат. — Если бы я хотел покончить с собой, лучшего и придумать нельзя».

Он знал, почему ведет себя именно так: горе и угрызения совести настолько источили его душу, что он начинал терять рассудок. Он подавил всхлип, прикусив до крови губу. Нужно было держать себя в руках, чтобы еще больше не напугать Ньюшу, которая и так стучала зубами от страха и только что напустила под себя лужу.

— Пойдем, — сказал он, тронув ее за плечо, — попытаемся добраться до лодки. Держись позади меня, не отставай. И смотри, куда ступаешь, ты ведь знаешь, что у них есть привычка зарываться в грязь. Ты знаешь, правда?

Но молодая женщина его не слушала: расширенными от ужаса глазами она тупо таращилась перед собой, нервно покачиваясь всем телом.

Нат заставил себя улыбнуться.

— Ничего, — солгал он. — Прибодришься. Ничего еще не потеряно. Мы начнем все сначала, где-нибудь в другом месте. Новая хижина, новый малыш. Я люблю тебя... Ты понимаешь? Я тебя люблю.

Он с трудом заставил ее подняться. Она бы так и осталась здесь, скорчившись под деревом, пока ящеры не пришли бы и не сожрали ее живьем. Как и все ее сородичи, она была наделена безропотным фатализмом, граничившим с полной апатией.

Они зашагали вперед. Ньюша шла согорбившись, с выражением полной обреченности, которое должно было только возбуждать аппетит ящеров. Запах страха всегда действовал на них ободряюще.

От деревушки, где они жили, почти ничего не осталось — от силы десятков шалашей, кое-как сложенных из сушеного торфа. На сегодняшний день в живых остались только двое: упрямец Нат Уил-

Мур, чужак, явившийся из города, и Ньюша, последняя дочь своего племени.

Юноша присел на корточки перед входом в хижину, которую делил с Ньюшей... и с малышом. Сейчас они покинут ее, покинут навсегда... Его сердце сжалось.

Ньюша. Это он назвал ее так, ведь у Мягкогоголовых не было имен. Никогда. Им просто не хватало ума, чтобы запомнить их.

Ньюша... Как и прочие ее сородичи, она жила в «стаде», в бродячем диком племени, которое скиталось, не зная ни одежды, ни домашней утвари. На Алмоа это было первое человеческое племя с явными признаками аномалии: с уплощенной головой, которая выглядела так, будто кто-то надавил на нее сверху, когда она была еще мягкой, с коренастым телом и толстыми, выгнутыми колесом ногами. Когда Нат увидел Ньюшу впервые, ему подумалось, что она похожа на вылепленную из пластилина фигурку, которую бог-творец, недовольный своим созданием, решил раздавить ударом кулака. Почему же он так к ней привязался? Не из-за красоты, это уж точно! Тогда почему? Наверное, потому, что интуитивно почувствовал, что она никогда его не предаст. Что она будет верна ему до самой смерти. Да, конечно. Именно эта уверенность возобладала над всем остальным. Ньюша была воплощенная верность и преданность. Это была наивная преданность прирученного животного, которое скорее даст себя убить, нежели покинет хозяина. Эта беспредельная, детская доверчивость и пленила Ната в свое время.

«Эти Мягкоголовые вообще не люди, — твердили горожане. — Это псы... Мозгов у них не больше,

чем у паршивых шавок. У них нет ни закона, ни религии, ничего... Животные».

Можно ли было отказать им в правоте?

Нат не знал, но от подобных речей ему делалось стыдно. Действительно, женщины Мягкоголовых жили стадами, голые, как мартышки. Они отличались редкой покладистостью и только и хотели, что подчиняться. Достаточно было приманить их горсткой снеди — и они готовы были следовать за тобой куда угодно. Они были настоящей находкой для изнемогающих от похоти подростков. Девушки всегда были готовы отдаться им, прямо здесь же, в грязи, стоя на четвереньках, заботясь только о том, чтобы доставить удовольствие хозяину. А потом в благодарность вылизывали ему руки.

С тех пор, как Нат покинул свою родную семью, он прожил с Ньюшей уже два года. Почему? Потому что воображал, будто сможет помочь этому беззащитному народу? Какая самонадеянность!

Нюша... Он много раз пытался научить ее отзываться на это имя, повторяя день напролет: «Нюша... Нюша...» Если начать с утра пораньше, к вечеру она вроде бы запоминала его, но за ночь непременно забывала, и на следующий день приходилось все начинать сначала. Ночь полностью обнуляла ее память. Безнадежно.

Мягкоголовые не владели речью, не потому, что их голосовые связки были не приспособлены к членораздельному общению, а потому, что они были не в состоянии запоминать слова, которые могли бы изобрести все вместе. Это было жалкое, обреченное племя, и та же судьба ожидала и прочие человеческие народы на Алмоа: отупение, вызванное

деградацией мозга, вырождение... Виной тому было слишком мощное тяготение на планете, которое вызывало частое рождение уродцев.

На протяжении двух лет Нат пытался очеловечить Ньюшу: научить ее одеваться, не чесать себя в паху, как макака, и не выражать свое недовольство звучным испусканием газов. Но все впустую.

Он также не сумел обучить ее даже самым началам охотничьего ремесла. Она отчаянно боялась ящеров, которые иногда выныривали из грязи прямо у вас под носом с широко раскрытой пастью, готовой ухватить вас за ногу.

Нюша подарила ему сына — коренастого коротышку с приплюснутой головой, еще более бестолкового, чем его мать. Он так никогда и не научился выговаривать даже такие простые слова, как «мама» или «папа». Окончательно сдавшись, Нат не стал давать ему имя и называл его просто «ребенок» или «малыш».

Нат сознавал, что в племени ему не место. Людям нечего было делать среди Мягкоголовых. На это смотрели косо. Неписанный закон гласил, что разные народы не должны смешиваться. Презрев эти правила, Нат превратился в отщепенца.

А потом все рухнуло.

Однажды вечером, возвращаясь с охоты, Нат обнаружил на пороге хижины полуобъеденное тельце своего ребенка. Один из ящеров пробрался в поселение и напал на младенца. Одним движением челюстей он располовинил его тельце на уровне бедер, оставив только туловище и голову.

Нюша проскулила весь вечер, обхватив голову руками и хлюпая носом, но на следующий день

полностью забыла о существовании собственного сына и присоединилась к играм сородичей, как будто ничего не произошло. Услышав, как она смеется вместе с остальными, юноша окончательно сломался. Он, он один был во всем виноват. Ни один разумный человек не возьмет себе в подруги Мягкоголовую. А он пренебрег законом и тем самым допустил непростительную ошибку.

Он сделал попытку похоронить истерзанное тельце ребенка, но в жидкой грязи сделать это было трудно. При первом же сильном дожде маленький трупик всплыл и начал дрейфовать вокруг хижины. Ньюша даже не обратила на него внимания. В конце концов его сожрал ящер.

«Скоро ты станешь таким же, как Ньюша, — все чаще размышлял Нат. — Животным... Через полгода ты начнешь ходить на четвереньках и тявкать как собака. Вспомни те разговоры в тавернах Сольтерры. Деградация заразна. Это болезнь, передающаяся через женщин».

Со временем эти мысли стали преследовать его неотвязно.

«Ты должен уйти, — нашептывал ему голос внутри его головы. — Ты должен вернуться к людям, пока твой разум еще при тебе. Уходи... Возвращайся в Сольтерру, на остров, где ты родился. Ньюша не станет от этого несчастной: как только ты исчезнешь из виду, она забудет о твоём существовании и найдет себе нового спутника. Не пройдет и часа после твоего ухода, как она подыщет тебе замену».

Но он настолько привязался к молодой женщине, что так и не решился ее покинуть. Судьба все решила за него.

— Хныы... Хныы... — нетерпеливо заскулила женщина.

Нат встряхнулся, отгоняя непрошенные воспоминания, подхватил кожаную сумку с припасами, одежду и флягу и вручил все это подруге: ему нужно было иметь свободу движений на случай нападения. Теперь надо было добраться до лодки на пляже, а это обещало стать непростой задачей.

Ящеры снаружи защелкали челюстями. Обед сам шел к ним в лапы!

ГЛАВА 2

Молодые люди брели среди опустевших хижин. Повсюду валялись разлагающиеся, истерзанные трупы, оторванные от тел головы. Слезы страдания прочертили нелепые светлые узоры на их вымазанных грязью щеках.

«Не стоило мне упорствовать, — думал Нат. — Они погибли потому, что доверяли мне, считали, что я и впрямь способен избавить их от беды. Если бы не мое хвастовство, они бы ушли отсюда задолго до того, как положение стало безнадежным».

Он замедлил шаг. От быстрой ходьбы сердце колотилось как безумное. Сила тяжести на Алмоа категорически запрещала продолжительные усилия.

— Хныы! Хныы! — вякнула Нюша, указывая на лежащую на илистом пляже пирогу.

Она хотела броситься к ней бегом, но Нат ухватил ее за запястье, сдерживая этот неразумный порыв.

— Погоди! — взмолился он. — Это ловушка. Там полно ящеров в засаде. Они знают, что мы попытаемся сбежать именно таким образом. Они ведь тоже хитрые, уж в любом случае хитрее тебя!

Но она не слушала и продолжала вырываться. Даже попыталась укунить его. Это было неожиданно: должно быть, она и в самом деле была напугана до смерти, если настолько изменила своей привычной покорной пассивности. Нату пришлось ударить ее. Он и сам был уже на пределе. Он не сомневался, что нападение неминуемо. Инстинкт подсказывал ему, что ящеры здесь повсюду — зарылись в грязь и только и ждут, что Ньюша окажется рядом, чтобы выскочить из своих ям, раззявив челюсти. Он вскарабкался на большой валун, чтобы высмотреть притаившихся рептилий.

— Не беги, — велел он Ньюше. — Не кидайся к лодке... Они только этого и ждут.

Она дулась, глядя в землю. На ее лице появилось угрюмо-дерзкое выражение, которое не предвещало ничего хорошего. Он знал, что она готова совершить какую-то глупость. Наверное, ее стоило связать, стянув покрепче лодыжки и запястья, но у него не было при себе никакой веревки. Исполненный мрачных предчувствий, он принялся карабкаться еще выше. Сила тяжести давила так, что ему казалось, будто его голова сплющивается от чудовищного давления. Рот наполнился вкусом крови.

Со своего насеста он осмотрел пирогу, которая должна была привести их к цивилизации. Они поплывут по одной из грязевых речек, которые пронизывают корку засохшего ила. Если они будут грести изо всех сил, то в конце концов доберутся до большого озера из жидкого ила, на берегах которого стоят главные города Восточной провинции. По крайней мере, Нат на это надеялся. Конечно, он сознавал, что страшно рискует. Когда взойдет солнце и установится обычная жара, ил за каких-нибудь

пару часов намертво засохнет — вернее, просто спечется, как глиняный горшок, поставленный в печь для обжига. И тогда они застрянут на полпути — лодка увязнет в затвердевшей глине и приклеится так же намертво, как статуя к своему пьедесталу. Тут-то ящеры окружают их и...

Нат вздохнул и в последний раз смерил взглядом расстояние, отделяющее их от лодки. Зеленоватое илистое пространство было испещрено невысокими буграми, выдающими присутствие затаившихся ящеров. Он решил, что безопаснее будет не бежать напрямик, а закладывать петли пошире, огибая эти потенциально опасные места.

Когда он уже спускался, Ньюша вдруг сорвалась с места и побежала к пироге. Напрасно Нат звал ее — она не останавливалась, и ему пришлось броситься в погоню. Безжалостное тяготение сковывало его движение. Мягкоголовые не знали подобных неудобств, и, несмотря на все усилия, Нат не смог нагнать женщину, пока она не достигла берега.

Задыхаясь, с черной пеленой перед глазами, он рухнул на колени, захлебываясь горькой слюной. И в тот же миг Ньюша наступила на спину зарывшемуся ящеру. Хищник взвился в туче брызг, ухватил свою добычу за ногу и потащил ее к морю. Ящеры часто так действовали: утягивали своих жертв под воду, чтобы утопить. Сами они могли проводить под поверхностью мутной жижи долгие часы, истощая терпение охотников.

Нат вскочил, вздев копьё, и бросился спасать свою подругу, но было уже слишком поздно: ящер нырнул, и легкие Ньюши заполнились жидкой грязью. К тому же юноше пришлось замедлить бег из-

за нападения другого ящера, который неожиданно преградил ему путь.

— Сдохни! — завопил Нат, вне себя от горя и отчаяния. — Сдохни, падаль!

В слепом бешенстве он принялся наносить твари удар за ударом, пронзая ее кожистый панцирь в самых уязвимых местах.

Похоже, такая ярость устрасила остальных зверюг, которые нерешительно замешкались. Нат бросился на них, не понимая толком, что делает. Выставив копьё вперед, он ринулся им навстречу, осыпая ударами жесткие шкуры.

— Получай! — ревел он. — Еще хочешь? Вот тебе... и еще! И еще!

Он совсем потерял голову. Кровь струилась по древку копья, липкие ладони скользили. Оробевшие твари отступили, напуганные яростью человеческого существа, которого страдание нежданно превратило в берсерка, и Нат смог добежать до пироги и столкнуть ее с берега.

Потом он долго сидел, не решаясь взяться за весла, и таращился на грязевое море, надеясь на неизвестно какое чудо. Но Ньюша на поверхности так и не показалась: наверняка хищник затащил ее труп под какую-нибудь затопленную корягу, чтобы он успел подгнить. Ящеры особенно любили мясо с душком.

Нату пришлось решиться тронуться в путь, пока ящеры не оправались от испуга и снова не пошли в атаку.

Оказавшись примерно в двух кабельтовых от берега, он заплакал — от злости, печали и стыда. Слезы прочертили светлые дорожки в зеленоватой пыли, покрывавшей его лицо.

ГЛАВА 3

Нос лодки с хрустом вспарывал твердую корку ила, и Нат чувствовал, как по его лицу стекают капли жидкой грязи. Его глазам предстала картина разоренного города: разномастные лачуги и покосившиеся склады, соединенные ненадежными переходами из бамбука.

После долгих лишений он оказался наконец в виду Изоакра — торгового прибрежного городка, где, если ему повезет, он сможет наняться матросом на какое-нибудь судно. Он взял курс на пристань и погреб изо всех сил. Когда его лодчонка ткнулась в сваи причала, Нат ухватился за перекладины лестницы и выбрался наверх.

На него косились с подозрением — выглядел он точь-в-точь как «дикарь» с грязевых равнин. Прimitивная пирога и привязанный к бедрам чехол тоже, прямо скажем, не улучшали картины. Он тут же направился в ближайшую лавку, где брали под залог и скупали всякую всячину, и продал там свое копьё и нож из полированной кости, а также связку превосходно выделанных шкурок ящериц. Конечно, это был не слишком осторожный посту-

пок, но у него не было выбора: если он хотел получить хоть малейший шанс наняться на работу, ему следовало как можно скорее принять «цивилизованный» облик.

Лавочник, убежденный, что имеет дело с тупым «дикарем», беззастенчиво ободрал его как липку, расплатившись за шкурки десятью жалкими медяками. Затем Нат прямым путем поспешил в общественные бани самого низкого разбора, а оттуда — к цирюльнику, где ему подстригли волосы и бороду, и переоделся в латаную-перелатаную, но относительно чистую одежду, которую один из работяг уступил ему по разумной цене. Заодно он прикупил подвернувшуюся по случаю кирасу — помятую, как столетний медный котелок. Теперь он вовсе не выглядел дикарем, и, замечая свое отражение в стеклах витрин, он едва узнавал сам себя.

Приглушенная, но болезненная скорбь все еще трепетала в нем, и всякий раз, прикрывая глаза, он снова и снова видел Ньюшу, извивающуюся в челюстях ящера.

Во время путешествия его не раз охватывало отчаяние, когда он был готов просто сдаться и умереть здесь же, на дне пироги. И все-таки каждый раз инстинкт выживания брал свое, заставляя его двигаться дальше.

Теперь ему следовало перестать оглядываться назад. Он здесь, в Изолакре, куда заходило большинство судов, связывающих между собой все крупные города равнины-океана.

На причале рядом с небольшим вельботом стояли и болтали между собой пятеро матросов. Вдали, теряясь в густой дымке, вырисовывался силуэт сто-

явшей на якоре громадины — тяжеловооруженного разгонщика облаков.

На припортовой площади до ужаса тощий, чумазый уличный сказитель пытался привлечь внимание зевак, громко излагая легенду об Алмоа, грязевом океане.

— Многие века тому назад, — вещал он, — третий император, правитель нашего королевства, имел своим визирем колдуна Алканека. Император страдал болезненной подозрительностью; заговоры мерещились ему буквально повсюду, и однажды он заподозрил в измене самого Алканека. Даже не пытаясь дознаться правды, он приговорил своего визиря к казни через раздавливание...

Нат задумчиво кивнул. Он знал этот миф наизусть, потому что тысячу раз слышал его из уст своего отца — Мура, Дозорного Сольтерры. Казнь через раздавливание заключалась в том, что приговоренного укладывали на землю под металлическую плиту, на которую наваливали камни. Проседая под грузом камней, плита в конце концов расплющивала грудную клетку несчастного и раздавливала его легкие.

— Однако он забыл, что Алканек был могущественным колдуном, — продолжал рассказчик. — Уже погибая и захлебываясь собственной кровью, он выкрикнул проклятие, обрекающее наш народ вечно испытывать те же муки, что и он. Все совершилось по его слову. На следующий же день сила тяжести на нашей планете возросла, губя целые племена. Людям пришлось приспособляться к этому невидимому грузу: ходить, пригнув голову, сгорбив спину и свесив руки, тяжелой, медленной

походкой, от которой по сию пору ноги наливаются свинцом, а кровь стекает вниз, раздувая кисти рук и стопы и придавая им лиловый оттенок. Даже облака под действием собственной тяжести спустились с высоты и стали тверже камня, а дождь обратился в каменный град... Магия Алканека исказила сами законы Природы.

Нат отвернулся — с него было довольно. И вздохнул: итак, его добровольное изгнание закончилось; еще неделя — и он снова будет дома.

Дома... Это слово с трудом укладывалось у него в голове. Вот уж не думал он, что когда-нибудь испытает желание вернуться в Сольтерру, откуда прежде всеми силами мечтал сбежать.

У самого края берега, где колыхались илистые волны, какая-то птица боролась с воздухом, напряженно шелестя перьями. Как у всех прочих пернатых, у нее развилась мощная летательная мускулатура, позволяющая преодолевать силу тяжести. Непропорционально большой размах крыльев придавал ей неприятное сходство с птеродактилем. Так все и пошло со времен проклятия Алканека. В тех местах, где грунт был слишком мягким, незримый свинцовый груз утянул деревья и дома под землю. Болотистая, зыбкая твердь оказалась как нельзя более подходящей для подобных бедствий.

Со временем жители Алмоа научились избегать лишних движений, и повседневная жизнь разворачивалась замедленно. Когда возраст истощал силу мышц, птицы переставали летать... а старики уже не могли подниматься по лестницам.

Острое ощущение, что за ним наблюдают, вырвало Ната из раздумий. Особое шестое чувство,

которое развилось у него в результате жизни среди хищных ящеров, буквально вопило о возникшей угрозе. Резко повернувшись, он заметил, что на него уставились трое субъектов самого неприятного вида; один из них держал на поводке облезлого крупного пса. Шкуру пса, не перестававшего скалиться, обильно покрывали шрамы.

«Сброд из городской стражи, — подумал Нат. — Крепко выпили и теперь ищут, к кому бы придраться, чтобы развлечься и насладиться своей ничтожной властью».

Он счел за самое разумное убраться с их глаз. Вообще-то в задачи стражи входило поддержание общественного порядка в прибрежных городах; проблема, однако, заключалась в том, что в ней служило одно отребье, не упускавшее ни малейшей возможности злоупотребить своими привилегиями и пробавлявшееся в основном грабежами и вымогательством среди приезжих.

Желая как можно скорее скрыться с глаз стражников, Нат шмыгнул в какую-то темную улочку. Но не успел он пройти и десяти шагов, как за спиной у него раздался хриплый собачий лай. Через мгновение он оказался окружен. Все трое подонков были вооружены молотами на длинных рукоятках вроде палиц, и их окутывал запах перегара от скверного портового вина.

— Эй ты! — окликнул его тот, что держал собаку. — Поди-ка сюда, чтобы мы могли разглядеть твою поганую рожу. Канико тебя выследил. Смотри, как он рычит. Это значит, ему не нравится твой запах, вот что. И знаешь, в чем причина? Канико специально учили распознавать Мягкоголовых, и он

никогда не ошибается. Посмотреть на него, так от тебя просто разит Мягкоголовыми!

— Ага, — буркнул его приспешник. — А Мягкоголовые нам здесь не нужны. Жалкие воры и выродки. Крадут наших детей и пожирают их. Врываются в наши дома, насилуют женщин и поганят их своим гнусным звериным семенем. Если дать им волю, они загубят весь людской род, и мы все начнем ходить на четвереньках и гавкать как псы. Будем жить в будках и нюхать друг другу задницы.

— Точно, — подтвердил стражник с собакой. — Мягкоголовые — это болезнь, а мы — врачи, которые с ней борются. Сейчас мы тебе прививочку сделаем этим молотом... Вот увидишь, сразу почувствуешь себя куда лучше.

Нат примирительно махнул рукой, но, как оказалось, зря: пес зашелся в яростном лае, брызгая пеной с тяжелых брылей. Дело оборачивалось совсем плохо. Он уже сильно жалел, что поспешил продать оружие.

— Да ладно вам, не глупите, — пробормотал он в тщетной попытке все уладить. — Вы же прекрасно видите, что я человек.

Ему было очень стыдно, что пришлось прибегнуть к такому аргументу, но рядом с этими негодями особо выбирать не приходилось.

— Ничего мы не видим, — хмыкнул стражник с собакой. — Некоторые Мягкоголовые надевают парики, чтобы скрыть свою плоскую башку. По мне, так ты тоже такой, переодетый.

— И единственный способ выяснить, кто они такие, — добавил второй приспешник, — это дать им как следует молотом по черепушке. Именно

так мы сейчас и поступим для выяснения твоей личности.

Широко ухмыляясь, он поднял молот. Пес, возбуждись до крайности, резко прыгнул вперед, и его хозяин разжал ладонь, выпуская кожаный поводок. Нату показалось, будто его ударило в грудь пушечное ядро. Под весом могучего пса он опрокинулся навзничь и обхватил руками шею собаки, стараясь отвести ее покрытую пеной морду от своего лица. Но стражник с молотом уже приближался, замахиваясь своим орудием и метя юноше прямо в лоб.

— Ага! — воскликнул он. — Так и есть, это наверняка парик! Ребята, у нас тут поганый дикарь переодетый!

Нат толком не успел понять, что произошло потом. Собака вдруг болезненно взвизгнула и завалилась набок, освободив Ната от своего веса. Стражник тоже вскрикнул и уронил свою палицу...

Приподнявшись, Нат увидел, что в переулке объявился еще один человек, который в данный момент держал стражников на почтительном расстоянии, нацелив на них острие своего оружия. Настоящий великан с наголо бритым черепом, в помятых латах и с тяжелым гарпуном в руках. Немолодой — лет шестидесяти, с седыми усами, но с могучими мышцами. Он уже уложил пса и ранил в плечо стражника с молотом. Мостовая оросилась кровью.

— А ну проваливайте отсюда, ублюдки, — рявкнул он стражникам, — или я проткну вас, как вонючие бурдюки с дерьмом, каковыми вы и являетесь. Убирайтесь! И если будете дальше приставать

к этому парню, я кликну других гарпунеров с вельбота, и мы всех вас наденем на копыя, как вашего паршивого полкана. Ясно?

Стражники попятились, бормоча невнятные угрозы, но что-либо предпринять не решались.

Когда они исчезли за поворотом, Нат повернулся к своему спасителю, чтобы поблагодарить; но великан только махнул рукой, проворчав:

— Какого черта тебя понесло в эти переулки? Хочешь, чтобы тебе глотку перерезали? Возвращайся на причал, и больше оттуда ни ногой. Там все свои, моряки, и стражники не осмеливаются туда соваться. Шевелись, чего стоишь! Ждешь, пока они вернутся с подмогой?

После чего он резко развернулся и направился в порт.

Нат с трудом боролся с усталостью, сковавшей все его движения — неизбежное следствие любых физических усилий. Чрезмерное тяготение на Алмоа никак не поощряло интенсивной нагрузки, которая только что выпала на его долю.

Лямки непривычной, плохо подогнанной кирасы резали плечи. Нат решил последовать совету гарпунера и, покинув переулок, направился к пристани.

На причале моряки кое-как пытались сдерживать нетерпение пассажиров.

— Оставьте же нас в покое! Раньше чем завтра мы не отправимся, — надсаживался один из них. — У нас команда гарпунеров до сих пор не укомплектована. Неужто вы так торопитесь встретиться с облаками? Многие из вас там и полягут!

Сходите-ка лучше в бордель, развлекитесь, может, это будет последний раз в вашей жизни!

Задрав голову, Нат рассматривал странный, обшитый броней корабль, которому предстояло доставить его домой, на родной остров. Путешествие предстояло опасное. Окаменевшие облака, дрейфовавшие над самыми волнами, славились своей способностью сминать оказавшиеся у них на пути корабли.

Уже собираясь уйти, он вдруг заметил невдалеке бритоголового исполина в помятых доспехах, который незадолго до того спас ему жизнь. Усач по-прежнему держал в руке заляпанный кровью гарпун. Выглядел он очень внушительно, однако было видно, что старость скоро сразит его: человеческое тело на Алмоа изнашивалось быстро.

— Собрался плыть куда-то? — бросил ему незнакомец.

Нат кивнул, и великан пророкотал в ответ:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, парень. Учти, мы не будем здесь просто пассажирами: капитан рассчитывает на каждого, как на солдата, когда придется воевать с облаками. Ты хоть раз участвовал в такой атаке? Вижу, что нет. Тогда держись позади меня и повторяй каждое мое движение. В этом случае тебе, быть может, удастся дожить до конца плавания. Что же до меня, то мое имя — Неб Орн, я гарпунер, охотник на летучие айсберги.

ГЛАВА 4

Стальной нос корабля с оглушительным треском прокладывал путь через плиты застывшей грязи. Стоя у борта, Нат не мог отвести взгляда от могучего заостренного форштевня, который вот уже трое суток рассекал застывшие волны спекшегося ила, под которым текла жидкая грязь.

К нему не торопясь подошел Неб Орн. Несмотря на преклонный возраст, его наняли в качестве старшего гарпунера. Насколько Нат мог видеть, он никогда не выпускал из рук своего гарпуна с взрывчатым наконечником, как будто тот был естественным продолжением его тела, еще одной конечностью.

Лишенный мачт и парусов, корабль походил на перевернутый панцирь черепахи. А поскольку этот панцирь был сделан из металла, всякое передвижение матросов по палубе сопровождалось жутким грохотом и лязгом.

Нат слишком резко поднял голову и чуть не свалился от накатившей дурноты. Неб Орн подхватил его своей огромной лапищей.

— Ты в порядке?

— В порядке.

Гарпунер фыркнул:

— В некоторых местах тяготение такое сильное, что, однажды сев облегчиться, уже не сможешь подняться. Так и останешься навсегда на толчке, роняя катяхи весом с пушечное ядро!

— Неб, — пробормотал Нат, — а это правда, что грязевая равнина бесконечна?

Орн кашлянул, как будто юноша затронул некую скользкую тему, которую не следовало обсуждать на людях.

— Так говорят, — сказал он наконец с оттенком нерешительности. — Что до меня, так я избороздил все северное полушарие вдоль и поперек и могу тебя заверить: грязевая равнина покрывает все, однако...

— Однако что?

Великан смущенно пожал плечами.

— Я, конечно, могу говорить только за северное полушарие, — продолжил он, жуя мундштук своей трубки. — Про юг ничего сказать не могу, туда отродясь никто не совал носа, кроме разве что птиц, ну а из них никто тебе не расскажет, что они там видели.

— Птицы?

— Ну да, только птицы могут перелететь через великую стену.

— Что за великая стена?

Орн нахмурился и, понизив голос, пояснил:

— Экватор — это граница, за которую никому нет ходу. По нему проходит исполинская стена, которая опоясывает всю планету, как каменный обруч. В этой стене нет ни единой дверцы, и она такая высокая, что никто не может на нее взобраться без страха, что от силы тяжести у него лопнут глаза.

— А что там, по другую сторону?

Нед недовольно забурчал, отводя глаза.

— Ха! По другую сторону... Это тайна! Поговаривают, что за каменной стеной лежит цветущий рай, где никто не страдает от избыточного тяготения и где сияет ласковое солнце. Нечто вроде Эдема, который называют «садом секретов». Якобы там, в веселье и счастье, живет избранный народ. Если верить сказителям, Алмоа с давних пор поделена на две части — ад на севере, рай на юге. Но это, конечно, просто глупая легенда. Еще одна из множества подобных.

Нату стало не по себе. Его отец, Мур, Дозорный Сольтерры, никогда не упоминал об этом. Правда, Мур всегда презирал народные сказки. До самой своей кончины Мур был человеком жестким и непреклонным... в общем, совершенно несносным. Именно спасаясь от его тирании, Нат все время мечтал сбежать от Сольтерры и ее сторожевой башни, откуда дозорные наблюдали за перемещением смертоносных облаков.

Раздавленный усталостью, Нат покинул палубу и спустился в трюм, предназначенный для рядовых матросов. Он успел поспать где-то час, свернувшись в своем гамаке, когда шум разразившейся вдруг суеты поднял его на ноги. Прильнув к одному из приоткрытых бортовых люков, он увидел человеческую фигуру посреди застывших илистых волн, в сотне сажений от пробитого кораблем канала. Незнакомец размахивал факелом и отчаянно вопил, причем страх придавал его голосу особую пронзительность:

— Облако, облако-убийца! Идет прямо на город. Завтра оно уже будет там. Я два дня бежал, чтобы предупредить вас. Вы должны отправиться туда. Спасите нас! Спасите!

ГЛАВА 5

Корабль лег на новый курс. Стоя на корме, Нат чувствовал, как ревет в машинном отделении кочегарка. Из люка вынырнул Неб Орн; все его тело обильно покрывал пот, могучие, забрызганные маслом руки были сплошь исчерчены старыми шрамами.

— Мотор просто надрывается, — бросил он парню. — Еще чуть-чуть, и наша лодчонка раскалится докрасна, так что наши пятки будут шипеть на палубе, как сало на сковородке.

Тыльной стороной ладони Нат отер испарину со лба. По спине уже бежали ручейки пота.

— Почему ты поплыл вместе с нами? — спросил вдруг Неб.

Нат поморщился:

— Решил вернуться... домой, — выдавил он неохотно. — Маленький такой островок. Сольтерра. Там совсем жить невозможно.

— Поэтому ты и ушел оттуда?

— Да, но все обернулось не слишком хорошо. Не хочу об этом рассказывать. Да кстати, не так уж далеко я ушел. Я оставил дом сразу после смерти отца, чтобы не оставаться одному. Никто меня не

удерживал. Я хотел попытать счастья. В моих краях ни один человек никогда не покидал родного холма. Поэтому меня сочли чокнутым, изменником.

— А чем занимался твой отец? Рыбачил? Охотился?

Нат покачал головой:

— Нет. Уж лучше бы так... Он был дозорным, наблюдал за облаками, и он знал заклинания, способные отгонять демонов тумана.

Глаза Неба на долю секунды расширились.

— Дозорный... ишь ты, — присвистнул он. — Важный человек, значит. У дозорных куча разных привилегий.

Нат отметил, что слова гарпунера были не лишены некоторой досадливой горечи. Как и большинство людей, он не имел ни малейшего понятия о том, какой на самом деле была жизнь дозорного. Правда наверняка сильно бы его разочаровала.

Они расстались: Небу предстояло укрепить лафет одной из пушек, который его тревожил, а также произвести смотр боеприпасов.

Нат вернулся на свой наблюдательный пункт. Клубы пара вырывались из трюма всякий раз, как кто-нибудь открывал люк.

Внезапно уши юноши заложило от мощных раскатов грома. На секунду у Ната мелькнула мысль, что это взорвалось машинное отделение, разворотив весь корабль, но тут до него донеслись отчаянные крики: «Дождь!»

Началась паника. Из-за тяжелого, как в парилке, жара большинство матросов снимали свои защитные латы. Нат и сам за минуту до того хотел снять металлический ворот, натиравший ему плечи.

Грянул второй раскат грома, за которым последовали первые каменные залпы. Нат услышал, как камни засвистели у него над головой, словно выпущенные из пращи. Галька с грохотом рикошетила от палубы; один каменный осколок с визгом высек искру о бронированный борт, а затем насквозь пробил грудь стоявшего рядом матроса. Тот рухнул, крича от боли. Всех прочих, кто оказался без доспехов, ожидала такая же судьба. Каменные градины нещадно дырявили кожу и черепные кости.

От страха Нат оцепенел, застыв на месте. Ему ни разу не доводилось видеть такой свирепой грозы. Он упал на колени, пытаясь на ощупь отыскать шлем, который минуту назад положил рядом с собой. Увы, один из мечущихся по палубе моряков случайно поддал шлем ногой, и тот укатился далеко в сторону.

Теперь буря бесновалась в полную силу, невидимой рукой швыряя с небес каменный ливень. Кремниевые льдинки молотили по броне, с грохотом разлетаясь во все стороны. Нат скрючился у борта, обхватив голову руками и пытаясь как-то укрыться от прямых попаданий, которые точно стали бы смертельными. Кираса защищала его, но при каждом новом попадании ему казалось, будто кто-то со всей силы шарахает его дубиной.

Один из матросов, получив удар в затылок, повалился на палубу, захлебываясь кровью: камень вырвал ему язык. Каждая каменная «капля» прокладывала себе путь к земле с силой пули.

Небеса словно решили учинить всеобщую казнь через побивание камнями, от которых коробилась броня и вылетали стекла иллюминаторов.

Нат припомнил, что некогда объяснял ему отец:

«На Алмоа состав дождевой воды изменился. Проходя через слои атмосферы, капли накапливают молекулы извести, которые искажают их структуру, и к тому времени, как они достигают земли, они превращаются в камни! Невежды непременно скажут тебе, что это следствие Великого Проклятия, но это просто глупость. Все дело в экологических нарушениях!»

Корабль застонал. Стальная обшивка коржила и рвалась под напором каменного ливня, обнажая внутренние отсеки судна. Нату удалось укрыться под чьим-то щитом, и теперь он отчаянно цеплялся за кожаный ремень, прикрепленный к стальному диску, который только вздрагивал от очередного шквала. Одна из градин подкатилась к его ногам. Она была круглая, гладкая, как агатовая бузина... и совершенно сухая.

— Если корабль будет наполняться и дальше, мы пойдем ко дну! — закричал капитан.

Он был прав. Каменные шарики, ручейками стекая через люки, постепенно наполняли трюмы. С каждой минутой отяжелевший корабль оседал все глубже.

Люди на палубе пытались заделывать пробойны. Падающие с неба камни то и дело колотили по незащищенным спинам, разбивая почки и легкие.

— Отступаем на нижнюю палубу! — командовал Нат.

Он сильно тревожился за Неба Орна, которого ливень наверняка застал голым по пояс, занятым осмотром пушек.

Уцелевшие осторожно отступили, стараясь не выставлять за пределы щитов руки и ноги. Каменная шрапнель била достаточно сильно, чтобы покалечить оставленные без защиты конечности.

У подножия трапа, ведущего вниз, они обнаружили лежащего без сознания гарпунера: на лбу у него вздулась громадная шишка, щеки и скулы были покрыты кровоподтеками и ссадинами. Ему еще повезло, что в него попадали только мелкие градинки. Нат и другие матросы не без труда оттащили его в более безопасное место.

Они сгрудились между двумя пушками, куда проникающие через пробоины в потолке камни попадали уже на излете; тем не менее силы удара хватало, чтобы градины взрывались облачками сухой пыли.

Ливень бушевал около получаса и закончился так же внезапно, как и начался.

Воцарившаяся после грохота тишина сама казалась оглушающей. Некоторое время никто не решался сдвинуться с места, но затем Нат отодвинул щит и выбрался на палубу. Испещренная кратерами поверхность ила вокруг судна напоминала лунную поверхность.

Судно пострадало очень сильно. Из команды уцелели лишь немногие; потери насчитывали пять убитых и десять тяжелораненых. В воздухе висел душный запах крови.

В машинном отделении пробитые камнями трубы исходили ручейками пара.

Схватив рупор, капитан объявил, что давление упало до нуля и двигатель требует ремонта. Неб Орн, едва придя в себя, снова спустился вниз, в ко-

чегарку. Нат побежал вместе с годными к службе матросами вычерпывать миллионы и миллионы небесных камешков, заполнивших трюмы.

Он занял свое место в цепочке, по которой передавали ведра с градинами, чтобы высыпать их за борт. Каждое такое ведро, наполненное под край, весило килограммов тридцать, и Нат тут же почувствовал, как налились болью его руки. Но что поделать? Приходилось работать дальше.

Никто не разговаривал — каждый берег силы для работы, и вокруг было слышно лишь натужное, хриплое дыхание, перемежающееся в регулярном ритме шорохом ссыпаемой на равнину гальки.

Наконец донесшийся из топки свист возвестил, что давление снова растет; десять минут спустя винт снова начал вращаться, и судно вырвалось из глинистого плена с треском, от которого свело челюсти у всего экипажа.

Из люка показалась голова Неба Орна. Его синяки уже успели налиться чернотой, и Нат не сразу его узнал.

— Поехали! — крикнул гарпунер с напускной веселостью. — Все наверх!

— Ты в порядке? — спросил юноша, пока матросы занимали свои места на палубе.

— В порядке, — буркнул усатый великан.

И, чуть помолчав, добавил:

— Раньше в это время года никогда не бывало дождей. Погода совсем разладилась. Опоздаем примерно на полдня, если только...

Он резко умолк и снова вернулся к сплетению трубок двигателя, что-то подправляя в них при помощи молотка.

Нат ощупал свои бока, морщась от боли. Его кираса сильно покособилась от недавнего ливня, руки нещадно ныли. Он оторвал полосу ткани от подола туники, чтобы кое-как перевязать ушибы. Волосы липли ко лбу от пота. Наверное, ему следовало радоваться, что он не ранен. Другим повезло куда меньше. На палубе все еще виднелись кровавые потеки там, где несчастные попали под обстрел.

Поднявшийся ветерок показался ему упоительно свежим. Небо набрякло свинцом, но на горизонте виднелась светлая полоска. Прямо впереди смутно виднелась какая-то темная масса.

«Только бы не...» — подумал он, не успев толком осознать, чего же боится.

Скоро он застучал зубами от холода. «Конечно, от холода», — твердил он сам себе, в глубине души отлично понимая: причина этому — страх.

ГЛАВА 6

Измученный переживаниями, Нат так и заснул, привалившись спиной к борту. Неб Орн тычком вывел его из забытья.

— Погляди-ка! — воскликнул гарпунер. — Вот тебе и пожалуйста.

Нат глянул, куда тот указывал, и вытаращил глаза. Та штука, которую он заметил впереди, прежде чем провалиться в сон, находилась теперь примерно в пяти кабельтовых от их канонерки. Белая гора, достигающая, казалось, самого неба. Огромное облако совершенно подавляющих размеров.

«Прямо дрейфующий континент», — подумал он. Палубу огласил звон тревожного колокола.

— Вижу облако! — тупо вопил охваченный паникой впередсмотрящий. — Вижу облако!

Как будто кто-то еще мог не заметить нависшей угрозы.

Команда столпилась у левого борта. Капитан, прихрамывая в своих покореженных ливнем доспехах, поднес к глазам самодельный измеритель скорости.

— Быстро идет, — пробормотал он. — Чертовски быстро. В жизни такого не видал!

Нат прищурился. Облако парило над самой равниной, как какой-то небывалый кит из белого камня.

— На какой высоте оно летит? — спросил кто-то из матросов.

— Метров шесть над поверхностью воды, не больше, — отозвался Неб, поглаживая свой любимый гарпун.

Нат стиснул зубы. Как и все жители Алмоа, он прекрасно сознавал опасность, которую представляют затвердевшие облака. Моряки называли их «летучими айсбергами».

По мнению Ната, они скорее походили на наполненные газом дирижабли с оболочкой из мрамора.

«Это нестабильные образования, — объяснял ему когда-то отец тем самым «лекторским» голосом, к которому прибегал, намереваясь заняться образованием сына. — Сгустки газа, подчиняющиеся сложным химическим законам. Их поверхность застывает, но внутри они остаются полыми, поэтому парят над землей, как аэростаты. Однако чем больше возрастает вес их «оболочки», тем сильнее они снижаются. И летя на бреющем полете, они становятся опасны, потому что сметают все, что окажется у них на пути. На этой стадии их твердая оболочка практически неуязвима. Облака всегда таят угрозу. Во-первых, они движутся беспорядочно на высоте около десяти метров, а во-вторых, когда чересчур тяжелеют, они опускаются и проламывают сухую корку океана, а потом погружаются в грязь, устраивая наводнения, которые непременно губят ближайшие поселения. Только канонерки могут внести хоть какой-то порядок в этот хаос. Чем

больше облаков они разрушат, тем больше у нас шансов выжить».

Облако, парившее недалеко от корабля, было размером с десятиэтажный дом и казалось воздушным, словно клуб снежно-белого дыма. На самом же деле твердостью и неприступностью оно не уступало каменному замку. Облака в небе Алмоа представляли собой примерно то же самое, что айсберги в морях на Земле.

Капитан уже отдавал команды. Неб похлопал юношу по плечу, и тот увидел, как в желтых глазах гиганта загорелись огоньки азарта.

— Ничего, сейчас мы покончим с этой свинячьей летучей наковальней! — пообещал он.

Облокотившись на борт, Нат смотрел, как облако плывет им навстречу, словно само решило пойти в атаку.

— Идет прямо на нас! — закричал впередсмотрящий.

— Оно нас сейчас протаранит, — пробормотал рядом кто-то из матросов.

Белая громада скользила в пространстве абсолютно бесшумно, как какой-нибудь исполинский корабль-призрак.

«Дымное чудовище», — подумал Нат. Прищурившись, он разглядел стайку птиц, рассеявшихся на верхушке одного из белых завитков. Ему захотелось закричать или громко хлопнуть в ладоши, чтобы вспугнуть их, но это было бы бесполезно: на таком расстоянии птицы бы его не слышали. Тогда он понадеялся, что они сорвутся прочь при первом же выстреле. При всей своей ненависти к ящерам, к неуклюжим равнинным птицам он питал какую-то глупую, неумеренную любовь.

У него за спиной капитан отдал приказ открыть огонь. Залп гроыхнул, вызвав отчаянный лязг в недрах корабля, который завибрировал, как колокол. Ядра со свистом распороли воздух. На корабле увидели, как снаряды ударили в облако, срикошетили... и грузно попадали на равнину. На самом облаке не осталось ни вмятинки. Повышенное тяготение на Алмоа сильно снижало убойную мощность выстрелов.

Моряки застыли, оцепенев от страха и беспомощности.

Блуждая взглядом по белым холмам, туманным долинам и дымным хребтам облачной поверхности, Нат невольно подумал, что такая громада легко могла бы нести на себе вес целой деревни или города, не потеряв и сантиметра высоты.

Он заставил себя встряхнуться: облако — это смертельный враг, а не повод для мечтаний.

— Это оторвавшийся кусок неба, — лепетал кто-то рядом с ним. — Алканек хочет наказать нас! Мы должны распластаться по земле, ползать, принять его проклятие!

Сердито пожевав седой ус, Неб Орн повернулся к капитану и буркнул:

— Ничего у нас не выйдет, даже если мы выпустим по нему весь наш арсенал. Это все равно что пинать ногами слоновью задницу.

Нат подумал, что тот, пожалуй, прав. Тень облака уже нависала над канонеркой, которая, учитывая мощные размеры облака, развернулась, чтобы оказаться как раз у него на пути. Онемев от ужаса, члены команды смотрели, как проплывает у них над головами мраморный потолок.

— Небо рушится! Небо рушится! — завопил кто-то из особо суеверных. — Это Проклятие Алканека, оно раздавит всех нас!

«Даже если это не так, выглядит до жути похоже», — подумал Нат.

Он повертел головой. Теперь белая громада двигалась напрямиком на прибрежный городок, раскинувшийся неподалеку.

Население уже высыпало на улицы, мечась с разномастными, наспех собранными тюками.

Нат с содроганием увидел, как передний край облака смял городскую стену, рассыпавшуюся без малейшего сопротивления. Облако же продолжило свой путь как ни в чем не бывало, двигаясь с той величественной медлительностью, какая, наверное, была присуща какой-нибудь огромной доисторической твари, которой не было дела до деревьев и животных, попадающих ей под ноги, и которая лениво брела вперед, объятая равнодушной сонливостью. Дома рушились, хороня под обломками целые семьи, которые только хрипло вопили набитыми известкой ртами; высокие строения покорно ложились, как трава под стопой путника; стены превращались в надгробные плиты, давящие не успевших спастись женщин и детей.

Объятый ужасом, Нат смотрел на гибнущий город, от которого остались только стекающие вдоль бывших улиц ручейки каменной крошки. Ветер поднимал тучи цементной пыли, посыпая ею беженцев и окрашивая их одежду, кожу и волосы в одинаковый серый цвет.

— Цвет траура по раздавленным городам всегда серый, — произнес Неб Орн.

Нат перевел взгляд на кучку уцелевших горожан, столпившихся на пристани, — молчаливые, сгорбленные горем фигуры, и задумался о том, что ждет их дальше.

Отстроить город заново можно, но для этого нужно раздобыть строительный материал в достаточном количестве, а на Алмоа каждый обломок камня превращался в драгоценность. В мире, где любое твердое тело жадно поглощали зыбучие пески, даже небольшая галька ценилась на вес золота. Если жители погибшего города не раздобудут камня, им придется строить себе хижины из торфа, которые следующий ливень превратит в решето... и все начнется снова, если, конечно, не подоспеют ящеры!

ГЛАВА 7

Облако замерло. Зависнув над развалинами, оно словно застыло в некоей точке равновесия над горизонтом, ожидая неизвестно чего.

— Да оно просто дразнит нас! — вскричал Неб Орн. — Хочет узнать, хватит ли нам смелости с ним сразиться или у нас кишка тонка!

— Матросы, — возвысил голос капитан, — вы знаете, что вам следует делать. Гарпуны к бою! Всем приготовиться к абордажу!

Нат сглотнул, с трудом преодолевая скрутивший внутренности страх. Настало время оплатить свое плавание. Матросы уже открыли люк арсенала и вытаскивали оттуда знаменитые взрывные гарпуны, такие опасные в обращении. Многие лица были искажены тревогой, один только Орн явно испытывал радостное возбуждение. Наконец-то ему найдется дело по душе! Скоро абордаж!

Он вынул из рундука небольшую переносную пушку, которая стреляла гарпуном с взрывчатым наконечником: этот гарпун вонзался в бок облака, как альпинистский штычок с крюком на другом конце. К этому крюку привязывали веревочную

лестницу, по которой люди могли взобраться на облако, молясь, чтобы крепление выдержало.

Неб поднес орудие к плечу и выстрелил. Для преодоления силы тяжести пороховой заряд делали очень мощным, и от этого возникала опасность, что оружие разорвет прямо в руках стреляющего. Когда такое случалось, голова несчастного улетала в облаке кровавых брызг, а нижнюю челюсть приходилось подбирать где-нибудь на баке.

Нат проследил взглядом за неуверенным полетом гарпуна, к оконечности древка которого крепился тонкий трос. Снаряд уже шел на снижение. Коснувшись облачной массы, его наконечник взорвался с глухим грохотом и вонзился в гладкую поверхность. Это была удача: нередко приходилось стрелять три или четыре раза, прежде чем гарпун наконец крепко втыкался в стеклянистое вещество.

— Держится! — объявил Неб, подергав за трос.

Капитан подал ему знак поднять по тросу веревочную лестницу. Когда эта операция завершилась, абордажная команда выстроилась гуськом и приготовилась к восхождению. Нат постарался протолкаться вперед: у него просто не было сил маяться ожиданием, пока настанет его очередь.

Зажав под мышкой взрывной гарпун, он ухватился обеими руками за перекладину. Действие тяготения он ощутил, когда болтался на высоте метров пяти над палубой: в ушах глухо застучало, и он перестал слышать ободряющие крики матросов снизу. Кровь стремительно отлила в нижние части тела, раздувая ноги чуть ли не вдвое. Он почувствовал, что башмаки стали слишком тесны для отекавших стоп, готовых вот-вот лопнуть, как напол-

ненные сукровицей пузыри. Преодолевая дурноту и головокружение, он упрямо продолжал цепляться за перекладыны. Чем выше он поднимался, тем хуже ему становилось. Невидимая рука давила ему на голову, словно его череп был орехом, который следовало немедленно расколоть. Перед глазами мельтешили черные мушки. Наконец он коснулся поверхности облака — холодной как мрамор и гладкой как стекло. Это было прекрасно и жутко одновременно.

Он чуть прополз вперед, взбираясь на облако. Влажные от пота пальцы срывались, не находя, за что зацепиться. Поверхность была лишена каких-либо шероховатостей — ничего, кроме гладких округлых выпуклостей. Он соскользнул по одному из склонов, растопырив руки и ноги, чтобы замедлить падение. С трудом поднявшись на дрожащих ногах, он с изумлением оглядел окружающий пейзаж. Облако парило в небе, как остров из белоснежного, без единого пятнышка, мрамора. На ощупь оно и впрямь ничем не отличалось от камня. Трудно было поверить, что такая громада может летать, но Нат ощущал ее движение под ногами, как будто стоял на палубе огромного корабля. При каждом шаге раздавался гулкий пустотелый звук. Многие объясняли это чудо природы могущественной магией Алканека, которого жестоко казнил третий Император. Но Нат знал, что волшебство тут ни при чем.

«Облака твердые», напомнил он сам себе, чтобы немного успокоиться. «Твердые, но полые внутри, и наполнены газом, благодаря которому они могут

летать наподобие дирижаблей. Когда газа не хватает, они опускаются все ниже и ниже».

Впервые в жизни он осознал, насколько верны эти слова.

Прибытие Неба Орна вывело его из задумчивости. После восхождения гарпунер пыхтел, как тюлень, и его лицо приобрело угрожающе багровый цвет.

— Эй, — пробурчал он, — ты в порядке? Выглядишь так, будто совсем разума лишился. Ты хоть не забыл, что должен делать, а?

— Не забыл, — отозвался Нат придушенным голосом. — Нахожу трещину, вставляю в нее свой гарпун, вырываю чеку и бегу прятаться в укрытие.

— Ага, все верно, но поостерегись, если не хочешь, чтобы твои причиндалы разлетелись на тысячу клочков.

Это было все, до чего додумались стратеги, чтобы уничтожать облака: расширять взрывами их трещины в надежде, что единая громада развалится на несколько небольших безобидных обломков. В наконечники гарпунов были вмонтированы взрывные заряды, которые приводились в действие на манер ручной гранаты: детонатор срабатывал при выдергивании предохранительного кольца. Однако устройство это было крайне ненадежное, и гарпуны нередко взрывались в тот самый момент, когда их вставляли в трещину.

— Пошли, — скомандовал Неб. — Смотри, куда ступаешь, и двигайся медленно. На этой высоте мозг слишком сдавливает тяготением, так что потерять сознание можно в два счета.

У Ната даже не нашлось сил ответить. Уже минуты три его не оставляло ощущение, что на плечи ему взгромоздился невидимый слон. Он глянул на свои ноги и удивился, почему они не проваливаются по колено в «землю».

— Шевелись, — посоветовал ему Неб. — Если перестанешь двигаться, станет еще хуже.

Они тронулись вперед — тяжело и неуклюже, как дети, делающие свои первые в жизни шаги. В ушах у Ната гудело, словно в каждом спрятался большой пчелиный рой.

Теперь ему стало ясно, почему никто не собирался селиться на облаках. Некоторые безумцы, правда, делали такие попытки, исходя из разумного принципа, что лучше ездить на чудовище верхом, чем оказаться расплюснутым у него под лапами; но пережить этот эксперимент не удалось никому. На этой высоте давление было слишком сильным, оно сдавливало мозг, вызывало обильные кровотечения и смертельные закупорки сосудов.

Нат спотыкался, скользя вокруг мутным взглядом. У него пошла кровь носом, и он рассеянно вытер ее тыльной стороной ладони.

Неб Орн шагал, наклонившись вперед, как водолаз в тяжелом скафандре. Нат отметил, что воздух здесь и впрямь казался более плотным, как вода.

Они медленно спустились в одну из долин. Поверхность облака оказалась очень прихотливой. Крутые завитки громоздились холмами, похожими на огромные, изваянные из мрамора виноградные грозди. Идти было скользко, как по замерзшему озеру. И потеряться в этом белом холодном лабиринте ничего не стоило, поэтому Неб позаботился

захватить с собой кусок угля и ставил черные кресты там, где они проходили.

Наконец они высмотрели небольшой разлом.

— Я останусь здесь, — сказал гарпунер, — а ты отойди к другому концу трещины, как можно дальше. Попробуем подорвать два заряда одновременно, так будет эффективнее. Используй свисток, чтобы подать мне знак, когда будешь готов. Два длинных свистка, один короткий. Понял?

Нат удалился, следуя вдоль трещины. Поможет ли их маневр хоть немного ослабить крепость облака? Ему с трудом в это верилось, однако до настоящего времени никто не придумал лучшего способа бороться с летучими айсбергами Алмоа.

Он шагал минут десять, потом внезапный упадок сил вынудил его сесть на землю. Кровь продолжала струиться из ноздрей, заливая губы и подбородок. Целый ручей крови.

Он осмотрел ноги: вены под кожей вздулись так, что едва не лопались. Ох, дьявол! От чрезмерного прилива крови лодыжки стали едва ли не вдвое толще, чем полагается, и цвет у них стал нездоровый, с лиловым оттенком. То же самое случилось с членом и мошонкой, которые, разбухнув до невероятных размеров, причиняли ему жуткие страдания.

Он на мгновение прикрыл глаза, потом заставил себя подняться. Невидимый слон продолжал давить всем своим весом ему на лопатки. Через грохот в ушах он едва расслышал эхо далеких взрывов — где-то всюю работали остальные матросы.

Следуя вдоль трещины по дну глубокой ложбины, он обнаружил остатки чьего-то лагеря. Там было с поддюжины низеньких, сложенных из ки-

зяка лачуг и примерно столько же человеческих скелетов. Скорбные останки отряда, который некогда попытался приспособиться к жизни на высоте. Поселение было воздвигнуто возле впадины, где дождевая вода, скапливаясь, образовала небольшое озерцо. Развалины курятника указывали, что первопроходцам удалось даже изловить несколько птиц, чтобы организовать небольшое хозяйство. Нат склонился над останками. Кости черепов были смещены, словно их сжимали тисками, пока они не лопнули.

Интересно, сколько времени продержались здесь эти бедолаги? Неделю? Три дня?

Больше мешкать не следовало. Втыкая гарпун в трещину, он на мгновение заколебался: что, если он сейчас взорвется у него в руках?

Он сжал губами свисток и погрузил наконечник гарпуна так глубоко, как только смог. Железо скрежетнуло по мрамору. Надув щеки, Нат подал условный сигнал, затем резким движением вырвал чеку. Лучше уж скорее покончить с этим. В четыре прыжка он одолел расстояние до ближайшего укрытия — гладкого мраморного холмика, но поскользнулся и растянулся на животе. В ушах молотило так, что взрыва он не услышал — только почувствовал, как ударная волна прокатилась по поверхности облака, отдаваясь у него в животе. Какую-то секунду он с ужасом ожидал, что облако развалится пополам, и он, Нат, отправится в вечное странствие пленником половинки айсберга...

С трудом поднявшись, он повернул назад. Виски ломило от боли, гениталии грозили лопнуть от каждого движения.

Неб уже поджидал его. Не теряя ни секунды, он двинулись обратно к веревочной лестнице. Оба сознавали, что надо скорее спускаться, пока они не лишились сознания; в противном случае канонерка уплывет без них, потому что никому не достанет ни сил, ни смелости отправляться на поиски их бесчувственных тел.

Уже наклоняясь, чтобы схватиться за верхнюю перекладину, Нат заметил, как капающая из его носа кровь прочертила алый пунктир по снежно-белой поверхности облака. Этот нехитрый рисунок показался ему столь восхитительным, что он замер в неподвижности, созерцая яркую пограничную линию.

— Шевелись, — прикрикнул на него Неб. — А то у тебя уже совсем крыша едет.

Они соскользнули на палубу. По мере спуска болезненные ощущения стали пропадать, а потом исчезли совсем.

Нат обессиленно рухнул на свернутый в бухту канат.

По итогам операции команда недосчиталась двоих: один матрос взорвался вместе со своим гарпуном, а другой свалился без чувств.

— У него мозги разжижились от давления, — пояснил один из его товарищей. — Прямо потекли из носа, как сопли. Вот черт! Каждый раз, когда он чихал, мозги так и брызгали у него из ноздрей!

Смотав веревочную лестницу, они поглядели вслед удаляющемуся летучему айсбергу, от всей души надеясь, что расширенные взрывами трещины в конце концов не выдержат. Развалившись на более мелкие фрагменты, облако могло причинить куда меньше вреда.

На следующий день канонерка уже бросила якорь у берегов Сольтерры — острова, где Нат родился. Здесь его путешествие заканчивалось. Он вернулся домой и не имел представления, что ожидает его дальше. С болью в сердце он простился с пожилым гарпунером, к которому успел сильно привязаться.

— Может, мы еще свидимся, — сказал великан со вздохом. — На этой грязевой равнине все возможно. Да хранят тебя боги от демонов тумана, и да приведут они тебя однажды к подножию стены, за которой начинается сад секретов.

ГЛАВА 8

Нат долго стоял, глядя на свой родной край. Именно здесь он появился на свет, среди руин некогда славного города, построенного в давние времена властителями равнины. Здесь не было ни бараков, ни торфяных хижин — только богатые виллы, дворцы и нарядные храмы, сплошь узорные балконы, поддерживаемые кариатидами, фронтоны с колоннами и, само собой, величественная главная площадь в обрамлении дивных статуй. От этих зданий веяло богатством, властью и престижем. Проклятие уничтожило все это великолепие. Что же осталось сегодня от этой воплощенной мечты, возведенной горсткой богачей? Жалкая кучка облезлых домишек, прилепившихся к маленькому холмику, затерянному среди грязевой равнины. Слепые, осыпающиеся, заляпанные птичьим пометом фасады, все в щербинах от каменных ливней.

С самого утра Нат бродил среди этих развалин в безнадежных попытках устроиться хоть на какую-нибудь работу — шатался от лавки к лавке, предлагая себя в качестве рабочей силы. Но до сих пор натыкался только на отказы.

Он упрямо обходил одну улицу за другой, не обращая внимания на щебнистую морось, от которой его лицо сплошь покрылось мелкими ссадинами.

Город ничуть не изменился. Разве что сторожевая башня, на которой служил его отец, погрузилась в землю еще на метр или два под действием силы тяжести.

Прошло уже пять часов с той минуты, как Нат сошел на берег, оставив канонерку продолжать путь на север без него. Растерявшись от внезапного одиночества, он шагал наугад, глаза по сторонам. Никто его не узнавал. Вернее, так: никто не проявлял к нему ни малейшего интереса. По правде сказать, какое-то оживление в городе наступало лишь к вечеру, когда рыбаки и охотники возвращались с промысла, нагруженные добычей, усталые и заляпанные грязью. Тогда над торфяными лачугами взвивались дымки очагов, распространяя аппетитные запахи жареного и печеного мяса.

На самом верху холма, среди жалких развалин некогда роскошного квартала, проживали наиболее влиятельные семейства горожан. Остальное население теснилось в немногочисленных домах, крепко укоренившихся в земле. И все же мало кто селился выше третьего этажа: из-за силы тяжести лестницами пользовались неохотно, и тот, кому приходилось забираться на пятый, рисковал свалиться на месте с сердечным приступом.

Нат снова и снова возвращался к одной и той же мысли: какие причины побудили его вернуться в этот город, где его никто не ждал? Ему вдруг пришло в голову, что куда разумнее было бы остаться на борту канонерки вместе с Небом Орном.

Когда он уже собирался в очередной раз поинтересоваться насчет работы, на этот раз в кузнице, к нему приблизилась кучка одетых в лохмотья юнцов. Узнать их не составило труда. Выходит, они так и продолжали безобразничать на улицах! Их предводителя звали Жосс. Это был опасный, неприятный тип с бледной кожей; почему-то он пользовался большим влиянием среди своих прихвостней, хотя намного уступал им в физической силе. Ната всегда удивляло, почему Жосса так почитали в его шайке. Он отличался нездоровой жестокостью, и каждое его слово буквально истекало нечистотами. Приблизившись, Жосс уселся на пятки: на Алмоа тратить силы на то, чтобы держаться на ногах, могли только обладатели крепкой мускулатуры.

— Значит, ящеры тебя не схарчили? — спросил он негромким, без всякого выражения голосом. — Наверное, тебе просто не хватило смелости хоть раз к ним приблизиться...

Шайка за его спиной захихикала в полумраке.

— Моряки, которые время от времени заходят в наш порт, рассказывали, что ты снюхался с какой-то Мягкоголовой, — продолжал Жосс. — С дикаркой, которая бегаёт на четвереньках... Говорят, ты даже прижил с ней детеныша? Щенка, который только тявкать умел? Гав! Гав! Ты вроде даже построил ему конуру, и он служил тебе сторожевой собачкой. Верно, да? А зачем ты сюда явился? Есть наш хлеб? Тискать наших девчонок? Или хочешь и сам наняться к кому-нибудь сторожевой собакой? Ты хоть лаять-то умеешь?

Нат знал, что Жосс нарочно пытается спровоцировать скандал, чтобы получить основание вышвыр-

нуть его из города. Поэтому он решил не попадаться в ловушку и, пожав плечами, под глумливый хохот оборванцев вошел в кузницу.

— Правильно, беги! — сплюнул Жосс. — Возвращайся к своим Мягкоголовым, пока мы тобой не занялись. Тебе здесь больше нечего делать! Это уже не твой дом! Ты предал свою расу!

Но Нат уже подходил к наковальне, на которой хозяин кузницы отбивал раскаленный докрасна брусок стали, рассчитывая выковать из него меч. Юноша в очередной раз предпринял попытку выговорить себе рабочее место, старательно маскируя усталость и тоску под деланой оживленностью.

Ремесленник оглядел его с ног до головы лишенным всякого интереса взглядом.

— Бедняга, — пробурчал он. — Я ведь тебя знаю. Не стану врать: здесь тебе нигде работы не найти. Тебя не любят и заставят заплатить сполна за твое бегство. Людям не понравилось, что ты оставил родной остров и отправился искать счастья в чужих краях. У нас, знаешь ли, так не делается. Если не хочешь умереть от голода, у тебя есть только один выход: отправляйся в погребальную пещеру и поступи на работу к Барнабасу.

Нат ощутил, как все его внутренности сжались. Барнабасом звали единственного в Сольтерре похоронных дел мастера, управляющего подземным кладбищем. Его именем стращали уже не одно поколение городских детишек, которым нередко приходилось слышать: «Будешь плохо себя вести, Барнабас заберет тебя!»

— Я серьезно говорю, — настойчиво повторил кузнец. — Барнабас состарился, и ему давно нужен

подмастерье. Беда в том, что никто из его помощников долго не выдерживает. Очень уж все... странно там внизу. Он-то тебя примет с распростертыми объятиями, можешь не сомневаться! По крайней мере, у тебя всегда будет крыша над головой и кусок хлеба... пока ты не сломаешься. Помнишь, как к нему пройти?

Нат поморщился. Кто же сможет забыть вход в подземный некрополь?

Поблагодарив кузнеца, он вышел. Городские катакомбы были настоящей гордостью жителей Сольтерры. Нат не раз слышал, как отец с презрением отзывался о племенах, которые хоронили своих усопших, погружая их в ил. По его мнению, такие похороны были недостойны человека, и в этом обычае ему виделись признаки варварства, присущие тем же Мягкоголовым.

«Как мертвецы могут довольствоваться тем, что их просто закопают в грязь? — негодовал он. — По мне, так это значит низводить человеческий прах до уровня испражнений!»

Нат вздохнул. Желудок мучительно сводило от голода. Спать под открытым небом, укрывшись среди развалин, ему тоже совсем не хотелось: это означало добровольно отправиться на корм ящерам, которые по ночам рыскали по окраинам города в надежде поживиться такими вот бездомными.

Немного сориентировавшись и вспомнив нужное направление, он покинул городские кварталы и направился по дороге к кладбищу. На самом деле это была старая шахта, открывающаяся на северном склоне и круто уходящая в глубь холма. У входа в нее извечно стояла ржавая железная

вагонетка, исполняющая роль катафалка. Похоронные процессии останавливались как раз возле этого места. Когда покойного укладывали в вагонетку, кто-нибудь из ближайших родственников звонил в колокол, подвешенный у входного портика. После чего мужчины сталкивали вагонетку по рельсам, чтобы она, разогнавшись, продолжала свой путь уже самостоятельно. Благодаря крутому уклону погребальная тележка уносилась вниз очень быстро и с оглушительным грохотом, который наводил страх на женщин и детей... и, разумеется, на мужчин тоже (хотя они никогда бы в этом не признались!).

Обычай также требовал, чтобы в вагонетку укладывали подходящие подношения (вино, снедь, одежду) в качестве платы за труды мастеру похоронных дел папаше Барнабасу.

Сейчас Барнабас уже был слишком стар, чтобы возвращать вагонетку к месту отправления, вот почему ему был нужен молодой и крепкий подмастерье. Проклятая тележка представляла собой добрый центнер ржавого железа, и Нат невольно стискивал зубы при мысли, каких усилий ему будет стоять всякий раз затаскивать этот импровизированный катафалк ко входу в пещеру.

Он не удержался от содрогания, увидев через дорогу красный портик со знаменитым бронзовым колоколом.

Когда скончался его отец, Нату пришлось одолжить у соседа тачку, чтобы доставить останки Мура к порогу пещеры. Никто ему не помогал. Слишком строгий и догматичный, Мур не пользовался у горожан симпатией, и никто из тех, ради кого он

нес свою службу в течение пяти лет, не пролил ни слезинки при известии о его смерти.

Юноша остановился под самым колоколом и осторожно погладил его пальцами. Затем, собравшись с духом, вошел в пещеру. Вагонетка по-прежнему стояла здесь же, на рельсах, затаившись в темноте, как вечно голодный зверь, жаждущий наполнить свое брюхо.

Через десяток метров уклон стал круче, так что идти становилось все труднее. В каменной стенной нише Нат обнаружил шахтерский фонарь, заправленный ящеринным маслом, кремень и коробку с трутом. После нескольких неудачных попыток фитиль загорелся дрожащим пламенем.

Во имя всех демонов тумана! Вот уж никогда он не думал, что когда-нибудь окажется здесь, в этой преисподней отчаяния и безнадежности! Должно быть, судьба и впрямь ополчилась на него, раз ввергла его сюда!

Покачивая медным фонарем, он осторожно продолжил спуск. Окатанные камни сыпались у него из-под подошв, вызывая маленькие лавины. По крайней мере, заблудиться ему не грозит — достаточно всего лишь идти по ходу рельсов. Дневной свет окончательно померк у него за спиной, и он оказался совершенно один, продвигаясь на ощупь среди теней и отзвуков эха. Задыхаясь от страха, он ощутил потребность сообщить о своем прибытии.

— Папаша Барнабас? Я пришел просить места подмастерья... Кузнец сказал мне, что вы ищете помощника...

Внезапно на него накатил запах склепа. Нет, не зловоние разложения, а мощный запах горячего

гудрона. Он закашлялся, утирая слезящиеся глаза. До него доходили слухи, что рядом с подземным кладбищем расположено озерцо жидкого битума, в которое Барнабас окунал мертвецов, чтобы забальзамировать их и тем самым уберечь от тлетворного воздействия Времени. Людей, видевших подземные склепы своими глазами, можно было перечесть по пальцам, но все говорили о них с суеверным ужасом, который отнюдь не возбуждал желания отправиться туда на экскурсию.

— Папаша Барнабас? — снова позвал Нат.

Старик внушал ему страх. Про него говорили, что он не в себе, так что кто знает: вдруг он примет нежданного посетителя за демона и бросится на него с вилами?

Последнюю сотню метров Нат с трудом удерживал равновесие. Рельсы уходили вниз так круто, что он усомнился, сумеет ли втолкнуть вверх по ним вагонетку. Стоило чуть оступиться — и от него мокрого места не останется!

Он приняхался. В воздухе витал запах газа. В конце темного коридора мерцал желтоватый свет, и Нат догадался, что Барнабас использовал для освещения горючие испарения, проникающие в пещеру через трещины в породе. Крайне опасно и неосмотрительно с его стороны!

И тут, неожиданно, он оказался прямо на кладбище. Его глазам предстала огромная пещера, заполненная множеством платформ и помостов, соединенных между собой подвесными мостиками. Неверное, мерцающее освещение обеспечивалось газовыми трубками, из которых вырывались маленькие язычки пламени. Воздух был до невозмож-

ности спертый, наполненный смолистыми запахами и почти лишенный кислорода. В одну секунду кожа Ната покрылась потом.

Он замер, остолбенев от изумления. До него только сейчас дошло, что громоздившиеся вокруг платформы представляли собой решетки, на которых покоились сотни мумифицированных тел — черных, как вырезанные из угля статуи. Полки бесчисленных стеллажей тянулись до самого свода, который они подпирали как колонны. Со стороны это походило на исполинскую общую спальню с расположенными друг над другом койками. Эти ряды полок, на которых плечом к плечу лежали мертвецы, разделяли только узкие проходы.

Перед Натом вдруг материализовался странный персонаж, вырвав его из оцепенения. Это и был Барнабас, хозяин царства мертвых.

Он был низенький и щуплый и заметно прихрамывал при ходьбе. Из одежды на нем была одна только набедренная повязка, а кожа давно потемнела от гудрона. Длинные седые волосы старика были собраны в конский хвост, который хлестал по его выпирающему позвоночнику в такт шагам. Он тяжело дышал раскрытым ртом, обнажая кривой ряд гнилых зубов, а его выпученные глаза отлично сочетались с вздутым зобом под подбородком. Однако, несмотря на внешнее безобразие, он обладал весьма развитой мускулатурой.

— Так это ты устроил весь этот шум, парень? — проворчал он. — Ты что, хочешь, чтобы нас обвалом засыпало, так, что ли?

— Я пришел насчет работы... — неуверенно пролепетал Нат.

— Ага, я так и понял. Ладно, я тебя беру. Надеюсь, ты продержишься дольше, чем твой предшественник.

— Он что, уволился?

— Нет, свалился в горячий гудрон. Увалень неуклюжий. Лежит теперь где-то в том углу, на стеллаже. Ты должен усвоить одну вещь, парень: битум жидкий именно потому, что он кипит. Все, что в него попадает, спекается за тридцать секунд. Если ты по глупости окунешь в него пальцы, мне придется их тебе ампутировать. Как тебя звать? Пошли, покажу тебе свое хозяйство. Вообще-то бальзамирование занимает не так уж много времени, основная работа заключается в поддержании остальных постояльцев в хорошем состоянии. Тебе следует считать себя кем-то вроде камердинера, ясно? Мы вроде как работники гостиницы, а наши клиенты спят под нашим присмотром. Наша задача — не допустить, чтобы что-то нарушило их сон, понял? Мы здесь вроде обслуживающего персонала. Понимаешь, о чем я? Нет, конечно. Вы, молодежь, совсем лишены должного воспитания.

Нат воздержался от возражений, убедившись, что старик явно не в своем уме. Должно быть, это испарения битума вконец разъели ему мозги!

Барнабас долго расхаживал туда-суда между стеллажами, время от времени называя имена своих «постояльцев». Нат обратил внимание, что все мумии пронумерованы, и подумал, что его отец тоже лежит где-то здесь, затерянный в лабиринте из нагроможденных друг на друга неподвижных, погруженных в вечный сон тел. К счастью, плохое освещение смазывало кошмарную картину, и в по-

лумраке мертвецы больше походили на почерневших кукол, чем на людей.

Внезапно Барнабас велел Нату напомнить его имя.

— А! — радостно воскликнул старик. — Так ты сын Мура, дозорного. Ты сам привез мне своего родителя два или три года тому назад, верно? Не беспокойся, я обработал его как следует. Если хочешь, я тебе его покажу. Я соержу все свои регистрационные книги в полном порядке и всегда знаю, где спит каждый из моих клиентов. Здесь ничего никогда не теряется.

Барнабас еще добрый час нес всякую околесицу, то и дело поднимая и без того высокий голос до хриплого визга. Испарения горячего гудрона опьяняли Ната, заставляя его покачиваться от головокружения.

— Да ты потеешь, как свинья! — хихикнул старик. — Слишком уж ты тепло оделся. Раздевайся догола, как я, иначе упадешь в обморок. В некоторые дни температура здесь поднимается до сорока пяти градусов, следует быть к этому готовым.

Не в силах больше терпеть, Нат принялся торопливо скидывать одежду. Как только он разделся, ему сразу стало легче.

— Ну а теперь самое главное! — объявил его проводник. — Гудронная яма.

Все стеллажи располагались лучами вокруг одного-единственного пятачка, где чернело самого жуткого вида булькающее озерцо. Жар вблизи него стоял невыносимый.

— Вот здесь мы и работаем, — пояснил Барнабас. — Когда прибывает новое тело, его нужно

вскрыть, извлечь внутренности и хорошенько почистить. После этого его цепляют вот к этой цепи и спускают вот по этому наклонному пандусу вниз, пока тело целиком не погрузится в битум. Потом ждут примерно четверть часа, пока оно хорошенько пропечется, затем вытаскивают его и хорошенько охлаждают. И когда оно как следует застынет, укладывают его на решетчатую полку. Так он будет готов провести хоть вечность.

Тут его прервал жестокий приступ кашля, и он замолк, то и дело сплевывая черную мокроту.

— Так вот, на словах все это кажется проще некуда, — проворчал он, восстановив дыхание, — но зачастую что-нибудь идет не так. Иногда смола в яме бурлит так сильно, что брызги летят во все стороны и могут попасть в глаза. Потом еще испарения: от них может закружиться голова, а обморок непременно свалит тебя в яму... Я потерял таким образом уже троих подмастерьев. Ладно, на сегодня с тебя хватит. Пойдем пропустим по стаканчику.

Нат был рад воспользоваться случаем и отойти от озера кипящего битума. Барнабас привел его к покосившейся лачуге, кое-как сколоченной из досок и набитой внутри целыми завалами одежды и разномастной утварью.

— Барахло мертвецов, — сообщил он. — Хоть лавочку открывай! Люди никак не поймут, что жмуриков надо полностью раздеть, прежде чем макать в гудрон! Ну а прочее — это подарки, которые они кладут в вагонетку специально для меня. Иногда попадается совершенная дрянь, без всякой пользы. Ладно, пристраивай куда-нибудь свою задницу.

Пробираясь боком среди завалов тряпья и прочего хлама, он приволок откуда-то кувшин с мутной сивухой и пару стаканов. У Ната свело желудок, но он все же заставил себя проглотить глоток крепчайшего пойла, которое старик смаковал, прищелкивая языком от удовольствия.

— Так что ж, выходит, твой отец — Мур? — ухмыльнулся Барнабас. — Его не очень-то любили. Пару лет назад его сменил Тарагос Бледный. Именно ему в тот раз выпал жребий. Думаю, скоро можно ждать его в гости.

— Он что, болен? — спросил Нат.

— Да, так говорят. Похоже, демоны тумана все-таки добрались до него. Их вонь его отравила. Харкает кровью, того гляди, легкие выкашляет. Кончено его дело. Так что скоро жди новой жеребьевки. Почему бы и тебе не попытать счастья? Ты еще молодой! А у дозорных куча всяких привилегий. Хорошая еда, бесплатный доступ в тайный бордель на холме... Ну да тебе и так все это известно, раз твой отец был дозорным, верно? Небось случалось даже похаживать с ним в бордель, спрятанный под башней, а?

Нат отвернулся. Ему не хотелось развеивать фантазии старика. Да и в любом случае, даже если он расскажет правду, Барнабас все равно ему не поверит.

— Да уж, дозорный, — мечтательно протянул старик. — Теплое местечко! Смотришь себе за облаками, не напрягаешься, только и дел, что набивать брюхо да шалить с девчонками. Ничего не скажешь, повезет кому-то!

— Я прямо с ног валяюсь, — признался Нат. — Что такое? Никогда в жизни не чувствовал себя таким усталым...

— Это из-за недостатка кислорода, — объяснил хозяин кладбища. — Воздух тут спертый... Ничего, привыкнешь. Ну, или помрешь, тут уж как пойдет. Был у меня один помощник, так тот всего за одну ночь посинел весь. К утру уже помер. Некоторые не выносят такой работы. Слабаки. Газ тут сочится из всех щелей, он нас и согревает, и свет дает. В конце концов притерпишься. Зато, когда будешь подниматься на поверхность, почувствуешь себя плохо. Я тут внизу уже так долго, что, вздумай я подняться на чистый воздух, тут же свалюсь замертво: мои легкие просто выгорят от кислорода, и кровь заржавеет прямо в сосудах! Сердцу придется гонять сплошные железные опилки!

Видя, что глаза у его собеседника совсем слипаются, Барнабас наконец уgomонился.

— Ладно, укладывайся-ка вон на ту койку, а я вернусь к работе. Ну а уж завтра никто с тобой миндальничать не будет, придется тебе напрячься, парень!

На следующий день новый хозяин без всяких церемоний разбудил Ната с утра пораньше и, сунув ему в руки гарпун, отправил его пошарить по окрестностям в поисках какой-нибудь дичи, чтобы внести немного разнообразия в повседневный стол.

— Эти, сверху, посылают сюда одно только вяленое мясо, — проворчал старик. — Погоди, скоро оно и тебе приестся так же, как мне. Тепло и свет привлекают в пещеру кучу всякого зверья, и если

ты не совсем безрукий, кого-нибудь да добудешь. Отличное жаркое приготовим.

Так Нату подвернулась возможность освежить свои навыки, приобретенные еще в те времена, когда он охотился вместе с Мягкоголовыми. Он исполнял эту повинность не без удовольствия, так как она позволяла ему держаться подальше от тех черных гудронных мумий, уложенных на стеллажах, как на многоярусных койках. Среди камней обитало множество мелких ящериц, так что он редко возвращался с пустыми руками. Разделка добычи и приготовление мяса занимало его руки и голову, не оставляя времени на мрачные мысли.

Иногда во время своих охотничьих скитаний он натывался на скопления газа, ядовитые испарения которых вызывали у него странные галлюцинации. Спотыкающийся, пьяный, он вдруг начинал видеть Ньюшу и малыша, которые подавали ему знаки из глубины пещеры. Видения казались до того реальными, что юноша не мог устоять и бегом бросался навстречу миражу, который самым подлым образом рассеивался, стоило ему протянуть к нему руки.

Эти случаи не ускользнули от внимания Барнабаса, который как-то сказал:

— Ты бы поостерегся, парень. Газ такая штука... злоупотреблять им не стоит. Пару понюшек время от времени — это ничего, отлично поднимает настроение, но если слишком увлечься, в конце концов перестаешь отличать сон от реальности. Думаешь, почему ты так легко добываешь дичь? Не считай себя за великого охотника, просто эти бедные твари надышались газом до полной отключки и уже едва шевелят лапами, даже убежать не могут!

В конце каждой недели Нат поднимался на поверхность. Впрочем, «поверхностью» это можно было назвать только с большой натяжкой, потому что на самом деле его путешествие заканчивалось аккуратно у входного портала, на котором висел бронзовый колокол. Именно здесь посыльный от городской управы оставлял корзину с продуктами, предназначенными для работников кладбища. Юноша быстро хватал добычу и торопливо возвращался в подземный некрополь, потому что дневной свет болезненно резал ему глаза. К тому же, привыкнув к жару подземелья, он тут же начинал стучать зубами, едва почувствовав ветерок с равнины.

Пока Нат раскладывал припасы на полках лачуги, Барнабас мучительно расшифровывал принесенную сверху «газету». На самом деле это было нечто вроде собрания слухов и сплетен, которые городские матроны записывали специально для того, чтобы развлечь служителей похоронного дела. В основном там изобиловали сальные рассказы и злобные пересуды, которые вызывали у Барнабаса особый восторг.

— Гляди-ка! — воскликнул старик однажды вечером. — Кто-то тебя разыскивает... Кто-то, кто узнал о твоём возвращении.

Нат в изумлении замер.

— Кто же это? — спросил он.

— Некая Сигрид... Дочь рыбака. Кажется, я знаю, кто это. Репутация у нее не ахти. Говорят, она гуляет направо-налево и при этом нахальная ужасно. Ты что, ее знаешь?

— Немного, — вздохнул Нат. — Играли с ней вместе, когда были детьми. Потом подросли и потеряли друг друга из виду.

— Жаль, жаль, — покачал головой старик. — Мог бы отхватить лакомый кусочек. Похоже, она горячая штучка. Да только характер у нее скверный. Настоящая бунтарка, никакого сладу с ней нет. На твоём месте я бы держался в стороне, от нее одни неприятности... Ага! Вот еще пишут, что наш дозорный, Тарагос Бледный, час от часу хворает все хуже. Недавно видели, как он начал харкать кровью прямо на улице. Чую, быть ему скоро нашим клиентом.

Нат не слишком прислушивался к этой болтовне. Сейчас он был доволен, что может спать в тепле и есть вдоволь — как раз этих двух вещей ему страшно не хватало на бесконечной равнине из засохшего ила.

Прошло немного времени, и Барнабас решил, что пора привлекать подмастерье к настоящему делу.

— Тебе придется хорошенько помочь мне, парень, — сообщил он однажды. — Город Залиму недавно снесло облаком, прямо как корова языком слизнула. Покойников там — не перечесть. И семьи, которые не хотят хоронить свою родню в грязи, привезут их сюда.

— Сюда? — удивился Нат. — Чужеземцы?

— А как же! — напыжился старик. — Наше кладбище здорово знаменитое. Люди из Залимы готовы хорошо заплатить, чтобы мы приютили у себя их мертвецов. Они знают, что здесь их дорогих покойничков ящеры не обглодают. Ты ведь знаешь, как говорят: если тело похоронено не целиком, перевоплощение души невозможно.

Таким образом, Нату все же пришлось приступить к освоению процесса бальзамирования. Как

он и опасался, Барнабас доверил ему наименее привлекательную часть обряда, а именно извлечение внутренностей из трупов.

— Главное, чтобы у них внутри ничего не забродило, — разглагольствовал старик. — Иначе сухая гудронная корка растрескается и лопнет. Ужасный непорядок. Выскребай чище! Ох, лихо мое! Ты ведь ящерицу умеешь потрошить, верно?

Но Нат мужественно смирился с новыми обязанностями. Когда отвращение совсем уж одолевало его, он отходил в скалы, чтобы вдохнуть немножко газа, и его сознание тут же заполнялось многоцветными радужными образами.

Вскоре в порт Сольтерры прибыли беженцы из Залимы, а с ними и десятки трупов, зашитые все вместе в общий саван из промасленного холста. Вагонетка и колокол не простаивали ни минуты, равно как и Нат, которому после каждой «доставки» приходилось возвращать железную тележку ко входу в пещеру, где ее тут же наполняли новой партией мертвечины. Дважды он спотыкался, и оба раза тяжеленные ржавые колеса только чудом не отрезали ему ноги.

Барнабас окунал все прибывающие останки в кипящую смолу четкими движениями, отточенными многолетней привычкой. После его обработки мертвецы превращались в черные статуи — гладкие и блестящие, даже по-своему красивые. После того как они остывали, Нату вменялось в обязанность помогать старику уложить их на свободные места на полках стеллажей. Барнабас всегда лез первым, а Нат двигался следом за ним, взвалив очередной труп на плечи. Зачастую эти путешествия едва не

заканчивались плачевно, особенно когда под их весом проламывались прогнившие перекладыны ветхих лестниц.

Время от времени они устраивали себе небольшую передышку, усаживаясь на одной из полок среди тщательно пронумерованных и уложенных в ряд мумий.

— Вот видишь, парень, — хихикал Барнабас, которому не надоедало повторять одно и то же, — если хорошенько поразмыслить, оказывается, что как раз эти полки с мертвецами и образуют основание города! Взгляни-ка! Наши стеллажи образуют колонны, которые подпирают свод склепа. А что там, над самым сводом? Правильно, город! Если здесь что-нибудь взорвется, наши деревянные башни обрушатся, и я не удивлюсь, если потолок пещеры растрескается, а потом и рухнет. И весь этот треклятый город посыплется напрямик сюда! Со смеху помереть, верно?

Судя по всему, эти размышления доставляли ему какое-то извращенное удовольствие. Нат же с тревогой поглядывал на потолок, весь исчерченный извивающимися среди сталактитов трещинами. Всякий раз после такого разглядывания он задумывался — а что, если этот выживший из ума старик отчасти прав? Стеллажи с мертвецами в самом деле образовывали колонны, на которых стоял весь город. С некоторой натяжкой можно было сказать, что мертвые держат живых на своих плечах.

— В древние времена, — бурчал Барнабас, — здесь была шахта, и все это дерево шло на изготовление опор. Когда-то у меня под началом было

пятьдесят человек, но все они смылись, как только были установлены первые стеллажи.

Если Барнабас не был занят бальзамированием трупов, он развлекал себя рыбалкой. Однажды он повел Ната за собой в скалы, окружающие полость пещеры, и указал ему на небольшое мутное озеро.

— Оно сообщается с грязевым океаном, — пояснил он. — И там на дне полно всякой всячины. Хлам из далекого прошлого. Если удачно забросить удочку, иногда можно вытащить всякие странные штуки. Занятно, да и время помогает скоротать. Хочешь попробовать?

Они уселись вдвоем на краю мутной воды и забросили лески, снаряженные на конце тяжелыми свинцовыми грузилами и кошками с торчащими во все стороны крюками.

— Вот увидишь! — хмыкнул старик. — Уморительное занятие.

Пока они ждали улова, Барнабас рассказывал, что ему не раз случалось вылавливать какие-то непонятные устройства с множеством кнопок.

— Эти ребята, — ворчал он, — похоже, были сами не свои до кнопок! Уж можешь мне поверить! Куда только их не приделывали! Надо понимать, они жили в окружении разных хитрых машин, которые все делали за них. Бездельники они были, вот что. А поскольку они целыми днями не выполняли никакой работы, их мышцы превращались в кисель. Хилый был народ, не сильнее ребенка; только и хватало силенок, чтобы на кнопки давить. Проводили все время, уставившись в коробки с цветными картинками. Что за дурацкая жизнь?

Нат молча слушал. Отец когда-то рассказывал ему, что многие века назад Алмоа заселили их далекие предки, прибывшие с планеты под названием «Терра». Он знал, что это историческая истина, и все же она с трудом укладывалась у него в голове.

В тот день они извлекли со дна какую-то странную штуковину, которую долго вертели так и этак, придумывая самые фантастические гипотезы относительно ее назначения.

— Ради всех демонов тумана, — сказал наконец Барнабас, — каким же нужно быть психом, чтобы изобретать подобные глупости. Меч, сковорода, шлем и вилка — вот это настоящие, полезные изобретения! Не то что эти... эти машинки!

И он с отвращением запустил таинственный предмет обратно в воду.

Прошло еще две недели, и положение сильно осложнилось.

Нат как раз шел по проходу, разделяющему два соседних стеллажа, как вдруг послышался ужасающий треск. Подняв глаза, юноша завопил от страха, увидев, как одна из уложенных на полку мумий вдруг согнулась и резко села, как будто очнувшись от ночного кошмара. В следующую секунду гудронная статуя взорвалась, окатив его осколками застывшего битума и клочьями пропеченной плоти. Оглушенный ударной волной, Нат потерял равновесие и упал. Но его тут же вернули к реальности вопли Барнабаса, который, склонившись над остатками трупa, придирчиво их осматривал.

— Чертов неуч! — бранился старик. — Ты его плохо вычистил. От разложения его раздуло газом, вот он и лопнул! Я же говорил тебе, не оставлять

внутри ни одного органа... Если об этом станет известно, моя репутация погибла!

Охваченный яростью, он бросился на Ната, осыпая его злобными пинками.

— Проваливай! Вон с глаз моих! — верещал он. — Я тебе готов своими руками башку оторвать!

Нат предпочел отступить, не пытаясь обороняться. Не будет же он, в самом деле, драться со стариком!

Увы, в последующие часы еще три мумии покинули свои погребальные лежа. Одна из них взорвалась, а две другие лопнули снизу доверху с леденящим душу треском. Тут уж Барнабас окончательно взбесился и принялся швыряться в Ната камнями, прогоняя его вон с кладбища.

Юноше пришлось искать себе убежища среди скал в дальнем конце пещеры.

«Ерунда! — подумал он. — Просто пережду немного, пока он успокоится».

Но не тут-то было. Гнев Барнабаса никак не остывал, и каждый раз, когда Нат выказывал намерение вернуться в некрополь, тот хватался за лук и начинал поливать своего бывшего помощника стрелами. Сила тяжести сильно ослабляла их убойную силу, и все равно ему удалось ранить юношу в левое плечо.

— Ты меня опозорил! — ревел он. — Это оскорбление можно смыть только кровью! Я тебя все равно убью, дай только время!

Такой оборот событий начал всерьез тревожить Ната. Все мумии, над которыми он работал с момента своего прихода на кладбище, взрывались одна за другой от внутреннего разложения.

Должно быть, он и впрямь допустил какую-то серьезную ошибку в процессе бальзамирования, но ведь он был всего лишь начинающим в этом деле и, на его взгляд, мог рассчитывать на какое-то снисхождение со стороны Барнабаса. Вместо этого старик днями напролет причитал по поводу своей поруганной чести и подогревал собственную злобу неоднократным обращением к кувшину с самогоном.

По ночам Нат не смыкал глаз, боясь, что Барнабас подкрадется к нему во сне и перережет горло.

К счастью, вскоре снова послышался зон погребального колокола, сообщая о прибытии очередного усопшего. Через пять минут по пещере прокатился грохот несущейся по рельсам вагонетки.

Притаившись за камнями, Нат внимательно прислушивался к монологу Барнабаса, который, как и большинство людей, проводящих все время в одиночестве, приобрел привычку комментировать каждое свое действие вслух. Из его ворчания он наконец понял, что останки принадлежат дозорному Тарагосу Бледному, безвременно скончавшемуся во время несения службы.

Воспользовавшись тем, что Барнабас занялся подготовкой тела к мумификации, Нат прошмыгнул между стеллажей к выходу. Решение было принято: если он не хотел, чтобы старик сделал ему какую-то пакость, надо было уносить ноги. Сунув под мышку узелок со своими скудными пожитками, он бросился в туннель и стал выбираться к выходу наружу со всей возможной скоростью. На этом его работу в качестве подмастерья похоронных дел мастера можно было считать законченной.

Когда он оказался на пороге бывшей шахты, дневной свет ударил его по глазам, так что ему пришлось повязать лицо тряпкой, чтобы не ослепнуть. Дрожа от холода, он натянул всю одежду, которая была у него с собой. Свистящий над равниной ветер показался ему ледяным.

«А что дальше? — подумал он. — Что мне теперь делать?»

Не зная, куда податься, он направился в город и принялся бездумно бродить по улицам.

Внезапно белокурая, сероглазая девушка, мимо которой он проходил, подскочила к нему, обхватила за плечи и разразилась громким, немного натуженным смехом.

— Нат! — воскликнула она. — Неужели это ты? А я ишу тебя уже целую вечность! Слышала, что ты теперь работаешь на подземном кладбище. Мерзкое местечко. Нам нужно поговорить...

— Сигрид? — пролепетал Нат, не успев прийти в себя. — Я тебя не узнал. Ты... ты повзрослела...

Уже произнося эти слова, он сам понял, что ляпнул глупость, и почувствовал себя дураком.

Сигрид? Сколько же ей лет сейчас? Восемнадцать? Двадцать? Нат совсем не узнавал ее. Ему казалось, что перед ним совершенно чужой человек.

Так они и стояли лицом к лицу, как два идиота, пытаясь вернуть хотя бы намек на иллюзорную близость детских лет, проведенных среди руин, но эти воспоминания были такими давними, что казались нереальными.

Пока юноша тщетно подбирал хоть какие-нибудь подходящие к случаю слова, Сигрид сказала:

— Ну вот ты и вернулся. Сумел посмотреть все чудеса, которые хотел? Ты ведь так мечтал о путешествиях...

Нат не понял — смеется она над ним или просто старается проявить радушие? В уголках ее глаз он заметил тонкие морщинки. Неужели он выглядит таким же старым, как она? Быть может, два года, проведенных с Ньюшей, заставили и его распрощаться с молодостью?

Но не мог же он, в самом деле, молча стоять столбом! Чтобы хоть что-то сказать, он кратко описал свое воображаемое путешествие, но тут же понял, что Сигрид совсем его не слушает. Во всей ее позе сквозила тревога и настороженность, и она то и дело оглядывалась через плечо, как будто боялась, что за ней шпионят. Внезапно она резко его перебила.

— Позже, — сказала она. — Расскажешь мне все это позже. Нам надо поговорить. Нам очень нужен кто-то вроде тебя. Но берегись! Тебе здесь не очень-то рады. За тобой следят.

Крепко сжав ему руку напоследок, она сказала, что должна спешить к отцу, чтобы помочь ему разобрать сети, но Нат был уверен, что она лжет. Впрочем, удерживать ее он не пытался. Прежде чем исчезнуть за поворотом улицы, она обернулась и крикнула:

— Эй! Тарагос Бледный недавно умер. Не забудь, что завтра жеребьевка! Наверное, из-за нее ты и поднялся, да? Тем лучше! Ты непременно должен попытаться счастья! Правда, это очень важно для всех нас!

И, не дожидаясь ответа, она пропала из виду. Эта краткая встреча не оставила у юноши ничего, кроме чувства неловкости.

Он нахмурился: обилие совпадений слишком уж походило на насмешку судьбы.

Он покинул город после смерти человека, считавшегося едва ли не лучшим дозорным холма, — его отца, — и вот теперь случай привел его сюда как раз в тот момент, когда город готовился выбрать нового охранника. Его взгляд невольно скользнул вверх, к выщербленным зубцам возвышающейся над равниной сторожевой башни, откуда дозорные наблюдали за перемещением летучих облаков-айсбергов.

Значит, жеребьевка состоится завтра? Он задумался, не стоит ли ему в самом деле попытаться. Возможно, это оказалось бы лучшим выходом из положения: хорошая должность, бесплатный кров и стол! И все-таки он колебался; наверное, потому, что его отец умер именно из-за своей преданности службе во имя общества, рано одряхлев от болотных испарений и мучительного тяготения, почти невыносимого на верхней сторожевой площадке. Кровоизлияния в мозг следовали одно за другим, Мур сначала лишился рассудка, а затем ослеп. Однажды утром Нат нашел его в постели, уже окоченевшего, и выглядел он в два раза старше своего истинного возраста. Так стоит ли искать себе такой же доли?

Он провел день, сидя на заброшенном причале и взвешивая все «за» и «против». Выборы нового дозорного были устроены на манер лотереи, и участвовать в ней люди приходили издалека. Попытаться счастья имел право любой мужчина (кроме Мягкогоголовых), даже иностранец.

Погруженный в эти мрачные размышления, он не заметил, как прошло время. Ближе к вечеру

он вдруг ощутил, как на плечо ему легла шершавая от мозолей, грязная ладонь. Это вернулась Сигрид.

— Сидишь мечтаешь? — поинтересовалась она, усаживаясь рядом. — Знаешь, тут ничего не изменилось. Разве что холм становится с каждым годом все мягче. Некоторые дома под тяжестью собственных фундаментов ушли под землю, а другие покосились и медленно тонут, как прогнившие корабли. Да еще дожди постоянно уносят плодородную почву: скоро нам уже негде будет сажать огороды.

Она помолчала немного, потом прибавила:

— Ты знаешь, что у нас то и дело снаряжают походы, чтобы воровать землю на соседних островах? Парни пристают к их берегу под покровом темноты и набивают мешки перегноем... Это опасная работа, если кого из воров застукают, его тут же казнят. Мой отец уже украл и перепродал несколько тонн хорошего чернозема... Он просто псих, однажды его непременно линчуют. Иногда я отправляюсь вместе с ним, вдвоем можно привезти больше мешков.

— Вы воруете землю? — ошеломленно повторил Нат.

— Ну да, чтобы овощи сажать. Приходится... Люди готовы убить друг друга за мешок перегноя или ведро навоза.

Он почувствовал на себе ее пристальный взгляд.

— Зачем ты вернулся, Нат? — спросила она с неожиданной злобой. — Почему ты не отправился исследовать королевство дальше? Здесь никто даже пальцем шевельнуть не хочет; мы все просто добровольные заключенные на вечной каторге, кото-

рую создали наши предки... Неужели нигде нельзя найти жизни лучше? Я имею в виду — где-нибудь в других краях? Тебе никогда не приходилось слышать о стене на экваторе или о саде секретов? На твоём месте я бы непременно попыталась отыскать их! Перебраться по ту сторону великой стены... поселиться в раю...

И тут он рассказал ей о Мягкоголовых, о ящерах и о своей погибшей семье.

Она слушала, не произнеся ни слова. Потом они вместе помолчали. Небо быстро темнело.

— Где ты будешь ночевать теперь, когда уже не работаешь у Барнабаса? — спросила Сигрид, поднимаясь.

Нат махнул рукой в сторону заброшенного здания с осыпающейся мозаикой на фасаде.

— Там, наверху, — сказал он. — Я видел, что там никто не живет.

Сигрид поморщилась:

— Будь осторожен, эти пустые дома часто обваливаются. Я приду разбудить тебя завтра утром. Берегись, с наступлением темноты здесь творятся странные вещи. Наверное, мне стоило рассказать тебе... Не приближайся к пляжу. Не броди по улицам. Правда, я не шучу. Опасность повсюду. Дураки наболтали бы тебе, что это демоны выходят из тумана, охотясь при свете луны на людские души. Но это не демоны, это гораздо хуже... Это по-настоящему!

Резко махнув рукой, она повернулась и ушла прочь. Он слышал, как тихонько позвякивали ее противодождевые латы, когда она поднималась по склону.

Нат подобрал свой узелок и направился к заброшенному дому. Последние слова Сигрид пробудили в нем смутную тревогу. На что она намекала? Что внушало ей такой страх?

С приходом темноты его вдруг охватило необъяснимое чувство опасности, как будто инстинкт настойчиво твердил ему о присутствии какой-то невидимой угрозы. Не решаясь заснуть, он напряженно таращился во мрак, держа наготове подобранный среди мусора дубину.

Через час такого ожидания он не утерпел и покинул свое убежище, устремившись по темным пустынным улочкам в сторону причала. Возникшая неизвестно откуда и преградившая ему дорогу тень заставила его подскочить от страха, но это оказался всего лишь незнакомый старик в рубище. Он размахивал посохом, на конце которого красовался грубый талисман — оберег против демонов.

— Дальше не ходи, малыш! — проскрипел он. — Когда опускается ночь, дьяволы покидают свои логова. Они ползут по земле, и весь город принадлежит им.

— Какие такие дьяволы, дедушка? — спросил Нат.

— Их имя нельзя называть, — просипел старик. — Но если ты приблизишься к воде, они отсекут тебе ноги одним ударом клинка, превратят тебя в калеку, и ты никогда уже не сможешь ходить. Это порождения Проклятия. У них одна цель — наказать тех, кто еще осмеливается ходить на своих двоих. Это они, дети Алканека, казненного волшебника! Зуии... Зуии... Да, да, отрежут тебе ноги своими длинными ножами, которые они точат в ночи

о камни тротуаров! Зуии... Зуии... Когда услышишь этот звук, значит, тебе уже не спастись, они взяли твой след.

Нат мягко оттолкнул с дороги незнакомца, который тут же принялся вопить так, словно с него заживо сдирали кожу.

«Порождения Проклятия»? Нат недоуменно терялся в догадках. Древняя легенда породила множество сект, верования которых были иногда весьма причудливыми и чаще всего опирались на заклинание Алканека — колдуна, казненного страшной смертью при третьем Императоре. В большинстве из них чрезмерная сила тяжести уподоблялась грузу человеческих грехов, и утверждалось, что груз этот будет только возрастать, пока люди не встанут наконец на путь добродетели. «В противном случае, — пророчили жрецы, — мы скоро будем ползать, как жалкие слизни, раздавленные тяжелым каблуком».

Выйдя на причал, Нат всмотрелся в окружающую темноту. Хотя его глаза почти ничего не различали во мраке, он всей кожей ощущал чье-то враждебное присутствие. И это не были обычные ящеры, потому что до его напряженного слуха то и дело доносились какие-то неразборчивые перешептывания. Ему показалось, будто что-то копошится между сваями причала — какие-то бесформенные тени, ползущие по влажному илу с мерзким сосущим звуком. Неведомое зло было здесь... и даже не пыталось прятаться... Затем он услышал звук, который незадолго до того описывал старик на улице. Зуии... Зуии... Характерный скрежет металлического лезвия, которым водят туда-сюда по точильному камню.

«Ночью весь город принадлежит им...» — говорил тот старик.

Нат крепко обхватил дубину, воздев ее перед собой как меч, и с осторожностью отступил от края причала.

Неожиданный звук шагов за спиной заставил его обернуться. Кто-то крался по набережной, прижимаясь к стене. Человеческая фигура, на двух ногах, явно спешащая одолеть опасный участок как можно быстрее.

Нат был уверен, что это женщина. Ее учащенное дыхание в ночной тишине говорило о том, что она сильно напугана.

Внезапно нечто темное и бесформенное выскочило из тины и быстро поползло к набережной с явным намерением ухватить несчастную за лодыжки и утащить в воду. Жертва испуганно вскрикнула. Нат выскочил из своего укрытия, яростно молотя дубиной по неведомому агрессору, которого ему никак не удавалось разглядеть. Он так и не понял, кто это был — ящер или крокодил, пока у самой земли вдруг не просвистело острое лезвие, едва не полоснув его ниже коленей. Насколько ему было известно, ящеры не умели владеть оружием. Прежде чем он успел догадаться, кто же этот ползучий враг, тот отступил с противным липким чавканьем, снова скрывшись в вязком иле.

Нат повернулся к женщине, едва не ставшей добычей той выползшей из болота твари, и изумленно ахнул:

— Сигрид? Но что ты тут...

— Не сейчас, — тяжело дыша, проговорила девушка. — Позже. Не надо здесь оставаться... Я же

велела тебе никуда не выходить. Ты понятия не имеешь, с чем столкнущся. Дурак! Беги и прячься скорее, если не хочешь остаться без ног! Это же мясники! Мясники!

И, даже не поблагодарив его, она растворилась в темноте.

Растерянный и озадаченный, юноша поспешил убраться прочь.

Вернувшись в свое убежище, он растянулся на лавке, не выпуская из рук дубины, и долго смотрел в темноту, пока наконец его не сморил сон.

ГЛАВА 9

— Нат! Скорее просыпайся! Нат!

Пронзительный голос Сигрид болезненно сверлил слои забытья, окутавшие усталый мозг Ната.

Он резко вскочил, ободрав кожу на спине о шершавую штукатурку стены. Сигрид во дворе приплясывала от нетерпения, швыряя камешками в единственное уцелевшее оконное стекло.

— Жеребьевка скоро начнется! — снова крикнула она. — Давай поторопись! Не упусти свой шанс!

Нат подобрал сброшенные накануне тунику и противоождевую кирасу и направился к двери. Только тут его ноги почувствовали, что ходить стало неловко из-за наклона пола. Дом накренился! Еще вчера стоявший вертикально, теперь он завалился на бок, так что пол наклонился под углом градусов в тридцать, не меньше. При каждом шаге юноши строение уходило в землю еще на добрый метр, как уходящий на дно корабль!

Спохватившись, он выпрыгнул в окно. Жидкая грязь клекотала уже на уровне второго этажа.

Сигрид сердито уставилась на него.

— Если бы я тебя не разбудила, ты бы потонул вместе с этой хибарой, — бросила она.

Нату хотелось ответить, что нынешней ночью он вытянул ее из весьма серьезных неприятностей, поэтому она могла бы держаться полюбезнее, но он счел за лучшее промолчать.

Поскольку он ограничился пожатием плеч, девушка снова перешла в наступление:

— Дьявол тебя возьми, похоже, ты совсем не отдаешь себе отчета, что здесь происходит! Я знаю, что тебе пришлось немало пережить, но постарайся все же спуститься на землю! От этого зависит жизнь каждого из нас!

Видя, что Нат собирается заговорить о событиях минувшей ночи, она быстро прикрыла ему рот ладонью.

— Не сейчас, — прошептала она. — Здесь даже у стен есть уши!

Улицы вокруг них уже были заполнены всклокоченными толпами, нестройно шагавшими под один и тот же навязчивый, распеваемый во все горло мотив. Нат различил стаккато знакомого лозунга: «Ло-те-ре-я! Ло-те-ре-я!»

Ухватив юношу за руку, Сигрид потащила его за собой. Они долго проталкивались среди возбужденных, громогласно вопящих гуляк, от которых явственно пахло вонючей самопальной водкой. Мимо стайками проходили женщины — голые по пояс, перемазанные красной краской женщины, размахивающие жезлами с какими-то яркими тряпками. Некоторые мужчины плелись вразвалку, придерживая руками чехлы для члена из папье-маше, явно чрезмерного размера.

Вся эта публика стекалась к южной оконечности холма, к месту, которое назвалось «Русалочьим озером». Это было довольно пугающего вида озерко с темной, непрозрачной водой, возле которого по традиции проводилась церемония жеребьевки. Толпа обступила берега озера, громко лопоча, толкаясь и поминутно рискуя уронить кого-нибудь в воду.

— Пора, — шепнула ему Сигрид. — Пошли.

Перед ними змеилась длинная, насчитывающая более двухсот человек очередь, которая гудела, как пчелиный улей. Нат в детстве не раз присутствовал на ритуале, до тех пор, пока его отец не был избран жребием на службу дозорного, к лучшему или к худшему. В основном к худшему, сказать по правде.

На берегу озера горло перехватывало от запаха застоявшейся тины. Обычай требовал, чтобы каждый участник лотереи сделал шаг вперед и, широко размахнувшись, запустил в воду обломок черепицы, на котором было вырезано его имя. Вся сильная половина населения поочередно повторяла этот жест до тех пор, пока на дне не образовывался полный справочник, в котором упоминались все до единого мужские имена жителей Сольтерры. Когда наступало время тянуть жребий, к озеру вызывали слепого ныряльщика Торна, обвязывали его вокруг пояса веревкой и сталкивали в воду. Он погружался, сведя ноги вместе и раскинув крестом руки с раскрытыми ладонями. Коснувшись первого же осколка камня, он стискивал его в кулаке и подавал знак тянуть его обратно. После этого оставалось лишь зачитать имя, начертанное на обожженной глине. Иногда это оказывалось имя уже умершего

человека, потому что на дне озера скопились куски черепицы за много поколений; тогда Торну приходилось нырять снова.

Затем табличку с именем проносили по всему городу. Избранного провозглашали Дозорным на последующие пять лет и с почетом провожали до входа в башню. Ощущая на своих плечах бремя внимания всей собравшейся толпы, он входил, печатая шаг, в приоткрытую железную дверь. Он знал, что, переступив этот порог, найдет внутри сложенную на стуле зеленую мантию с капюшоном — символ своей службы, — а также связку ключей. Его предшественник выйдет наружу, не вызывая отныне ничего, кроме равнодушия, и, опустив голову, поплетется домой, где первым же делом вырежет свое имя на глиняной табличке в предвкушении следующей жеребьевки.

Да, Нат помнил весь ритуал наизусть. Но разве его отец не был одним из лучших дозорных за всю историю Сольтерры?

Тут он заметил, что Сигрид настойчиво тянет его за локоть.

— Иди, Нат! — отчеканила она. — Пора, ты должен попытать счастья.

Испытывая неловкость, Нат отвел глаза. Толпа вокруг гомонила, топталась, размахивала руками, — все ненадолго забыли о гнетущей силе тяготения.

— Сигрид, — пробормотал он наконец негромко, словно опасаясь, что его слова громовым эхом пронесутся над городом. — Сигрид, я не написал своего имени. Я не хочу становиться дозорным. Это работа для сумасшедших. Она погубила моего отца. Я не хочу повторять его судьбу.

— Ты ведешь себя как идиот! — вскричала девушка, охваченная необъяснимой яростью. — Ты должен был участвовать в жеребьевке! Это был единственный способ помешать им... Какой же ты безответственный!

— Да о чем ты толкуешь? Хватит уже с меня секретов!

— А ты не догадываешься? Тарагос Бледный вовсе не умер от болезни, его убили. Отравили.

— Кто?

— Неизвестно. Но Тарагос был приветливым и добрым человеком. Никто не желал ему зла.

— А ты уверена, что его отравили?

— Да, я видела его тело. У него рот был черный. Кто-то подмешал ему в вино яд красной ящерицы. Он совершенно безвкусный, и если давать его в небольших дозах, он убивает медленно, исподтишка. Его недомогание списывали на действие болотных газов, но они здесь ни при чем.

Нат недоуменно нахмурился. Кто может захотеть ускорить конец облачного стража? Какой-нибудь завистник?

Про дозорных и их башню рассказывали много всякого, в том числе и самые нелепые басни, которые питались общими мечтами и надеждами. Согласно некоторым из них, из башни в глубь земной коры вел потайной туннель, где глубоко внизу под грязевым морем раскинулся большой подземный город. Изошренная фантазия рассказчиков превращала этот вымышленный город в настоящую пещеру чудес. В людском воображении это был сухой и теплый мир, куда попадали через «зал тысячи ванн», в ароматах мыла, душистой соли и пены

для бритья. Все там было надежным и крепким, а пол и стены славились крепкой добротностью отличного бетона. Девушки подземного мира благоухали чистой кожей, а не помоями, и можно было запускать пальцы в их шелковистые кудри или пушок на лобке без ощущения, что щупаешь комок водорослей, после которого придется залечивать заусенцы. А еще в городе было полным-полно лавок с холодильниками, битком забитыми говядиной!

Настоящей говядиной!

Любопытные страстно внимали откровениям бывших дозорных, оставивших службу, умоляя их открыть слушателям секреты сторожевой башни. В обыденном восприятии стать сторожем облаков означало получить на пять лет в безраздельное пользование ключи от подземелья и право посещать полный чудес глубинный мир когда вздумается.

Будучи ребенком, Нат тоже мечтал о длинной лестнице, туннеле и банном зале. Как и многие другие, он свято верил в существование тайного подземного мира. Впрочем, этой вере никогда ничто не угрожало.

— Что толку ломать голову, мы же не полицейские, — шептала Сигрид. — Проблема не в этом. Поэтому-то и был ты нужен мне... нужен нам. Ты много путешествовал и можешь взглянуть на Сольтерру свежим взглядом. Ты можешь добиться каких-то перемен.

Нат снова хотел задать вопрос, который так и жег ему язык, но снова отказался от этой затеи. Ему уже успели надоесть эти туманные намеки на неведомый конец света.

Ветер, налетевший с равнины, окутал их сырими испарениями, в которых угадывался запах болотных газов. Позади них поднялся на ноги глашатай.

— Ну вот, жеребьевка окончена, — с горечью буркнула Сигрид. — Теперь у нас новый дозорный. А я так хотела, чтобы ты воспользовался шансом, это было бы так удачно... Мы все в опасности... А теперь нам лучше разойтись. Не стоит слишком часто появляться вместе. И у меня репутация нехорошая, и тебя все считают отщепенцем. Можем нажить себе неприятности.

С этими словами она метнулась в толпу и затерялась за поворотом улицы.

Нат зябко подтянул ворот туники.

Громкий топот заставил его обернуться. По улице приближался небольшой отряд вусмерть пьяных мужчин и женщин, голых и разрисованных краской. Они бежали тяжело, даже надрывно, шумно, с хрипом дыша широко раскрытыми ртами и с трудом преодолевая острую резь в боку. Некоторые держали в руках факелы, тусклое пламя которых грозило вот-вот погаснуть. Минувя Ната, они дружно повернулись к нему и нестройно выкрикнули:

— Это Гун! Гун наш новый дозорный!

Нат стиснул зубы и прибавил шагу. Это имя ни о чем ему не говорило. Наверняка какой-нибудь чужеземец, явившийся попытать счастья в лотерее. Их теперь много здесь появлялось.

По крайней мере, хоть кто-то притащился сюда не зря!

Дошагав до дома, где он ночевал в прошлый раз, юноша убедился, что строение увязло уже до

второго этажа, и снова искать в нем пристанища было бы чистым самоубийством. Тогда он вернулся и бесцельно побрел по главной улице. Время от времени на него снова наталкивались пьяные кучки гуляк, хлопая его по плечам и выкрикивая ему в уши тот же припев: «Это Гун! Это Гун!»

Он высвобождался, раздраженно передергивая плечами, и брел дальше.

Куда идти, он не знал. Ему было холодно, и он уже проголодался. Кто-то кричал ему в спину: «Сегодня вечером Гун будет пировать за большим столом, сегодня он отмоется добела в зале тысячи ванн и будет ласкать девушек из подземного гарема. Сегодня Гун наестся досыта настоящего мяса! Сегодня...»

Нат пожал плечами. Воспевание радостей службы дозорного являлось обязательной частью ритуала. Скоро они дойдут до перечисления блюд на фантастическом банкете, прославят негу шелковой постели и жаркие тугие прелести куртизанок...

В детстве Нат тоже восторженно слушал эти речи, истекая слюной при упоминании блюд, о которых он ничего толком не знал. Прикрыв глаза, он представлял себя за пиршественным столом, сытого до того, что его живот готов был лопнуть. Мягкое тепло убаюкивало его, и тогда белокурая женщина брала его на руки и укладывала в теплую, чистую, без единого насекомого, постель и подтыкала вокруг него одеяло, нашептывая успокаивающие, ласковые слова... как делала бы его мама, если бы не умерла при родах своего единственного сына.

Эти мечты были жестоко разрушены сразу же, когда он впервые переступил порог сторожевой

башни после избрания его отца на должность дозорного. Стены в ней оказались сплошными, в полу не было никакого люка, и он нигде не увидел тайного хода, ведущего в подземный рай. Башня оказалась тесным мирком высотой в три этажа, без всяких запасных выходов.

По крайней мере, без реальных выходов, потому что Мур, его отец, показал ему хранящийся в сундуке пузырек с розоватыми пилюлями.

— Галлюциногенный наркотик, — пояснил он, — изготовленный колдунами во времена древности. Если его проглотить, начинаешь путать мечту и реальность. Начинаешь видеть вещи, к которым стремишься, и в конце концов приходишь к убеждению, что они настоящие. Роскошная еда, сластолюбивые девки... обычные галлюцинации, которые диктуют нам самые наши низменные инстинкты.

Из-за этой-то хитрости башня и превратилась в настоящее царство мечты для всего мужского населения города. Благодаря жеребьевке должность дозорного была окружена мистическим ореолом, который только поддерживался похожими на сказки слухами. Люди жили мечтой, что в один прекрасный день каждый может оказаться хозяином сокровищ башни. Счастье было совсем рядом, под рукой слепого ныряльщика. Так ради чего покидать холмы? Чтобы искать неведомо чего за бескрайними грязевыми равнинами? Бросьте! Это все равно что променять журавля в руках на синицу в небе. Нет уж, таких дураков здесь нет!

Мур знал об этом мираже еще до того, как ему выпал жребий, поэтому он принял решение никогда не прикасаться к галлюциногенным пилюлям.

Пузырек так и пролежал все пять лет в сундуке, медленно зарастая пылью.

Нат вздохнул. Вот что сегодня предстоит узнать Гуну, когда он вступит во владение башней. Станет ли он, подобно своим предшественникам, рабом этой обманки, которая превращала сладкий сон в реальность? Или же, подобно Муру, преодолеет искушение и целомудренно оставит пузырек с пилюлями на дне окованного железом сундука, никогда не прибегая к их помощи?

Нат тряхнул головой. Желудок сводило от голода. Просить милостыню было бессмысленно: жители холма слишком дорожили таким труднодоступным здесь мясом, чтобы раздавать его изменникам. Никаких иллюзий он не испытывал: в список добродетелей горожан милосердие никак не входило. На него обратят внимание только тогда, когда его труп на тротуаре начнет вонять.

Помочь ему могла, пожалуй, только Сигрид, но Нат понятия не имел, где она прячется. Оживление на улицах раздражало его. Сегодня вечером все жили чужими мечтами, и каждый мужчина, глядя на скудные клочки волокнистого ящериного мяса на дне своей миски, воображал себя за длинным столом, уставленным серебряными блюдами и кубками, в подземном пиршественном зале.

Если бы они только знали...

Свернув в боковой переулок, он стал высматривать какой-нибудь дом, где можно было провести ночь, не рискуя потонуть в трясине.

В конце концов он отыскал в торце улицы развалины здания, которое в лучшие времена служило, наверное, торговой галереей. Его главным достоин-

ством были стоявшие вдоль стен деревянные скамейки, которые, по крайней мере, могли уберечь от сырости. Он тут же растянулся на одной из них, валясь с ног от усталости.

Его тут же сморил сон — беспокойный, полный кошмаров. Вскоре ему стало мерещиться, что с потолка начали срываться камни, разбиваясь о металлический пол, все ближе и ближе к его голове.

Он резко открыл глаза и увидел застывшую на пороге массивную фигуру.

Страхнув наваждение, Нат осознал, что его сон всего лишь впитал в себя гулкие шаги незнакомца по плитам галереи. Лицо пришельца скрывал зеленый капюшон из грубой ткани, придавая ему сходство с призраком или наемным убийцей в маске.

— Приветствую тебя, Нат, — произнес он глухим, едва слышным голосом. — Мое имя Гун. Я новый дозорный.

ГЛАВА 10

Мужчина отбросил капюшон, и от пляшущего пламени факелов по его бритой голове пробежали багровые блики. Выражение лица с тяжелыми, грубыми чертами чуть смягчали морщинки рано пришедшей старости. Под распахнутой мантией виднелась потертая противодождевая кираса со старыми латками. Нату он напомнил тех отставных солдат, которые топчутся в очереди у ворот монастырей и соглашаются надеть монашескую рясу в обмен на ежедневную миску супа.

— Как я вижу, у тебя нет постоянного ночлега, — продолжал он своим странным глухим голосом. — А как насчет еды? Это что, жаба квохчет там в темноте или... твой пустой желудок? Нет, я не насмехаюсь над тобой. Я и сам был в таком же положении всего три часа назад, пока жребий не сделал меня дозорным! У нас с тобой много общего.

Нат неуверенно кивнул. Утверждать обратное было бы глупо.

— Насколько я слышал, — снова заговорил Гун, — отец оставил тебя без гроша. Это был бескорыстный и честный человек, живший за счет

добровольных подношений. С другой стороны, тебе известны священные тексты, волшебные заклинания, отгоняющие облака и демонов тумана. Это так?

— Да, — подтвердил Нат. — Я учил их вместе с отцом и помню все обряды наизусть. Мне приходилось читать их за него, когда он болел. Но сегодня кого это интересует?

Скрипнув доспехами, дозорный облокотился на балюстраду галереи. Городские огни осветили его профиль, явив взгляду запавшие щеки и сухие губы. Из его горла вырвался придушенный сильный смех, почти хрип.

— Ты себя недооцениваешь, — просипел он. — Ты ведь настоящий «словознатец», как здесь это называют. Ты только что сам это подтвердил. В любом случае, ты знаешь куда больше меня! Я-то новичок в общении с демонами.

Нат развернул плечи, почуввав за лестными словами иронические нотки.

— Скажу тебе прямо, — продолжал дозорный, почти переходя на шепот. — Ты мне нужен, чтобы помогать мне правильно исполнять роль, которую возложила на меня судьба. Пусть меня выбрал жребий, но я не хочу пользоваться своими привилегиями задаром. Я хочу действительно приносить пользу людям. Не догадываешься, кто меня надоумил отправиться разыскивать тебя по всему городу?

Нат пожал плечами.

— Прислушайся к моему голосу, — настойчиво зашептал Гун. — Во имя всех богов, он же едва слышен! Когда-то в прошлом меня хотели линчевать. Сейчас уже не важно, по какой причине. Фанатики

пытались меня повесить, и узел веревки сломал мне хрящи гортани и повредил голосовые связки. Так что шепчу я вовсе не из боязни, что меня подслушают, нет. Я не смог бы завопить в полный голос, даже если бы ящер принялся рвать мне яйца. Поэтому мне нужен знающий помощник, Нат. Только представь себе полунемого дозорного, который не способен прокричать заклинания, отгоняющие облака! Сторож не имеет права молчать, особенно теперь. Ты будешь начитывать священные тексты вместо меня, ты станешь моим голосом. Но только моим голосом, потому что мои глаза не нуждаются в помощи; это глаза бывалого охотника, и они хорошо умеют проникать тьму и туман, угадывая незаметные движения жертвы. Я сумею разглядеть то, что рыщет во мгле, будь то в небе или туманной дали равнин. Согласен ли ты стать моим голосом? Если согласишься, то сможешь разделить со мной жизнь в башне. Ты ни в чем не будешь нуждаться — ни в еде, ни в одежде. Я дам тебе простыни и одеяла и почию твою кирасу. Тебя станут уважать, и уже никто не посмеет обозвать тебя «дикаркиным хахалем».

Нат уставился в пол. Предложение Гуна пришлось как нельзя кстати. Оно позволит ему снова обрести свое место в обществе, не сегодня так завтра. Жители Сольтерры будут обязаны встречать его поклоном! Доводы разума велели ему немедленно соглашаться, однако неясные сомнения в самой глубине души удерживали его от опрометчивого шага. Те же сомнения, которые помешали ему написать свое имя на глиняной табличке для жеребьевки. Почему? Он и сам не мог ответить.

В нем словно зарождалось какое-то мятежное чувство, смысла которого он не понимал. И почему, интересно, Гун сказал минуту назад: «Сторож не имеет права молчать, особенно теперь»?

Крепкая рука Гуна тяжело легла ему на плечо, вырвав из раздумий, и Нату показалось, что он на мгновение заметил на среднем пальце кольцо — знак клана охотников-одиночек, единственных, кто осмеливался уходить далеко за доступные взгляду пределы илистой равнины для охоты на самую крупную дичь вроде китов.

Если бы не кираса, юноша непременно ощутил бы пересекающую ладонь Гуна толстую мозоль, какая появляется при долгом обращении с гарпуном. Должно быть, в молодости этот человек мог быть очень опасным противником... Сегодня же это был просто постаревший, усталый солдат.

— Нет смысла скрывать от себя правду, — прохрипел он. — Мы оба похожи, ты и я, бездомные, нищие бродяги с равнины. Когда-то я был великим охотником, но сейчас я состарился, мне уже шестьдесят. Мне уже не хватает сил для погони за чудовищами из грязевого океана, и если бы я не оставил это занятие, то скоро сам бы стал их добычей. Я приплыл сюда в надежде выиграть в лотерее. Я не очень-то верил в удачу, но мне неожиданно повезло. Для меня служба дозорного — единственный способ выжить, что-то вроде почетной отставки. Но без твоей помощи мне не справиться.

Он помолчал немного, переводя дыхание, и закончил:

— Приходи завтра к башне. Для тебя это единственный способ вернуть себе уважение в городе.

Если ты этого не сделаешь, тебя побьют камнями и погонят вон с острова. Ты ведь и сам это знаешь... Все будут дразнить тебя «дружком Мягкоголовой», и ни одна девушка не захочет иметь с тобой дела. Начнут говорить, что ты воешь по ночам, что твое семя порченное, что женщины, которые понесут от тебя, родят щенков... Они глупы, суеверны и жестоки. Приходи. Вдвоем мы будем сильнее и сможем противостоять им. Мы вместе будем дозорными!

Нат отступил назад, высвобождаясь. Рука дозорного упала, лязгнув о сталь доспехов.

— Я приду, — сказал юноша. — Завтра на рассвете, к началу первой службы.

Гун уже надевал капюшон и запахивал мантию. Спускаясь по искрошенной лестнице, он на мгновение обернулся, вскинул руку ладонью вверх в знак приветствия и тут же исчез в темноте. Нат оказался в одиночестве. Город окутала тревожная тьма. От погасших факелов в воздухе висел душный запах смолы и дыма.

ГЛАВА 11

Башня сильно состарилась. Нат сразу же понял это, едва переступив порог. Здесь, как и в любом другом месте, сила тяжести повсюду оставила свой отпечаток. Опоры обветшали, сеточка трещин покрывала штукатурку на стенах. В довершение всего строение слегка покосилось на левую сторону.

Внезапно Ната охватило одно-единственное желание: взобраться на вершину! Увы, он явно переоценил свои силы, и скоро испытание заставило его крепко сжать челюсти. От чудовищного давления ему уже на десятой ступеньке стало казаться, что его глазные яблоки вот-вот лопнут, как сжатые между пальцами виноградины. Ему пришлось подниматься с закрытыми глазами, чтобы не лишиться остатков мужества. Наконец он вскарабкался на верхнюю площадку, ободрав все ладони о ржавые перекладки лестницы, и окинул взглядом горизонт. Вскоре из носа у него потекла кровь, ноги раздулись вдвое против обычного. На тыльной стороне ладоней набрякли готовые лопнуть вены. Испугавшись, что его мозг того и гляди взорвется, он поспешил спуститься вниз. В любом случае окру-

женная зубчатым гребнем сторожевая площадка башни отныне являлась личной территорией Гуна, и Нат, как простой слуга, не имел права на нее подниматься.

Стараясь забыть про гулкий рокот крови в ушах, он с чувством ностальгии разглядывал такую знакомую обстановку жилого помещения. Воспоминания нахлынули волной, и он отдался на их волю. Годы, которые он прожил на холме, потекли перед его мысленным взором.

Его мать умерла, едва произведя его на свет, и у Ната не было в жизни другого примера, кроме его отца, Мура. В его памяти он остался суровым, худощавым человеком, для которого зеленая мантия дозорного выглядела чересчур просторной. Это был строгий и неласковый воспитатель, сухие губы которого размыкались лишь для того, чтобы поучать сына или бранить его.

«Я, наверное, кажусь тебе слишком жестким, — откровенничал он иногда, — но это потому, что слишком уж тяжела возложенная на меня ответственность. Вся жизнь на холме зависит от меня, и я просто обязан быть постоянно настороже. Облако-убийца может появиться в любой момент! И если такое случится, кто, как не я, сможет заметить его, пока не стало слишком поздно? Кто, как не я, сможет объявить всеобщую эвакуацию? Из-за этого у меня остается слишком мало времени, чтобы заниматься тобой. Раньше я был обычным человеком, таким же, как все, но ты тогда был мал и не помнишь этого. Служба, которой по воле случая наградил меня жребий, сделала меня другим человеком. У меня больше нет права оста-

ваться просто отцом, я обязан быть прежде всего дозорным!»

Детство Ната прошло тускло и непримечательно. У детей с холма почти не было времени на игры: уже с семилетнего возраста их обучали охотиться на ящериц. Маленький Нат обычно проводил дни в одиночестве, потому что другие дети избегали его.

Впрочем, Мур и не поощрял его искать компании других ребятшек.

«Дозорные — важные господа, — говорил он, — так что изволь вести себя соответственно своему положению и не выпрашивай дружбы у тех, кто тебе не ровня».

Это был странный человек с тяжелым, неуживчивым характером и при этом искренне преданный обществу вплоть до самопожертвования. Ходячая загадка, полная противоречий. Нат вспоминал, с каким восхищением он смотрел на Мура, когда тот восходил на третий этаж башни, где был установлен огромный рупор. Приникнув к широкому железному конусу, Мур мог прочесть сотни заклинаний без единой передышки, и его многократно усиленный голос разносился по равнине далеко-далеко, а люди внизу только почтительно склоняли головы.

Все дальнейшее растворялось в монотонности ожидания. Из своего отрочества Нат помнил только бесконечные скитания среди руин. Одна только Сигрид одаривала его своей странной дружбой, то ласкаясь к нему, то царапаясь как дикая кошка, чередуя непроницаемое молчание и дерзкие выходки... Но она была совсем еще маленькой девочкой, у него звенело в ушах от ее трескотни, и он почти не уделял

ей внимания. Сегодня он сожалел об этом. Наверное, тогда он упустил что-то важное...

Нат подменял Гуна уже десять дней, однако все это время они почти не разговаривали. Новый дозорный проявил себя бдительным и добросовестным стражем. Нат видел, каким он спускался с верхней площадки — с покрасневшими глазами и осунувшимся от усталости лицом, часто с синяками от зарядов каменных ливней. Однако он никогда не жаловался, даже в тот раз, когда особенно крупная градина сильно рассекла ему бровь.

Говорить Гун старался как можно меньше; чаще всего он предпочитал объясняться жестами или мимикой. Едва расстегнув доспехи, он валился на кровать и тут же засыпал. Тогда Нат поднимался на площадку с рупором и приступал к привычной декламации, вовсю раздувая легкие и напрягая голосовые связки, четко произнося слова заклинаний, пока воспаленное горло не начинало гореть огнем. Полностью охрипнув, он хватался за кувшин с настоем смягчающих трав и тщательно полоскал горло, как учил его отец.

Да, в этом и заключалась его работа — читать заклинания, призванные удерживать облака на безопасном расстоянии:

«Именем Атаксарота, храни нас от того, что таится в тумане,

Именем Омонгонтарака, храни нас от невидимого,

Именем Небуломонгоса, храни нас от мрака ночи,

Именем Ониксозолукара, храни нас от зыбучих равнин,

Именем Оталомпамонгеддона, храни нас от облаков-убийц...»

Стоило ошибиться хоть в едином слове в именах богов-покровителей, и твой язык тут же сгниет у тебя во рту... По крайней мере, так утверждала легенда.

Завершив обряд, Нат отправлялся будить Гуна, и тот снова приступал к бдению, ухватившись руками за осыпающиеся зубцы ограды и поочередно осматривая то небо, то тонкую корку ила на равнине, готовую в любой миг проломиться под ногами охотников. Он пристально наблюдал тяжелый, медленный полет облаков-айсбергов, вычисляя их курс и скорость дрейфа. Позже Нату надлежало тщательно наносить все эти данные на карты, хранящиеся на втором этаже.

Снизу вдруг донесся зов — звук рога, приглушенный толстой каменной стеной. Нат закрыл книгу и соскользнул по лестнице на первый этаж, где ему пришлось хорошенько напрячь мышцы, чтобы сдвинуть тяжелый засов на бронзовой двери.

— Приветствуем тебя, Нат!

Его встретил дружный хор голосов, однако ни радости, ни искреннего расположения в монотонном вежливом приветствии не прозвучало.

— Угощайся! — снова обратился к нему худой, оборванный мужчина с выступающими скулами, ставя у подножия лестницы корзину со свежепойманной рыбой. — Угощайся! Взямай полагающуюся дозорным подать!

Нат заглянул в корзину. Этим рыбам-мутантам пришлось приспособливаться к жизни в жидкой грязи, и их чудовищно развитая мускулатура про-

должалась в длинные костистые плавники. Разумеется, все они были слепы — в мутной жиже глаза не нужны. Нат взял половину. Обычай предписывал платить дозорным подать с уловов. Иначе чем бы они питались, если Гун, постоянно прикованный к сторожевой площадке, не мог больше ходить на охоту, а он сам проводил целые дни и часть ночей за непрерывным чтением заклинаний, отводящих облака-убийцы?

За его спиной раздалось неодобрительное бурчание.

— Да они даже не голодны, — пробормотал кто-то с досадой, — просто таким способом заставляют нас почувствовать свою власть.

— Замолчи! — обрубил его другой голос. — Подать — это священный обычай! Что бы мы делали, если бы не дозорные?

Нат смущенно поднял глаза, но увидел перед собой только молчаливые лица, лишённые всякого выражения.

Он взял еще несколько овощей и поблагодарил коротким жестом, но никто ему не ответил. Группка горожан удалилась, тяжело волоча ноги. На испещренной трещинами бетонной площадке двора осталась только одна тоненькая фигурка — Сигрид. Нат подошел к ней, но она даже не улыбнулась.

— Я не принесла тебе положенной подати, — сказала она сухо. — Мой отец уже четыре дня ничего не ловил. Надеюсь, господа дозорные простят нас?

Нат нахмурился.

— Слушай, Сигрид, — сказал он с горьким недоумением, — что у тебя за игра такая?

Она резко подскочила к нему вплотную и установилась ему в лицо горящими от ярости глазами.

— Нат! — прошипела она. — Прожив столько времени с Мягкоголовыми, ты стал таким же глупым, как они!

Юноша хотел возразить, но Сигрид не дала ему и слова сказать.

— Молчи! — рывкнула она. — Неделю назад ты отказывался написать свое имя на табличке, а сегодня прислуживаешь Гуну, как лакей. Ты что, так ничего и не понял? А я-то думала...

— Сигрид, послушай...

— Нет, это ты послушай! Сегодня вечером я буду ждать тебя у скал на южном мысе. Хочу показать кое-что, что наконец откроет тебе глаза.

С этими словами она резко развернулась и зашагала прочь, а Нат, понурившись, потащил корзину в башню.

«Прислуживаешь Гуну, как лакей». Оскорбление жгло его раскаленным железом. Он прикусил губу. Растерянность прошла, и в нем вскипел гнев. В самом мрачном настроении он вскарабкался на второй этаж, чтобы нанести на карты последние заметки Гуна: «стая ящеров мигрировала на восток, на севере возможны осадки». Согласно правилам, ему еще предстояло объявить эти новости в рупор.

Сигрид по-прежнему оставалась для него загадкой. Она всегда казалась ему немного неуравновешенной, склонной хвататься за всякие несбыточные проекты. Она легко выходила из себя и то и дело переходила от непрерывной болтовни к надутomu молчанию. Он не имел представления, какой она стала за последние годы, с тех пор, как еще подрост-

ками они потеряли друг друга из виду. Были ли у нее любовники? Интересно, сколько? И кто? Наверняка вокруг нее увивалась куча парней. Барнабас говорил о ней как о шлюхе, но стоит ли верить суждениям чокнутого, озабоченного старикашки?

Нат же так никогда и не мог толком разобраться, какие он испытывает чувства к этой девушке. Долгое время он старался думать о ней отстраненно, как о девчонке-сорванце... наверное, просто сдерживал самого себя, отказываясь признать, что испытывает к ней влечение. Перед тем как покинуть Сольтерру, вскоре после смерти отца, он искал ее, чтобы попрощаться, но напрасно. Она где-то спряталась, не желая его видеть. Кто догадается, что у этих девчонок в голове!

Он с раздражением отбросил навязчивые воспоминания. Все это слишком сложно для него. В любом случае он никогда ничего не понимал в женщинах!

ГЛАВА 12

Сигрид явилась в шлеме от дождя. Резкий контраст между бывалым стальным шлемом и виднеющимся в щели забрала худеньким личиком странным образом взволновал Ната, который тут же постарался подумать о чем-то другом.

— Ты помнишь «Ползунов»? — с ходу заговорила Сигрид. — Мы еще подглядывали за ними, когда были детьми.

— Ползуны? — удивился юноша. — Те чокнутые бедняги! Неужели они с тех пор не перемерли?

Ползуны представляли собой небольшую общину, которая жила обособленно от всех остальных в крайней нужде и лишениях, никогда не прибегая к защите от каменных дождей, которые нещадно секли их кожу и проламывали черепа. Во время сильных ливней многие из них погибали, размоленные кремнистыми градинами чуть ли не в кашу. Они не носили одежды и передвигались чаще всего ползком, отказываясь подниматься на ноги, а во время обрядов возносили хвалу колдуну-визирю Алканеку и вымаливали у него прощение.

Ползуны люто ненавидели больших неуклюжих птиц Алмоа и при каждом подвернувшемся случае яростно забрасывали их камнями.

«Они ненавидят все, что наделено свободой летать, — объяснял ему Мур. — Считают, что давление силы тяжести — это справедливое наказание, плата за то, что люди приговорили Алканека к казни через раздавливание. В их глазах любая попытка противостоять ему равносильна святотатству. Они опасные фанатики, так что держись от этих сумасшедших подальше».

Сигрид отвела Ната к тому месту, где холм превращался в нечто вроде полуострова. Там она улеглась в высокой траве на живот и жестом велела юноше последовать ее примеру.

— Говори потише, — прошептала она. — Ветер разносит звуки по равнине очень далеко, и они могут тебя услышать.

— Кто это «они»?

Вместо ответа Сигрид указала на потрескавшееся глинистое пространство перед ними. Там высился большой кожаный шатер, похожий на мрачный цирк-шапито, изорванный и побитый каменными дождями.

— Что это такое? — с удивлением спросил Нат. — До моего ухода этой штуки здесь не было.

Сигрид коротко кивнула, отчего забрало на ее шлеме негромко звякнуло.

— Именно об этом я не раз пыталась поговорить с тобой. Ползуны! Помнишь их? Все еще смеялись над ними. Они разбивали птицам головы камнями...

— Помню, — согласился Нат. — Но это была просто горстка сумасшедших, не больше десятка. Не понимаю...

Сигрид скривилась.

— Сумасшествие заразно, — прошептала она. — Пойдем посмотрим, но будь осторожен, они с каждым днем становятся все агрессивнее. Теперь их боятся даже ящеры. Так что если я скажу «беги», не медли!

Они поднялись, и девушка зашагала по каменистой тропке, которая вела напрямик на полуостров. Нат только ошарашенно таращил глаза. Несколько человек лежали ничком, уткнувшись лицом в пыль, с широкой деревянной доской на спине. На эти доски были навалены десятки крупных булыжников, вынутых из старых развороченных мостовых. Несчастные почти задыхались под этим чудовищным грузом. Дыхание с хрипом вырывалось из сдавленной груди, лицо налилось синевой, глаза выкатывались из орбит. Чуть дальше, негромко всхлипывая, терпели ту же пытку мальчишки лет шести. Нат хотел немедленно вмешаться, но Сигрид пресекла его порыв.

— Нет, — сказала она, — не трогай их. Родители специально подвергают их этому испытанию, чтобы закалить... Приучить их к тяготению.

— Но это же ужасно! — запротестовал Нат.

— Не трогай! — резко повторила девушка. — Если ты попытаешься освободить их, они первыми вцепятся тебе в глотку.

Некоторые страдальцы держали на себе такие огромные кучи камня, что их тела вдавило в мягкую почву. Один из них, кожа которого уже по-

зеленела, явно скончался не меньше недели назад, и исходившее от него зловоние было невыносимо.

— Каждую неделю сюда приходит их верховный жрец и добавляет еще несколько камней к их ноше, — пояснила Сигрид. — В результате у тех, кто не умирает от удушья, мышцы становятся крепкими, как у титанов.

Нат заметил, что руки и ноги у распластанных на земле людей стали необычно короткими и коренастыми, похожими на лапы крокодилов.

— Ладно, не будем тут задерживаться, — прошептала Сигрид. — Пойдем к шатру.

Они зашагали дальше. Вблизи кожаный шатер казался еще огромнее. Сшитые краями кожи были сверху донизу исполосованы шрамами от лютых камнепадов.

Изнутри доносилось глухое, угрожающее бормотание. Сигрид подкралась к одной из прорех в кожаной стене и заглянула внутрь.

— Смотри! — шепнула она, потянув его за рукав.

Нат подошел и приник к дыре. Внутри было человек пятьсот — все лежа на животе, локоть к локтю, лицом вниз, как погибшие на поле боя, которых кто-то разложил правильными рядами. Вся эта неподвижная масса тел хором декламировала какие-то непонятные заклинания, в которых то и дело поминалось имя Алканека.

— Что же это такое? — не выдержав, пробормотал юноша.

Сигрид потянула его в сторону, и ее губы жарко зашептали ему в ухо:

— Говорю же тебе, Ползуны! Те самые, над которыми ты насмехался... Вчера десяток, сегод-

ня пятьсот, а завтра, быть может, тысяча... ну что, начинаешь понимать? Теперь это не просто кучка психов, которые только и могут, что вымещать злость на птицах. Это целая армия.

Нат потряс головой — действительно, разросшиеся полчища Ползунов могли напугать кого угодно.

— Пошли, — настойчиво зашептала девушка. — Не надо здесь оставаться, они могут нас увидеть.

— Но что они делают? — упрямо продолжал расспросы юноша.

— Призывают на наши головы всяческие проклятия, — вздохнула Сигрид. — Их идеи несколько не изменились. Они посвящают свое тело силе тяжести, благословляют ее. Поклоняются ей, как божеству. А нас ненавидят за то, что мы отказываемся ползать на брюхе и продолжаем ходить вертикально. С их точки зрения, это кощунство. Время от времени они совершают человеческие жертвоприношения. Тому, кто вытянет короткую соломинку, наваливают на лопатки такую кучу камней, что у него ломается грудная клетка. То еще зрелище, ты бы видел. Особенно когда слышишь, как трещат ребра бедняги... и кровь хлещет изо рта.

Она потянула юношу за руку, чтобы отвести подальше от шатра, но тот от неожиданности споткнулся и ткнул локтем ее в бедро. Раздался металлический лязг доспехов, и молитвенные бормотания фанатиков резко смолкли.

— Смотрите, смотрите, это они, святотатцы! — взвизгнул один из них. — Прямоходящие! Глумятся над нами в своих железных латах. Смотрят на нас свысока. Это их предки убили Алканека!

И, уставившись Нату прямо в глаза, он взревел:

— Падай на землю, безбожник, ложись и ползи вместе со своими братьями! Искупил преступления своих отцов!

Нат понял, что поддаваться панике никак нельзя. С уверенностью, которой он вовсе не ощущал, он вежливо поприветствовал собрание и, стараясь придать голосу твердость и обежав взглядом пять сотен обращенных к нему перемазанных глиной лиц, спросил:

— Почему вы ползаете?

— Почему? — фыркнул тот, кто, по-видимому, был здесь за главного. — Потому что люди отныне должны держаться ближе к земле. Потому что людям надлежит почитать законы Проклятия и потому что именно Проклятие давит на нас своим грузом. Мы должны приспособливаться к новой жизни. Через три столетия только ползающие формы жизни избегнут всеобщего уплощения, ибо они очистят себя искуплением. Так гласит закон молота и наковальни. Ты исчезнешь с лица земли, жалкий человечиска! И ты, и все остальные, кому достает наглости сохранять вертикальное положение. Груз Проклятия — сила тяготения, как вы ее называете — всех вас вобьет в землю, как молоток вбивает гвоздь... Гвоздь!

И, повернувшись к своим последователям, он добавил:

— Впрочем, разве они не похожи на гвозди в этих своих доспехах?

Собрание разразилось грубым хохотом, в котором слышалось нечто угрожающее. Нат почувствовал, как ладони Сигрид легли ему на лопатки. Ей было страшно — это было ясно по прерывистому дыханию.

— Смотри же! — воскликнул лежащий человек. — Узри, каким будет твой скорый конец!

Нат глянул туда, куда указывал его собеседник, и увидел металлическую пластину, на которой кто-то неуклюже выбил изображение молотка, падающего на шляпку гвоздя.

— Вы убили Алканека Великого, — продолжал фанатик, — и теперь вам придется заплатить за ваше преступление. Примите же заслуженное наказание!

Нат попятился. Сектант разгорячился не на шутку.

— Так вы отказываетесь испытать на себе то, на что когда-то обрекли волшебника? Учитесь платить за свои грехи! Падайте ниц и ползайте!

Приподнявшись на локтях, он двинулся прямо на Ната, перемещаясь резкими рывками. Юноша обратил внимание, что его изуродованные нагрузкой кисти и предплечья покрылись толстыми роговыми наростами. Фанатик полз, как крокодил, наметивший себе жертву.

«Они уже начинают мутировать...» — подумал Нат. Наверняка они прибегли к каким-нибудь наркотикам — волшебным зельям, ускоряющим превращение.

Вся толпа уже пришла в движение, устремляясь за своим предводителем. Нат потрясенно уставился на воинственную армию, наступающую на него, не отрывая голов от земли.

— Хватайте их! — приказал верховный жрец. — Валите их на землю! Навалите им камней на спину — тридцать девчонке, шестьдесят парню. Да-

вайте же! Я хочу услышать, как затрещат их ребра, и увидеть, как внутренности полезут у них изо рта!

Чьи-то руки ухватили Сигрид за лодыжки. Девушка пронзительно вскрикнула и вцепилась Нату в плечи.

— Беги! — заорал он.

Они рванулись прочь, неуклюже спотыкаясь, поднимая тучи зеленоватой пыли. Тяжелые латы сковывали движения, тяготение давило на плечи. Ползуны у них за спиной перемещались с пугающей быстротой, как ящеры с человеческими головами.

— Быстрее! — выдавил Нат, задыхаясь.

Сигрид повисла у него на руке — упавшее забрало шлема ослепило ее.

— Их нужно раздавить! — ревел позади них голос предводителя секты. — Я хочу услышать, как ломаются их кости. Хочу увидеть, как они выкашливают свои легкие!

Икры Ната царапнули чьи-то ногти, по защищенным кирасой лопаткам громыхнул камень. Он вдруг осознал, что Сигрид больше нет рядом. Она упала на землю и теперь яростно отбивалась от нападающих фанатиков, почти невидимая в мешанине рук и ног.

Нат собирался броситься ей на помощь, но она сумела вырваться и нагнала его. Наконец им удалось оторваться от преследователей, которые, устав от погони, вернулись к своему кожаному шатру. Когда опасность осталась позади, Сигрид остановилась и без сил рухнула на колени. Она надрывно, с хрипом дышала, из носа бежала струйка крови. Нат свалился на землю рядом с ней, чувствуя, что

его сердце вот-вот разорвется. Чудовищная боль сверлила виски.

— Ну что? — пробормотала наконец девушка. — Видел?

Нат пожал плечами:

— Просто толпа экстремистов, забивших себе головы суевериями, — обронил он. — Таких можно встретить где угодно. На свете еще полным-полно людей, которые верят, что в тумане прячутся дымные демоны или что каменные градины могут слипаться между собой, порождая каменных големов, пожирающих людей...

— Знаю, но у Ползунов появляется все больше и больше сочувствующих, прямо здесь, в сердце города. Шпионов, если угодно, готовых встать под их знамена, как только наступит подходящий момент. Они хотят отомстить за Алканека, раздавленного волшебника.

Ната одолевала свинцовая усталость; в довершение всего ему страшно хотелось пить. Пот струйками стекал по коже под стальной кирасой.

— Ты что, в самом деле думаешь, что они представляют серьезную угрозу для города? — вздохнул он.

Сигрид сердито затрясла головой.

— Нат, — сказала она резко, — что, твоя мягкоголовая жена заразила тебя вирусом глупости? Ты видел, что они делают со своими детьми? Ты знаешь, что они проводят ночные рейды в городе, отрубая ноги тем, кто отваживается выходить на улицу с наступлением темноты? Ты ведь слышал, как они точат свои ножи о бордюры тротуаров, разве нет? Зуии... Зуии... Тебе это ни о чем не гово-

рит? Ты вырвал меня из их лап прошлой ночью, и я очень благодарна тебе за это. Это уже не первый раз, когда они пытались напасть на меня. Мне надоело каждый вечер баррикадировать свою дверь. Они знают, что я подбиваю людей покинуть холм, и им это не нравится.

Нат примиряюще вскинул ладони.

— Я понимаю твои чувства, но нельзя ведь их всех уничтожить, верно? Ты этого от меня хочешь? Хочешь, чтобы кто-то отправился к ним и перебил их ударами молотка по голове, да? Знаешь, некоторые предлагают сделать то же самое с Мягкоголовыми. Хочешь последовать примеру этих придурков?

— Прекрати! — крикнула девушка. — Что ты несешь? Ты смешиваешь все в одну кучу. Есть ведь другие выходы, кроме как ползать по земле, чтобы искупить какую-то давнюю вину. Если влияние Ползунов возрастет, они в конце концов начнут управлять всей Сольтеррой, и мы все будем обречены расплачиваться за грехи наших предков. Нужно уходить, не дожидаясь, пока этот день настанет. Мы должны уйти как можно дальше, исследовать другие края... Может, где-нибудь существуют страны гостеприимнее, чем эта?

Ее щеки горячечно пылали, в уголках глаз заблестели слезы.

— Что исследовать-то? — устало спросил Нат. — Бесконечную грязь, которая покрывает все это клятое королевство? Поверь, я знаю, о чем говорю. Вспомни, я ведь уже пробовал бежать из Сольтерры... Я побывал очень далеко, но всего лишь убедился, что повсюду одно и то же дерьмо.

— Неправда! — выкрикнула Сигрид. — Есть стена на экваторе, а по ту сторону нее — сад секретов!

— Да чушь это все! — не выдержав, рявкнул Нат. — Все это бредятина, которую несут пропитые матросы в портовых тавернах в надежде, что какой-нибудь лопух поставит им за это стакан сивухи!

— Нет! Я знаю, что это правда! Все это на самом деле существует! Но, конечно, тебе-то что! Тебе удобнее сидеть, не зная горя, в своей башне, на содержании у горожан! Теплое местечко, верно? Вот и ладно, продолжай играть в дозорного! Болтай свои чертовы заклинания, пугай облака! Хоть бы ты ими подавился... Тогда я хотя бы не буду слышать дни напролет твой голос, несущийся с башни!

И, прежде чем юноша успел хотя бы опомниться, Сигрид развернулась и яростно потопала прочь.

Вконец раздосадованный, Нат направился обратно к башне. Решительно, эта девица однажды точно сведет его с ума!

ГЛАВА 13

В течение последующих дней Нат с головой погрузился в работу, чтобы не думать о том, что исподволь тревожило его. И все-таки по ночам он частенько прислушивался, стараясь услышать зловещее зуии... зуии... Ползунов, рыщущих по темным улицам в поисках жертв. Иногда темноту разрывал чей-то отчаянный крик, вонзаясь ему в уши раскаленным гвоздем, и тогда он не мог сдержать дрожи.

Его отношения с Гуном так и оставались чисто формальными. Дозорный и его помощник проводили время в молчании и ели, уставившись каждый в свою миску, изредка подавая друг другу знаки мимикой или жестами, словно монахи, соблюдающие обет молчания. За минувшие недели они ни разу не заговорили друг с другом, и никакого товарищества между ними не возникло.

Возможно, крайняя молчаливость дозорного была вызвана его физическим недугом, но Ната это не особенно утешало. Ему очень хотелось узнать мнение Гуна относительно Ползунов и их якобы тайного заговора, но он не знал, как при-

ступить к разговору. Сказать по правде, Гун внушал ему страх. Точно так же, как когда-то внушал его отец.

При свете дня страхи, вызванные словами Сигрид, блекли, как ночные кошмары при пробуждении, и он опасался, что, высказанные вслух, они и вовсе покажутся смешными. Люди с давних времен верили в проклятие колдуна Алканека или в порожденных туманом демонов, однако это еще не делало их убийцами! Обычного верующего от фанатика отделял весьма существенный шаг, которому Сигрид не придавала значения. Нат же со времени своего ухода к Мягкоголовым сохранил устойчивое отвращение к скоропалительным обобщениям и привычке решать все проблемы насилием.

Гун совсем себя не берег. Едва открыв глаза на рассвете, Нат видел, как тот взбирается по железной лестнице на смотровую площадку башни, откуда он спускался только для того, чтобы промыть покрасневшие от болотных испарений глаза. В обязанности Ната входило приготовление на этот случай специальных освежающих компрессов, рецепт которых был прописан в Книге Дозорных. Гун успел проявить себя отменным наблюдателем, и благодаря его сообщениям охотники нередко возвращались с добычей куда богаче обычного. Не раз его острый глаз разоблачал уловки ящеров, которые с недавних пор приобрели мерзкую привычку устраиваться каждую ночь в новом логове, дурача своих преследователей. За последние сутки Гун с недюжинной прозорливостью угадал появление двух крупных трещин, которые, разрастаясь,

могли погубить лагерь рыбаков, ютившихся в своих юртах из сшитых кож.

Да, все единодушно признавали, что Гун хороший дозорный. Этот могучий, хоть и немолодой мужчина, не задумываясь, жертвовал своими силами и здоровьем для общего блага. Его орлиный взгляд ясно видел с вершины башни все то, что ускользало от внимания остальных горожан.

Однажды утром, когда юноша, по обыкновению, был занят приготовлением успокаивающих компрессов, Гун вдруг обратился к нему.

— Нат, — прошептал он, — ты знаешь, мои глаза начинают меня тревожить. Болотный газ разъедает мне сетчатку, как кислотой. Иногда, проснувшись, я целый час не могу увидеть ничего, кроме густого тумана и колышущихся теней. Поначалу я не решался заговорить с тобой об этом, но теперь мне нужна твоя помощь. Если я потеряю зрение, люди нас выгонят. Я не хочу, чтобы об этом пошли слухи... В моем возрасте мне вовсе не хочется снова начинать кочевать по равнинам. Ящеры сожрут слепого старика в два счета.

Нат не колебался ни минуты. Он знал, какое невыносимое раздражение могут вызывать испарения болотного ила, его отец много раз страдал от него во время своей службы на башне.

— Я сделаю все, что смогу, Гун, — сказал он, — вот только, увы, нам не хватает лечебных трав. Они больше не растут на холме с тех пор, как ящеры загадили всю землю и она стала бесплодной.

Дозорный остановил его взмахом руки.

— Я говорю не о настойках. Я в них не верю, в эти старушечьи микстуры. У меня к тебе другое

предложение. На равнине, к северу от деревушки Ган-Таар, есть хижина, стоящая на гребне волны. Это было одно из моих пристанищ в те времена, когда я охотился. Дорога до нее и обратно составит один дневной переход. Не мог бы ты сходить туда и принести мне оттуда мой морской бинокль? Он хранится в сундуке, ключ я тебе дам. С этим биноклем я смогу куда лучше справляться с туманом.

Нат нахмурился:

— Но кто будет делать объявления, пока меня не будет?

Гун жестом отбросил его возражения:

— Я внимательно изучил небо, в ближайшие сутки никаких изменений не предвидится. Опасаться нечего — ни облаков, ни осадков. Небо чистое, и все следующие сутки таким и останется. Тебе нечего бояться.

— Хорошо, я схожу, — кивнул Нат.

— Спасибо тебе, — отозвался Гун. — Ты ведь знаешь, наши судьбы связаны. Если горожане решат, что мы не справляемся со своими обязанностями, они нас выгонят... а толпа на улицах, возможно, побьет нас камнями. В Сольтерре полно негодяев, которые только и мечтают от нас избавиться, чтобы провести новую жеребьевку, где они снова смогут попытаться счастья. Наше положение не дает покоя завистникам, а потому оно шатко и ненадежно. При малейшей оплошности нас поспешат сбросить с пьедестала.

Весь следующий час Нат провел, отыскивая на карте местонахождение охотничьей хижины Гуна и заворачивая в промасленную бумагу припасы в дорогу. Трижды он выходил на порог, пытаясь

высмотреть в лабиринте улиц фигурку Сигрид, но напрасно: девушка словно куда-то испарилась.

«Может, она снова отправилась с отцом воровать землю на окрестных островах?» — подумал он, и это предположение сильно его встревожило. Он знал, что ожидает тех, кто крадет чужой чернозем. Если Сигрид поймают, ее изнасилуют все мужчины клана, а потом посадят на заостренный кол. Только через несколько часов добродушные деревенские ребяташки повиснут у нее на лодыжках, чтобы прекратить ее агонию.

Нат уложил в дорожный мешок кусок вяленой рыбы, несколько лепешек из водорослевой муки, сухую тыкву-горлянку с печеными овощами, привязал к поясу ледоруб и зашел проститься с доторным.

Он шагал легко и скоро, слушая, как похрустывает у него под ногами корка засохшего ила. Город за его спиной был уже почти не виден за бесчисленными параллельными грядами застывших волн. Мутный серый свет почти не давал разглядеть окружающий пейзаж; в двух десятках метров впереди взгляд терялся в тусклой мгле. Идти приходилось почти вслепую, уткнувшись носом в компас.

Нат полностью сосредоточился на направлении. Чувствовал он себя превосходно, мышцы были наполнены силой, суставы двигались легко и послушно. Пожалуй, он был даже рад, что этот поход хоть немного нарушит монотонную рутину службы на башне.

Теперь главное не заблудиться и не начать бродить кругами.

Жители Алмоа редко решались на прогулки по илистому «льду», разве что на совсем небольшие расстояния. Одни только Мягкоголовые бродили по равнине с присущей им беспечностью, не боясь, что их поглотит какая-нибудь трещина.

«Если не случится бури, — твердил себе Нат, — бояться совершенно нечего. Трещины возникают тогда, когда жидкая грязь начинает волноваться под глиняной коркой. Но сегодня погода будет хорошая... Так сказал Гун, а Гун никогда не ошибается. Значит, причин для беспокойства нет».

ГЛАВА 14

Туман вокруг одинокого пешехода начинал постепенно уплотняться. На грязевых равнинах это было довольно распространенное явление. Поначалу газообразная, мгла превращалась в густую известковую занавесь с такими плотными завитками, что их приходилось раскалывать, чтобы продолжать двигаться вперед. Теперь Нат прокладывал себе путь с помощью ледоруба. Полотнище затвердевшего тумана обрушивалось со стеклянным звоном, засыпая осколками голову и плечи юноши. К счастью, полупрозрачная масса спеклась еще не настолько сильно, чтобы он мог пораниться, и ее черепки с хрустом крошились под подошвами его башмаков. Главное правило заключалось в том, чтобы постоянно продолжать двигаться. Если бы Нат остановился хоть на минуту, это стало бы его последней ошибкой: мягко ложась на плечи, туман постепенно окутал бы его сплошным панцирем, который со временем становился бы только толще и прочнее. Об этой опасности знал любой, кому случалось ночевать на равнине. Устраиваясь на ночлег, путешественники обязательно клали ледоруб под руку, на тот слу-

чай, если поутру они проснутся замурованными в своей палатке, вокруг которой за ночь вырос слой камня. Многие бедолаги погибли из-за своей беспечности, улегшись под открытым небом в одном только спальном мешке. Незаметно подкрадываясь, туман заключал их в непроницаемый каменный саркофаг, в котором несчастные бились и кричали до тех пор, пока у них не заканчивался воздух. Нат научился с опаской относиться ко всему, что хотя бы отдаленно напоминало водяные пары. Здесь, на Алмоа, туман мог затвердеть в считанные минуты, приобретая прочность кирпичной кладки. И горе было тому, кто не сумел вовремя предугадать опасность.

Юноша ускорил шаг, торопясь как можно скорее выйти из гнетущей белесой мглы. Мерно взмахивая ледорубом, он не без труда пробивался сквозь пока еще хрупкие нагромождения тумана, то и дело кашляя от тонкой стеклянной пыли. Иногда ему казалось, что он крушит гипсовую стену.

С некоторых пор его стала одолевать неясная тревога, и он с некоторым стыдом понял, что поддается тем самым суеверным страхам, над которыми сам бы посмеялся, имей он под ногами твердую сушу. Теперь же в голове у него неотступно вертелись мысли о демонах, которые, по рассказам путешественников, зарождались в тумане. Их застывающие стеклянные когти без труда превращали человеческое тело в гору кровавого мяса. И сколько бы Нат ни убеждал сам себя, что это все небылицы, в клубах тумана ему мерещились уродливые, хохочущие хари, которые расплывались при его при-

ближении и снова появлялись чуть дальше, дразня и издеваясь.

— Убирайтесь прочь! — заорал он внезапно. — Отстаньте от меня!

От собственных слов ему стало ужасно стыдно, что он так жалко поддался страху. Но ему было хорошо знакомо это ощущение... Как будто покалывание нервных окончаний в коже. Инстинкт подавал ему сигналы, предупреждая о неминуемой опасности. Чуть впереди, за застывающей завесой тумана, ему снова почудился визгливый смех демонов.

«Это всего лишь ветер, — сказал он себе. — Просто ветер, ничего больше».

Наконец на горизонте проступил темный силуэт охотничьей палатки — обложенный камнями кожаный пузырь, похожий издалека на панцирь огромной черепахи. Вскарабкавшись на гребень застывшей волны, Нат присел и опасливо заглянул в темнеющий входной лаз — ящеры имели скверное обыкновение занимать брошенные убежища, и ему не хотелось очутиться нос к носу с кем-нибудь из них. Одной рукой он швырнул в отверстие камень, а другой приподнял ледоруб, готовясь нанести удар.

Однако палатка была пуста: внутри не оказалось ни ящеров, ни сундука, ни бинокля. Правда, в ней было полно экскрементов, свидетельствующих о том, что это логово облюбовали для себя Мягкоголовые. Они всегда заботливо копили свои испражнения, чтобы потом подтапливать ими костры. Несмотря на все усилия, Нату так и не удалось отучить Ньюшу от этой отвратительной привычки.

Юноша помедлил. Куда же, интересно, мог подеваться сундучок, о котором говорил Гун? И бинокль вместе с ним? Видимо, кто-то забрал их, вопреки неписаному правилу, запрещающему охотникам воровать что бы то ни было из временных убежищ своих товарищей по промыслу. Как-то Гун воспримет эту новость?

И в этот самый момент он услышал вдалеке гортанное ворчание, с помощью которого Мягкоголовые обычно общались между собой. Должно быть, это они разграбили палатку! Что ж, ничего удивительного: у Мягкоголовых воровство было в крови. У Ната осталось немало мучительных воспоминаний о том, в какие неприятности втягивала его Нюша всякий раз, когда они ходили продавать пеммикан или ящеринные шкурки в главную факторию в Шака-Кандареке. Едва входя в лавку, молодая женщина не могла удержаться, чтобы не стянуть хоть что-нибудь. Запуская руку то влево, то вправо, она хватала с полок всякие мелочи и рассовывала их по карманам платья, которое Нат заставлял ее надеть по случаю «выхода в свет». Она тащила все без разбору — безделушки, с которыми даже не знала бы, что делать: карандаши, книжки... Эти кражи, которые она совершала, даже не пытаясь таиться, вызывали шумные скандалы и пару раз едва не обернулись линчеванием.

Оставив палатку, Нат пошел дальше. Поднимающийся туман хрустел под ногами. Густая пелена продолжала застывать в воздухе, упрямо вырисовывая фантастические фигуры, угрожающие лики, которые словно бы навязчиво твердили: «Тебе конец, человечиска! Он все ближе и ближе! Здесь,

прямо перед тобой!» Нат упорно крушил их обухом ледоруба, поднимая облака пыли с легким запахом селитры.

Он притаился за очередным гребнем застывшей волны. Прямо перед ним возилось стадо Мягкоголовых. Голые, перемазанные в грязи мужчины и женщины толкались, то и дело окликая друг друга гортанным рычанием. Они явно пытались что-то втолковать друг другу с помощью жестов или примитивной мимики и сердились, ничего не понимая. Детишек при них было мало. Про Мягкоголовых говорили, что большинство самцов у них бесплодны и почти лишены мужской силы. Считалось, что именно по этой причине их самки так охотно совокуплялись с людьми. Оттого и потомство их часто состояло из полукровок. В двух случаях из трех у Мягкоголовых рождались девочки, вполне здоровые и плодовитые; мужчин же в кланах было очень мало, да и те часто оказывались чахлыми или вовсе уродцами. «Стада» жили по законам матриархата, и нередко случалось, что женщины гоняли и притесняли мужчин.

Нат все сидел в своей засаде, не решаясь вмешаться. Он был почти уверен, что бинокль Гуна находится где-то там, на шее одной из мутанток, решившей пощеголять в таком шикарном ожерелье. Отобрать его было бы совсем нетрудно — Мягкоголовые были начисто лишены воинственности. Если на них нападали, они просто впадали в тупое оцепенение, парализованные ужасом, и только те, что посообразительнее, убегали прочь с пронзительными воплями, как обезьяны. Они никогда не ока-

зывали сопротивления, а потому оказались всеми презиравшей расой жертв.

Решившись наконец, Нат выступил из своего укрытия. Посреди равнины торчали неуклюжие, кое-как сложенные саманные хижины, забраться в которые можно было только ползком. Никаких более совершенных жилищ Мягкоголовые строить не умели. Они набивались внутрь, как мертвецы в склеп, и согревались, по очереди пуская газы; возникающее при этом зловоние, от которого нормальный человек скончался бы минут через десять, они переносили без малейших неудобств.

Нат ускорил шаг. Согласно намеченному плану, он собирался войти в стадо, высмотреть бинокль и отобрать у воришек законную собственность Гуна, даже не раскрывая рта. Главное — действовать неожиданно, чтобы стадо не успело разбежаться.

Уже приготовившись сделать решающий рывок, он резко остановился, споткнувшись о труп. Со всем молоденькая самочка, с еще не опушенным лобком, лежала навзничь с широко открытыми глазами. Верхушка черепа у нее была снесена ударом клинка, так что был виден мозг. Нат стиснул кулаки. Среди шалашей валялись и другие тела, все одинаково скальпированные. Верхняя часть головы у всех была снесена вместе с волосами, и обнажившиеся желтоватые мозги влажно поблескивали на солнце.

«Охотники за забвением...» — сразу установил он. Два или три раза — еще в те времена, когда он регулярно навещался в факторию, — ему случалось сталкиваться с бандами охотников на Мягкоголовых — торговцев наркотиками, кото-

рых не преследовала никакая полиция и которые орудовали на равнине в условиях полнейшей безнаказанности.

Нападая на очередное поселение, они хватали самых юных, связывали и спиливали им верхушку черепа, не обращая внимания на душераздирающие крики жертвы. Обнажив мозг, они втыкали в него шприц и вытягивали жидкость из центральной железы, расположенной между полушариями; эту железу называли «источником забвения».

Именно эта жидкость являлась причиной крайней тупости Мягкоголовых, каждую ночь уничтожая все воспоминания, накопленные в течение дня. Некоторые люди пользовались этой сывороткой вместо опиума. «Наркотик забвения» стал предметом оживленной торговли: многократно разведенное содержимое железы запаивали в ампулы и продавали по баснословной цене. Всего одна инъекция этого раствора начисто стирала воспоминания обо всей прожитой жизни. К сожалению, эффект этот был временным, и тому, кто хотел и дальше держать плохие воспоминания на расстоянии, приходилось повторять уколы снова и снова. Клиентами торговцев забвением на Алмоа были жертвы неразделенной любви, которых боль разбитого сердца приводила на грань самоубийства, а также те, кому не давали спокойно жить утрызения совести... или те, кто не мог перенести горя утраты. Для всех этих несчастных искусственно вызванная амнезия оставалась последней надеждой, удерживающей их от решения свести счеты с жизнью. Увы, привыкание к наркотику было столь же молниеносным, сколь и неизлечимым.

Нат провел ладонью по лицу и почувствовал, что весь дрожит. Он ведь и сам едва не поддался искушению утопить свои горести в покупном забвении... В те дни, которые последовали за гибелью Ньюши, когда муки совести не давали ему сомкнуть глаз ночи напролет. Да, тогда он был готов свалиться в пропасть наркозависимости, и от покупки заветной ампулы и шприца его удержала только нехватка денег.

«Очисти свою голову! — нашептывали со всех сторон дилеры. — Эй! Парень! Воткни иглу в вену, и твоя память станет свеженькой, как у новорожденного... Избавься от груза, который ты таскаешь с собой столько времени, смени шкуру... Один маленький укольчик — и ты станешь другим человеком! Вот увидишь, это отличный шанс начать все заново! Одна ампула, и твоя жизнь полностью переменится!»

Да, он был в самом деле готов пойти на это. Пойти на что угодно, лишь бы забыть Ньюшу и малыша и, не оборачиваясь, зашагать по жизни дальше.

На людей сыворотка действовала не так радикально, как на Мягкоголовых. Они не забывали ни родной язык, ни навыки ремесла, и как только они переставали принимать наркотик, воспоминания возвращались снова — еще более яркие и ужасные, словно многократно усиленные. Они пронзали сознание, озаряя его беспощадными фейерверками, обрекая на безумие. Многие наркоманы в конце концов кончали с собой, не выдержав подобных мучений. Это явление называли «возвратной лихорадкой» или еще «синдромом бумеранга».

Выпрямившись, Нат пошел дальше, петляя между мертвыми телами. Выходит, это стадо стало жертвой набега охотников за забвением. Самые смысленные успели разбежаться, а теперь топтались вокруг своей деревушки, не решаясь вернуться домой. Интересно, что они сделают с трупами? Съедят, наверное...

Нат часто слышал, что Мягкоголовые склонны к каннибализму, но сам никогда не замечал у Ньюши признаков этой склонности.

Неясные темные силуэты колебались за плотной завесой тумана. Теперь он быстро твердел, и разбивать его клубы становилось все труднее.

Наконец Нат выбрался на открытое место и замер в нерешительности. Вся стая собралась под небольшим облачком, которое парило на высоте метров пятнадцати над землей. Прислонив к нему шаткую лесенку, подобранную где-то в развалинах, мужчины и женщины взбирались по ней на верхушку облака.

Нату хотелось крикнуть, что они сошли с ума, что сила тяжести расплющит их мозги и что все они перемрут за неделю, но слова так и застряли у него в горле. Если честно, откуда ему знать, что с ними будет? Люди не могли жить на облаках, это ему было известно, а как насчет Мягкоголовых? В самом деле, что насчет них?

Один из самцов заметил чужака и принялся переминаться с ноги на ногу — у Мягкоголовых это обычно означало напряженную работу мысли. Нат сунул ледоруб за ремень и попытался улыбнуться. В доказательство того, что у него нет никаких враждебных намерений, он сел на землю

и скрестил руки. Эта миролюбивая поза, похоже, успокоила мутантов. Некоторые самки повернулись в его сторону и начали шумно приняхиваться. Все они с ног до головы были покрыты слоем грязи; эта зеленоватая потрескавшаяся пленка придавала им сходство со статуями, которых оживило неведомое волшебство. Они дружно заворчали, и несколько самок опустили на четвереньки — так они поступали, когда искали совокупления. Самцы недовольно зарычали, но ничего не предприняли, чтобы отогнать Ната. Все они были заметно мельче самок и при этом более тощие. Упитанная матрона — видимо, она и верховодила этой группой — повелительно шлепнула особо разохотевшихся самок по ягодицам, побуждая их лезть наверх.

Нат ошеломленно смотрел на них. Ему никогда бы не пришло в голову, что Мягкоголовым хватит ума, чтобы додуматься сбегать от опасности на летающем облаке. Он впервые видел, чтобы они действовали столь осмысленно, и был поражен до глубины души. Наверное, нападение охотников за забвением напугало их до такой степени, что они решили стать для них недосыгаемыми, это еще можно понять... но лестница? Наличие лестницы подразумевало, что у них был заранее разработанный план!

Впрочем, времени на долгие размышления у него не оказалось, потому что матрона вдруг отделилась от стада и направилась к нему. Ее жирное тело переваливалось при ходьбе, отвисшие груди болтались, как бурдюки. Нат даже не пытался угадать, сколько ей лет. Никто не знал, сколько живут Мягкоголовые: одни утверждали, что те умирают,

не дожив и до двадцати пяти, а другие, напротив, считали, что те доживают до сотни лет, и именно поэтому так редко размножаются...

Матрона тоже принялась, и Нату пришло в голову, что она, возможно, уловила старые флюиды Ньюши. Нат слышал разговоры о том, что якобы кожа мужчины, имевшего соитие с Мягкоголовой, навсегда пропитывалась запахом ее женских выделений, от которого не могла избавиться ни одна ванна. Нат подозревал, что эту легенду выдумали проповедники-расисты, чтобы принудить подростков и холостяков к строгому воздержанию; с другой стороны, если запах действительно сохранялся, это объясняло, почему Мягкоголовые не испугались, когда он неожиданно вынырнул из тумана. Клан как будто знал, что этот человек не один год прожил с их соплеменницей.

Матрона указала на небо и издала глухое ворчание, а затем перевела указательный палец на Ната и подала ему знак лезть на облако.

— Я не могу, — отказался Нат, отрицательно качая головой. — Наверху я погибну... Вы полезайте, если хотите, а мне нельзя.

Толстуха продолжала настаивать, и по ее мимике Нат догадался, что она опасается бури. Глупость какая. Гун ведь предсказал, что небо будет ясным.

Видя его нерешительность, женщина пожала плечами, с шумом выпустила кишечные газы в знак неодобрения и вернулась к своим.

Нат наблюдал, как они карабкаются на облако. Когда последний член группы оказался наверху, они втащили лестницу и расселись на краю белой

громады, свесив ноги и бездумно вперив взгляды в горизонт.

Нат вскинул руку в знак прощания. Никто ему не ответил. Мягкоголовые спокойно ждали, пока поднявшийся ветер не погонит облако прочь, что вскоре и произошло. Нат долго смотрел им вслед сквозь пелену тумана, сгустки которого, оседая, разбивались о камни с хрустальным звоном.

Интересно, есть ли у них шанс выжить под гнетом тяготения?

Больше ничего не оставалось, как пуститься в обратный путь. Нат здорово огорчился, что не смог раздобыть для Гуна бинокль. Впрочем, тут уж ничего не поделаешь.

Буря застала его прямо посреди равнины.

Между двумя раскатами визгливого хохота демонов тумана ему почудился крик: «Хотел погулять, человечешка? Теперь посмотрим, умеешь ли ты плавать!»

ГЛАВА 15

В первую минуту он решил, что ему конец; лишь каким-то чудом ему удалось отыскать укрытие в нижнем зале заброшенного строения, кривобоко притулившегося к одной из илистых дюн. Дом был старый, всеми покинутый, медленно оседающий в грязевую пучину. На первом этаже догнивали уложенные в ряд шесть пирог. Быстро осмотрев их, Нат нашел, что одна из них вполне подлежит восстановлению, и решил отремонтировать ее подручными средствами. Тогда, по крайней мере, у него будет спасательный плот на тот случай, если дом пойдет ко дну. А это могло случиться в любую минуту!

Юноша трудился не покладая рук и вздохнул с огромным облегчением, когда работа была наконец закончена. Он укрепил наиболее слабые места челнока и приколотил под килем старую рыбачью сеть, которую отыскал в одном из уголков здания. Осторожность подсказывала, что нужно быть готовым эвакуироваться из убежища при первых же признаках крушения. Едва только шторм проломил грязевую корку на поверхности грязевого моря, старый дом, лишенный надежной опоры, начал

угрожающе скрипеть и подрагивать. Если он не выдержит, пирога станет его единственной надеждой избежать гибели. Ему пришло в голову подсунуть под сеть пару спасательных буйев, по одному с каждой стороны носа лодки. Вся эта конструкция, державшаяся почти на одном только честном слове, могла хотя бы повисить плавающим утлой лодчонки.

Через открытый дверной проем в холл ворвался яростный порыв ветра. Утерев вспотевший от работы лоб, Нат вышел на крыльцо — посмотреть, что творится снаружи.

Буря бушевала, ревя, как тысяча демонов сразу.

На илистый берег обрушилась волна, могучим ударом разметав глиняную корку в мелкую крошку и обнажив скрытую под ней мутную бездну. Нат увидел, как волна покатила дальше, гоня перед собой трещины и вздыбливая прежде такую надежную твердь. Длинный завиток пены на гребне волны казался похожим на хребет динозавра. С тяжелым грохотом она врезалась в стену здания, обрушивая куски штукатурки. Вздыбившись, волна отступила, прихватив с собой несколько ставень и каминных труб, и исчезла в темноте. Нат попятился, предчувствуя следующую атаку. В холл неожиданно ворвалась всполошенная птица и, пометавшись немного, унеслась вверх по вертикальному колодцу лестничной клетки.

Через десять секунд налетел заряд каменного града, расстреляв последние оставшиеся в здании стекла. Склонившись над пирогой, Нат напоследок проверил, крепко ли держится сеть и хорошо ли привязаны буйи. Все выглядело довольно надежным. С этой успокаивающей мыслью он принялся толкать

лодку по направлению к выходу. Киль скрежетал по плиткам пола, ноги юноши оскальзывались по грязевым брызгам. Нужно было торопиться. На фасад обрушилась новая волна, сорвавшая с петель болтающиеся дверные створки. Нат выпрыгнул в лодку, залез на дно, крепко уцепившись за лавку, и закрыл глаза. В следующую секунду он был мокрым с головы до ног. Его резко потрянуло, когда следующий прилив подхватил пирогу и сорвал с крыльца. Неведомо откуда взявшийся тяжелый медный будильник угодил ему в лицо, до крови рассадив скулу. У него перехватило дыхание. На поверхности волн вокруг него бултыхался разношерстный хлам: буфеты, шкафы, кровати... Застигнутое стихией строение разом теряло свои внутренности, как выпотрошенный кит.

Когда Нат в следующий раз рискнул открыть глаза, лодка уже неслась по гребню вздымающейся волны.

На мгновение ему показалось, что он взлетает, но подъем тут же сменился головокружительным падением. Лодка спикировала круто вниз, в черный желоб между двумя десятиметровыми валами. Желудок Ната свело коликой, и его судорожно вырвало в бушующую вокруг пену. Пирога отчаянно трещала всеми своими досточками. Нат ухватился за сеть и пропустил пальцы в ячею, чтобы держаться надежнее. Весла, конечно, давно сорвало и унесло. Пирога с ужасающей скоростью уже неслась вверх, на следующий гребень. Нат увидел, как уносится из-под днища мутная пена, и с ужасом осознал, что на этот раз придется падать с еще большей высоты.

Испуганная птица задела его крылом по лбу, и он едва не потерял сознание. Сквозь накатившую

дурноту ему подумалось, что, наверное, это был бы лучший способ умереть — в беспамятстве, не зная, что случится дальше. Затем жидкие стены сомкнулись над его головой, и он уже почти захлебнулся, когда лодка снова пронизала слой грязи, выныривая на поверхность.

Пирога уже десять раз утонула бы, если бы не спасательные буи. Темнота вокруг сгустилась, и теперь Нат почти не различал границы между небом и бушующим океаном жидкой грязи. Он уже не знал, сколько времени его лодка скачет с гребня на гребень... Когда лодка наконец опрокинулась, Нат зажмурился. Грязь хлынула ему в легкие, перед глазами заплясали красные круги... Он уже готовился проститься с жизнью, как вдруг неожиданно понял, что снова может дышать. Позвонки хрустели от сокрушительных ударов обо что-то твердое; он сначала не понял, то ли волна унесла его в открытое море, то ли швырнула обратно на стены покинутого здания.

Как там Гун говорил перед его уходом?

«Опасаться нечего, все следующие сутки небо будет чистым...»

Когда лодка устремилась носом вниз в жидкую стену, он вдруг осознал, что больше не видит под собой металлического бую. Он плясал на воде чуть поодаль, как плавучая бомба, заливая мрак вокруг себя кроваво-красным светом сигнального фонаря. Лодка ударилась в него со всей силы, и на этот раз доски не выдержали. Ната, по-прежнему хватавшегося за сеть, сдернуло прямиком на металлический корпус, поросший мелкими ракушками. Онемевшие пальцы соскользнули с гладкого железа, и он пошел ко дну, чувствуя во рту вкус тины и собственной крови.

ГЛАВА 16

Первое, что почувствовал Нат, — это что кожа на его голове готова лопнуть, как перекачанная резиновая камера.

«Только бы какая-нибудь птица меня не клюнула, а то я взорвусь, как воздушный шарик!» — мелькнула у него глупая мысль.

Он попытался было поднять руку, чтобы ощупать голову и убедиться, что кости его черепа все еще представляют собой единое целое, но снова потерял сознание.

Ощущение было такое, будто тяжелый свайный молот вколачивает его в ил, мерно ударяя по лопаткам. Наконец он понял, что лежит на первом этаже старого особняка. Волны принесли его обратно — в тот самый холл, откуда он незадолго до того выволок свою пирогу. Мутная жижа плескалась у подножия лестницы, ведущей на верхние этажи. Ната с ног до головы облепило грязью. Свои противоожоговые доспехи он потерял, как, впрочем, и большую часть одежды. Вырвавшись с чавкающим звуком из слоя ила, он двинулся на приступ ступенек. Голые ноги скользили по мрамору, и ему

пришлось цепляться за перила, чтобы не скатиться вниз. Он продолжал карабкаться, стараясь ступать на устилающую лестницу красную ковровую дорожку, но истлевшая за долгие века ткань расплалась под его стопами.

Теперь дом мерно покачивался в такт волнам, как корабль на рейде. Под действием качки двери отдельных комнат то закрывались, то открывались в едином ритме, извергая на лестничные клетки целые груды старой утвари. Нат продолжал лезть вверх, зная, что уровень грязи под ним неуклонно поднимается, постепенно поглощая здание.

Задышавшись от натуги и сипло посвистывая перетруженными легкими, он выбрался в узкий коридор с покатым потолком. Чердак. Дальше подниматься некуда.

Справа мерно хлопали в ритме качки шесть узких дверей. Теперь Нату приходилось преодолевать сильный крен коридора, но, резко подтянувшись, он все-таки изловчился проскользнуть в один из чуланов и вытаращил глаза. Растянувшись на полу, там лежал огромного роста человек с бритой головой... Сердце Ната так и подпрыгнуло в груди.

— Неб Орн! — вскричал он.

Даже грохот бури не смог заглушить его голос. Гарпунер удивленно приподнял голову. Прошло несколько секунд, прежде чем он сумел опознать вымазанную в грязи фигуру, и его широкое лицо просияло.

— Нат? Это ты, малыш? Неужели ты?

Когда первый выплеск эмоций миновал, они уселись рядом на полу, скрестив ноги, чтобы не упасть от качки.

— Что ты тут делаешь? — спросил юноша.

Великан в ответ пожал плечами с выражением покорности судьбе.

— Потерпел крушение, как и ты... Я тут торчу уже двое суток. Спрятался в пустом доме, когда набежали наркодилеры и начали убивать Мягко-головых. Их было слишком много, а я был слишком слаб, чтобы хоть что-нибудь предпринять. Они и меня убили бы, если бы заметили.

— А канонерка?

— Пошла на дно. Проклятое облако раздавило ее... То самое, за которым мы гнались, когда ты сошел с корабля, помнишь? Настоящий кошмар. Я единственный, кто остался в живых.

— Но что же случилось?

Пожилый гарпунер нахмурился:

— Странная какая-то история... Мы следовали за ним уже трое суток. Скорость держалась постоянной, все шло нормально. Мы хотели подойти поближе, чтобы забросить гарпун с кошками и подняться на облако, все как обычно, но потом...

Ему пришлось ненадолго умолкнуть, чтобы переждать особо громкие завывания ветра в черепице.

— Потом все вдруг пошло не так, как предполагалось, — продолжил он. — Мы уже было прицелились, чтобы выстрелить гарпуном, как вдруг облако развернулось! Развернулось, слышишь? Двадцать пять лет плаваю и ни разу такого не видел! Да-да, развернулось нам навстречу, как будто почуяло опасность и решило атаковать первым. Как будто оно было способно думать, представляешь? Вырабатывать стратегию! Оно шло очень низко, почти на уровне палубы. Ударило в буш-

прит со всей силы, ну и, понятно, проломило нам нос. Борта треснули, вода хлынула во все пробоины сразу. В три минуты все было кончено. Нас было человек десять, кто успел прыгнуть в спасательную шлюпку. Некоторое время мы плыли спокойно, а потом ударил шторм.

— И лодка опрокинулась?

— Да, но я успел ухватиться за канат. Потом потерял сознание... Ну а когда очнулся, оказался в нижнем холле этого здания. Оттуда кое-как влез по лестнице вверх, как лунатик.

— А где то облако сейчас?

Неб неопределенно махнул рукой.

— Где-то неподалеку от нас. Рыщет там, среди бури. Может, скоро наткнется на нас, как делают айсберги на Земле. Знаешь, когда оно ринулось нам навстречу, я перепугался, как никогда в жизни. Как будто дикий зверь, решивший напасть. Хищный кит или вроде того.

Нат поднялся на ноги. Постепенно сшелушив с себя грязевую корку, он обнаружил, что все его тело изранено. И тут, вопреки всей трагичности ситуации, он вдруг ощутил, что просто умирает с голоду.

— Как думаешь, сколько времени это здание еще сможет продержаться против бури? — прокричал он, чтобы Неб мог его услышать.

Великан пожал плечами:

— Понятия не имею. Если его не повалит, то довольно долго. Над уровнем грязи еще остается четыре этажа. Но если дом опрокинется набок, нам с тобой останется жить не больше пятнадцати секунд.

Нат снова уселся, пытаясь найти точку равновесия на неустойчивом полу.

— Странная история с этим облаком, — заметил он.

— Да уж не то слово, — отозвался Неб Орн. — Ни разу не видел, чтобы такая газовая громада вела себя так, будто...

Он резко умолк.

— Как будто что? — встрепенулся Нат.

— Да нет, ерунда...

— И все-таки, как будто что?

Неб смущенно отвел глаза.

— Я просто хотел сказать: как будто кто-то ее позвал. Ладно, оставим это. Не будем впадать в разные бредни, вроде тех небылиц, которые болтают в тавернах — про демонов, которые прячутся в тумане... или про колдунов, которые могут управлять летучими айсбергами.

Нат вздернул брови, отчего по засохшей грязевой маске на его лице побежали трещинки.

— А что, есть легенды про облака?

— Легенды есть про все, что угодно, и сейчас не время об этом говорить.

С этими словами гарпунер решительно повернулся на бок, как будто уже сожалел, что наговорил лишнего.

— Давай-ка попробуем отдохнуть, — сказал он, давая понять, что тема закрыта. — Но бдительности терять не будем. Кстати, ты-то что делаешь так далеко от города? Что за нелепая идея отправиться бродить по равнине накануне шторма!

Юноша растянулся на спине, опершись затылком на сложенные руки, и попытался связно из-

ложить события, которые завели его в самый водоворот стихий. Когда он закончил рассказ, Неб сдержанно кашлянул.

— Странно как-то, — заметил он. — Как же твой дозорный не углядел приближение такой сильной бури? Он что, слепой, что ли?

Нат раздраженно пожал плечами:

— У Гуна в самом деле были проблемы с глазами, когда я уходил. Может, поэтому он и не заметил признаков ухудшения погоды?

— Ладно, допустим, — обронил Неб Орн.

В комнатке воцарилось молчание. Борясь с усталостью, Нат пытался определить, что за предметы свалены вокруг. Вскоре ему стало ясно, что назначения большинства из них он угадать не может — настолько они все были древними. Возможно, Неб мог бы просветить его, но, судя по его размеренному спокойному дыханию, он задремал. Нат тоже прикрыл глаза, и постепенно жалобные стоны ветра среди стропил куда-то отдалились, стали глуше... Он заснул.

Когда они проснулись, буря уже утихомирилась. От нечего делать они долго торчали на случайно уцелевшем балконе, разглядывая равнину, которая полностью превратилась в море. Илистая корка исчезла, сменившись сплошной гладью жидкой грязи. Старый особняк погрузился уже по пятый этаж, почти вровень с окнами их убежища; однако держался он более или менее ровно.

Неб Орн пристально осматривал окрестности.

— Что-нибудь не так? — спросил Нат.

— Да все ишу это треклятое облако, — проворчал великан. — Вот глупость какая! Во время

шторма его наверняка облепило грязью, и теперь оно полностью сливается с окружающими холмами. Маскировка лучше не придумаешь! А ведь оно наверняка где-то здесь, рядом, смеется над нами...

Нат не ответил — его занимали более насущные проблемы, и одной из них был голод. Перебрав скопившийся в чуланах хлам, они смастерили что-то вроде примитивной удочки с леской. На наживку пошла тушка погибшей во время шторма мелкой пичуги, и Неб устроился рыбачить на скате крыши, упершись ногами в водосточный желоб. Все утро они прождали впустую, пока наконец какая-то обитающая в тине рыба не соблазнилась приманкой. Они изжарили ее на костерке, сложенном из обломков старого кресла, и даже такой ничтожный обед показался им сказочным пиром.

После еды им снова ничего не оставалось, как отдыхать.

— Мы не сможем покинуть это место, пока поверхностная корка снова не застынет, — объяснил гарпунер. — Придется ждать, хотя это займет, наверное, дня четыре. Пока есть опасность увязнуть, трогаться нельзя. По полузастывшему болоту могут лазать только ящеры, да и то потому, что умеют дышать под водой.

Пытаясь закоптить в дыму непропеченные остатки рыбы, Нат снова и снова обдумывал свое странное приключение. Может, зря он так слепо доверился Гуну? А может, вся эта злосчастная история — всего лишь совпадение и следствие зарождающегося недуга дозорного? Он не знал, что и думать. Неб заметил его смущение и пришел на помощь.

— Думаю, тебе не стоит спешить с мрачными выводами, — сказал он успокаивающе. — Наверное, Гун просто очень гордый человек, которого собственная болезнь приводит в ужас. Это же очевидно! Легко могу представить себя на его месте. На него только что возложили огромную ответственность, и он не хочет признаваться в собственной слабости, боясь, что его выгонят со службы. А может, он сам морочит себе голову, упорно думая, что болезнь пройдет сама собой? Многие люди так поступают, Нат. Иногда физическая немоть ломает самых доблестных мужчин. Он отправил тебя в западню не нарочно, просто хотел любой ценой заполучить бинокль, который позволил бы ему преодолеть недуг. Так что все случившееся с тобой — просто несчастливое стечение обстоятельств.

Нат молча кивнул. После долгих размышлений этот вывод показался ему единственно возможным.

Рыская по этажу, Неб Орн набрел на какие-то обноски, которые еще можно было использовать, так что они смогли переодеться.

— А что ты собираешься делать дальше? — спросил юноша.

Гарпунер скорчил рожу.

— Понятия не имею. Мне кажется, самое разумное — проводить тебя до холма, а там мы расстанемся. Я расскажу горожанам, что мой корабль потерпел крушение, что, собственно, и есть истинная правда. Вряд ли мне будет трудно наняться на какую-нибудь работу, требующую физической силы. А там поглядим... Как только в порту пристанет подходящий корабль, я поступлю на него матросом.

Им пришлось ждать два дня, пока на поверхности грязевого моря снова вырос тонкий, весь в трещинах, илистый «ледок». Как только выяснилось, что он уже вполне способен выдержать вес двух человек, они пустились в путь. Нат вскоре обнаружил, что полузатонувший дом, должно быть, отнесло штормом, потому что обратный путь до холма оказался заметно длиннее. Лишь к самому концу дня из тумана перед ними показался тонкий, как игла, силуэт сторожевой башни. Гарпунер тут же остановился и круто повернулся к Нату. В руках у него был какой-то сверток, который он только что достал из заплочного мешка.

— Держи, — сказал он. — Сувенирчик с канонерки...

Затем он кивком простился с Натом и решительно зашагал прочь, в сторону пристани, расположенной на западном мысу острова. Поглядев ему вслед, юноша размотал тряпки и увидел подарок гарпунера — мощный морской бинокль.

Что ж, Гун будет доволен, хоть это и не тот самый бинокль, на который он рассчитывал.

ГЛАВА 17

Когда Нат, решивший во что бы то ни стало разобраться в ситуации, объяснил Гуну, что буря застала его прямо посреди равнины, тот униженно опустил голову и, чуть помолчав, сказал со стыдом:

— Признаю, я ошибся, глаза подвели меня... Я очень, очень виноват. Мне кажется, я скоро ослепну. Ты ведь знаешь, что это такое, твоему отцу пришлось пройти через это. Только умоляю тебя, не говори об этом никому. Иначе нас выгонят, и мы будем обречены помирать с голоду. Это должно остаться нашей тайной. Ты будешь подменять меня при необходимости... Вдвоем мы сможем справиться, верно?

Он выглядел таким усталым и старым, что Нат не мог слушать его равнодушно. В этот момент Гун напомнил ему отца, Мура, каким тот был в последние месяцы своей жизни.

История с бурей не получила никакого продолжения, и жизнь снова потекла размеренно и монотонно.

Слоняясь в свободное время по городу, Нат сумел подыскать пригодное для жилья помещение на

верхнем этаже пустующего здания — запущенного, но еще вполне надежного. Он приложил к дверям свою печать, обозначив тем самым, что это место является его личным убежищем. В душе он рассчитывал, что за последующие пять лет сумеет как следует обустроиться на холме. Гун, со своей стороны, перенес собственные пожитки в небольшой домик у самого берега. Таким образом, когда срок их службы выйдет, они оба уже не будут бездомными бродягами. Ната это бесконечно радовало.

Но однажды вечером, когда Нат брел по переулкам рыбацкого квартала, петляя среди торфяных хижин, где чадили заправленные ящеринным жиром тусклые лампы, ему на губы вдруг легла чья-то чуждая ладонь.

— Т-с-с! Ничего не говори. Иди за мной.

Это была Сигрид.

На этот раз она вырядилась в засаленную монашескую рясу из грубой холстины, капюшон которой полностью скрывал ее светлые волосы. Нат обратил внимание, что ходит она, сильно ссутулившись, как старуха.

— Сигрид, — удивился он, — кого ты изображаешь?

— Замолчи, не произноси моего имени, — одернула она его с раздражением. — Шпионы Гуна повсюду. Так и ходят за мной... Отец выставил меня из дома. Отрекся от меня, чтобы не навлекать на себя гнев Ползунов.

Нат вытаращил глаза. Неужели Сигрид говорила правду? Или, по обыкновению, нагнетала страсти?

Решив, что расспрашивать ее сейчас бесполезно, он двинулся за ней следом. Примерно четверть

часа они кружили по улицам, чтобы избавиться от предполагаемой слежки. Местами стены домов, выщербленные свирепыми ливнями, сближались так сильно, что юноша задевал их плечами. Наконец Сигрид остановилась перед входом в подземелье; широкие каменные ступени уходили вниз, в темноту.

У Ната скрутило желудок. Да, он знал это место... и оно ему не нравилось. Мальчишки Алмоа издавна использовали его для проведения своего рода обряда инициации. В памяти тут же всплыли заезженные слова, которые ему часто приходилось слышать в детстве: «Ну, кому хватит пороку войти туда и продержаться пять минут? Кому?» Как и всем прочим, ему тоже пришлось пройти через данное испытание, и воспоминания об этом у него остались самые поганые.

Туннель извивался под холмом и приводил в подвалы замка, от которого в нынешние времена остались только жалкие развалины.

Эти мрачные склепы в прошлом были камерами пыток, где орудовали палачи, служившие правителю Сольтерры. С тех пор там остались всякие варварские приспособления, утыканные стальными гвоздями и увитые цепями, которые теперь тихо ржавели в темноте. В городе говорили, что этот каменный мешок населен призраками несчастных, замученных пытками, которые теперь бродят по подземельям, терзаясь жаждой мести и подстергая тех неосторожных, кому хватит глупости забраться в это проклятое место.

«Призракам нужно только одно, — перешептывались городские кумушки, — снова завладеть

органами, которых лишили их палачи... глазами, пальцами, ногтями, ушами... Они ждут любой возможности отнять их у живых людей, чтобы восстановить собственное тело. Поэтому-то в тот туннель ни в коем случае нельзя соваться, если не хочешь выйти обратно калекой без зубов и языка, которые вырвут у тебя жадные призраки!»

Нат изо всех сил старался скрыть тревогу, чтобы его не обвинили в трусости. Сигрид извлекла из какой-то трещины в стене масляный факел и зажгла его. Факел трещал, дымил и плевался искрами.

— Ты узнал это место, верно? — кивнула она. — Значит, тебе не надо объяснять, что лезть туда опасно. Возьми у меня в кармане талисман и надень на шею. У меня есть такой же.

Нат послушно сунул руку в карман ее рясы и извлек из него кожаный шнурок с болтающимся на нем полотняным мешочком, покрытым бурыми пятнами. Сушеная кровь? От мешочка пахло дохлятиной.

— Что это такое? — не удержался он от вопроса.

— Заговоренный оберег от призраков-калек. Они ведь все еще обитают здесь. Мы молоды, здоровые у нас хорошее... как раз такой добычи они и ждут. Сюда никто не рискует спускаться, даже Ползуны. Амулет отгонит призраков, заставив их поверить, что ты прокаженный, а значит, им нет смысла отнимать у тебя части тела, которых им не хватает.

Нат не без брезгливости надел шнурок на шею, стараясь не касаться руками липкого мешочка. Ко-

нечно, все это было очень глупо... но ему было так страшно, что возражать он не стал.

— Я кое-кого спрятала там, в глубине туннеля, — добавила Сигрид. — Одного беженца. Он умирает от гангрены, так что призраки ему не страшны. Не то что нам с тобой. Держись спокойно, что бы ни случилось.

Они начали спускаться вниз, двигаясь осторожно и неуверенно — каменные ступени осыпались у них под ногами. Побелевшие от соляных разводов стены издавали тоскливый запах склепа.

— Незатопленным осталось только одно помещение, — предупредила девушка, — то самое, где раньше проводили допросы. Все остальное затянуло грязью, и по коридорам шастают ящеры. Они тут хозяйничают вовсю, так что лучше бы нам с ними не сталкиваться.

Сгорбившись, они продвигались вперед в колеблющемся пятне факельного пламени, которое едва разгоняло темень.

Внезапно Нат ощутил прикосновение. Чья-то невидимая рука ощупывала его грудь, его живот... Вскоре к ней присоединились еще десятки пальцев, которые наперебой теребили его уши, нос, губы... Он вздрогнул от отвращения. Еще одна ладонь тем временем потянулась к его гениталиям, словно взвешивая их.

— Держись спокойно! — шепнула Сигрид. — Призраки уже здесь, окружили нас. Хотят вернуть себе то, что палачи оторвали у них во время допросов под пытками. Если бы не амулеты, нас бы уже растащили на кусочки. Кажется, таким способом они надеются вернуться к жизни... Утопия, конеч-

но, но как их в этом убедить? Сохраняй хладнокровие, призраки отстанут, как только мы покинем туннель. Наверное, не хотят входить в допросную, она до сих пор наводит на них ужас.

Нат стиснул зубы. Он чувствовал себя куском коровьей туши, который мясник задумчиво вертит из стороны в сторону, выбирая мясо получше.

Как только туннель закончился и они ступили в широкую галерею, ощущение чужих рук исчезло.

— Гун пытался убить тебя! — неожиданно бросила Сигрид. — Я видела, как ты вернулся весь в лохмотьях, израненный. Сейчас-то ты хоть убедился? Или станешь отрицать, что он нарочно отправил тебя навстречу шторму?

— Ты все не так понимаешь, — отрезал Нат. — Согласен, что внешне оно так и выглядит, но Гун в тот момент почти ничего не видел из-за болотного газа. Ну и хорохорился, не желая признаваться в своей немощи. При других обстоятельствах я бы спокойно сходил на равнину и вернулся. Шторм оказался просто совпадением.

Сигрид зашипела как рассерженная кошка:

— Ты сам слеп как крот! Но ничего, сейчас я открою тебе глаза! По крайней мере, у тебя появится шанс не умереть идиотом!

Они вошли в пресловутый пыточный зал. Застигнутое врасплох стадо ящеров с глухим рыканьем метнулось в темноту, подальше от света. Нат увидел железный остов старинной жаровни, на решетке которой болтались наручники. С крюков свисали полуистлевшие плети-многохвостки со свинцовыми кончиками. Вдоль стен высились большие заржавленные клетки. Сигрид решительно направилась

к одной из них, внутри которой скрючилась неясная фигура.

— Это я, — негромко сказала она. — Без паники. Открой замок.

Изнутри донесся какой-то лязг, и дверь клетки со скрипом приоткрылась. На полу в ней полулежал мужчина с бледным, залитым потом лицом; в его руках Нат заметил зазубренный кухонный тесак. Судорожно сжатые челюсти мужчины выдавали, что он терпит не только страх, но и сильную боль. Вероятно, он заперся в клетке, чтобы до него не добрались ящеры.

— Кто это? — резко спросил незнакомец, тыча в сторону Ната острием лезвия. — Я его не знаю! Я же сказал тебе никого не приводить! Я ему не доверяю!

Сигрид успокаивающе повела ладонями.

— Это друг, — прошептала она, — ничего страшного, успокойся.

Они вошли в клетку, и в ноздри Нату ударил едкий запах мочи. Человек подполз на руках к расстеленному в углу одеялу, спрятав под ним свой нож. Было слышно, как стучат от озноба его зубы.

Сигрид присела на корточки и знаком велела Нату сделать то же самое.

— Послушай, — начала Сигрид, — этот человек не с нашего холма. Это чужестранец, прибывший сюда с неделю назад. Раньше он жил в деревне, которую целиком смело облаком, неподалеку от утесов Ган-Таар. Он может рассказать кое-что интересное.

Мужчина категорически замотал головой.

— Не хочу об этом говорить! Вот дерьмо! — выругался он. — Я хочу покинуть это место! Найди мне лодку или что угодно другое. Я не хочу оставаться на этом холме. Вы все покойники, неужели вы этого еще не поняли? Вы приговорены, обречены, короче, вам крышка! С вами случится то же самое, что с моим племенем. Вы все сдохнете! Придет облако и передавит вас всех до единого! Оно уже идет сюда, просто вы об этом еще не знаете.

Сигрид крепко ухватила его за плечи.

— Я обещала, что добуду тебе пирог, — твердо сказала она. — Но сначала повтори моему другу то, что рассказал мне три дня назад.

Мужчина улегся на бок и подтянул колени к груди. Тут Нат и увидел, что его ноги оканчиваются на уровне лодыжек, обмотанных бурыми от застарелой крови тряпками. По исходявшему от них тошнотворному запаху можно было сразу догадаться, что у раненого началась гангрена.

Зуии... Зуии... невольно пронеслось в голове у Ната.

— Я уже говорил, — забормотал калека устало. — Я прибыл сюда неделю назад, после того как мою деревню уничтожило облако. Оно появилось ночью, неожиданно, пока мы все спали, и смяло все дома до единого. Мне каким-то чудом удалось выбраться, а остальные погибли под завалами. Все. Женщины, дети, старики. Камни буквально размололи их. Я подумал тогда, что, быть может, ваш клан примет меня. Я слесарь, и мне повезло спасти мою сумку с инструментами. Бродя по улицам в поисках работы, я встретил вашего дозорного, которого вы зовете Гуном. Я уже видел его раньше, когда-то он

нашел приют в нашей деревне. Он называл себя охотником, и тогда его имя было Сумар...

— Не вижу в этом никакого преступления, — заметил Нат. — В некоторых кланах принято менять имена по достижении определенного возраста или после принятия какого-то важного решения. Скажем, солдат, которому надоело всю жизнь воевать и который решил выйти на покой, начинает называть себя «Спокойным» или «Мирным», отмечая тем самым перемены в своем характере. Но когда эти прозвища переводят на другой язык, их часто начинают воспринимать как имена.

— Болтаешь, как старуха! — гневно осекла его Сигрид. — Только это и умеешь! Гун или Сумар — какая разница! Важно другое — он никакой не охотник, а колдун.

Нат пожал плечами.

Заметив на его лице выражение недоверия, раненый встрепенулся.

— Он колдун, верно! — отчеканил он внезапно окрепшим голосом. — Он занимался всякими странными вещами... В его палатке все время были какие-то странные запахи и вспышки света. Три дня перед тем, как деревня погибла, возле его становища постоянно горел зеленый огонь. А сегодня я вдруг встречаю его здесь. Вас ждет беда, это верный знак! И я не собираюсь здесь оставаться, ни за что!

Нат повернулся к Сигрид.

— Послушай, — забормотал он, настойчиво пытаясь отыскать взглядом ее глаза, — Гун наверняка просто окуривался лечебным дымом, чтобы укрепить свой голос или что-нибудь в этом роде. Могу спросить его, если хочешь. Гун приносит городу

большую пользу. С тех пор, как он здесь появился, он только и делает, что оказывает населению холма разные услуги. Кто помогает избежать несчастных случаев на равнине? Гун. Кто отслеживает миграции дичи? Гун. Кто предупреждает о дожде? Кто сообщает о бандах разбойников на равнине? Опять-таки Гун.

— Но он не предупредил о буре, которая едва тебя не погубила! — возразила Сигрид.

— Он болен, — отрезал Нат.

— Ты отрицаешь очевидное! — воскликнула девушка, дрожа от возмущения.

— Какое еще очевидное? У тебя нет никаких доказательств! Ты просто толкуешь факты так, как тебе больше нравится!

— Гун отравил своего предшественника, Тарагоса Бледного, — заявила Сигрид. — Я в этом убеждена. Он убил его, чтобы вынудить нас провести преждевременную жеребьевку. Но результаты были подделаны, Нат! Торна, слепого ныряльщика, подкупили. Оказавшись под водой, Торн просто достал черепок с именем Гуна из-под своей набедренной повязки, и готово дело.

— Допустим. Гун скитается по равнине и сюда пришел в момент выборов нового дозорного. Возможно, ему очень захотелось получить эту должность; он устал и искал пристанища, где можно было бы спокойно скоротать время. Допускаю даже, что он подкупил Торна, но за эту уловку он каждый день платит самой самоотверженной службой, которую никто не может поставить под сомнение. Гун нужен городу, Сигрид, я убеждаюсь в этом каждый день. Конечно, он не особенно

приятный человек, но это еще не означает, что он обязательно отравил предыдущего дозорного, чтобы занять его место!

— Тебе нужны другие доказательства? — заорала девушка. — Так вот, наш друг стал жертвой нападения в тот самый вечер, когда встретил Гуна и узнал его!

— Так и есть, — прохрипел мужчина. — Я шел себе по улице в квартале рыбаков, было совсем темно. И вдруг какая-то тварь побежала за мной и укусила меня за лодыжки. Я упал, закричал... Набежали люди, и животное скрылось.

— И кто же это был? — спросил Нат.

— Никакое это было не животное! — отрезала Сигрид. — Если взглянешь на его раны, то сразу поймешь, что их нанесли острым клинком. И как ты думаешь, кто имеет обыкновение ползать на четвереньках, вооружившись ножом? Ползун, конечно! Убийца, которого Гун послал, чтобы как можно скорее устранить нежелательного свидетеля, который может разоблачить его!

— Но Гун-то не Ползун, — возразил Нат. — Он преданно служит обществу.

— Вся его преданность — лживая маска! — взъярилась Сигрид. — И ему нужен был порядочный человек в качестве свидетеля, чтобы выступить в его защиту, когда возникнут первые подозрения. Поэтому он тебя и нанял — тебя, сына Мура, бывшего дозорного. Нат, он использует тебя в качестве алиби. Сам того не зная, ты сделался сообщником Ползунов. Расхаживая по всему городу и восхваляя достоинства Гуна, ты усыпляешь подозрительность горожан, хотя уже давно пора бить тревогу.

— Гун не имеет никакого отношения к этим фанатикам, отрезающим людям ноги!

— Как же ты ошибаешься, Нат! Грядет большая беда, настоящая этническая чистка! Религиозная война! Нужно эвакуировать город!

— Никто не пойдет за тобой! Никто в Сольтерре не хочет рисковать жизнью ради неведомо чего!

— А все почему? Потому что привилегии, полагающиеся дозорным, действуют на людей как приманка! Никто не хочет уходить, потому что надеется, что в один прекрасный день тоже станет дозорным! Вся эта жеребьевка — сплошной обман!

— Не все дозорные использовали свое высокое положение в собственных эгоистических целях. Мой отец, а теперь и Гун тоже полностью отдают себя служению городу, но никто не испытывает к ним за это благодарности! Вспомни, как глумились над моим отцом! А теперь вы нападаете на Гуна просто потому, что он пришлый, чужак. Моего отца никто не понимал. Смеялись над советами, которые он изрекал с башни... Повторяю тебе: Гун мне нисколько не симпатичен, но его работа вызывает у меня уважение.

Сигрид устало вздохнула.

— Ты просто слеп, Нат. А я-то думала, что ты сумеешь нам помочь, мне и моим друзьям. Что ж, уходи, ты ничего не можешь для нас сделать. Но хотя бы не выдавай нас. Некоторые люди думают, как и я, что нужно покинуть город до того, как разразится катастрофа. Наше объединение носит название «Кочевники», и мы стараемся убедить население в необходимости уйти, пока не поздно.

Ладно, ступай. Надеюсь, мы хотя бы не станем врагами. Ты дурень, но я хорошо к тебе отношусь, так что будь осторожен. Гун уже один раз попробовал избавиться от тебя... Возможно, потому что узнал, что мы с тобой знакомы. Как бы он не предпринял повторной попытки. Будь настороже. А когда наконец поймешь, кто он на самом деле, присоединяйся к нам.

Нат с горьким чувством поднялся на ноги. Голос девушки звучал так печально... Он шагнул вон из клетки, а Сигрид зажгла для него факел. На краткое мгновение их руки соприкоснулись... но все уже кончилось.

Тяжело волоча ноги, Нат поплелся по туннелю наверх, не обращая внимания на прикосновения призраков. Наконец впереди прорисовался выход; ночной воздух насквозь пропах дымом.

Подойдя к подножию башни, Нат увидел тонкие полоски света, пробивающиеся из бойниц на третьем этаже.

Гун еще не ложился. Не находя себе места от тревог и сомнений, Нат поднялся в комнату дозорного и, поддавшись порыву, выложил все, что накопилось у него на сердце: обвинение в отравлении и подкупе, зеленое пламя... Когда он наконец выговорился, Гун тяжело вздохнул. Сейчас он выглядел усталым и еще более старым, чем обычно, так что Нату стало его жалко.

— Нат, — пробормотал охранник, — иногда возложенное на меня бремя кажется мне непосильным. Время идет, и мы все глубже погружаемся во мрак. Да, это правда, я сжульничал, я подкупил Торна, признаюсь. Но я не травил Тарагоса.

Если уж на то пошло, я его вообще никогда не видел. Мне помог случай, вот и все. Судьба распорядилась так, что он умер в тот самый момент, когда я высадился в Сольтерре. Я решил, что смогу принести здесь пользу. Королевство все сильнее тонет в мракобесии, цепляясь за глупые легенды: проклятие Алканека, необходимость ползать по земле! От нашей науки остались одни руины, и сохранение хотя бы крупицы научных знаний превращается в трудную задачу. Я вовсе не колдун, Нат, как ты подозреваешь. Я ученый-химик, наверное, последний на Алмоа. Все знания, которыми я владею, передал мне изустно мой отец, а он узнал их от собственного отца. Я много лет скитался по равнине, изучая природные явления и зарабатывая на жизнь охотой на ящеров. Не нужно меня бояться, я не из тех безумцев, что живут в шатре на том конце острова. Я изучаю разные вещества и растения, минералы и порошки, которые помогли бы людям переносить силу тяжести без особых страданий, а также бороться с распространением генетических мутаций, вроде тех, которые породили Мягкоголовых. Увы, мои исследования снижали мне дурную славу. Невежды видят во мне колдуна, гадалея. Если бы ты знал, сколько раз меня изгоняли, избивали, ранили! Однажды меня даже пытались повесить... тогда-то я и лишился голоса. И все же люди должны начать действовать до того, как станет слишком поздно, до того, как всей нашей цивилизации придет конец и наступит эра ящеров! Направляясь сюда, я хотел принести людям пользу своими знаниями. Поэтому я и выбрал тебя, Нат. Твой отец был «словознатцем», и я

знал, что ты один сможешь меня понять. Пойдем, я хочу показать тебе кое-что.

Он тяжело поднялся и с трудом вскарабкался по лестнице, ведущей на верхушку башни.

— Иди за мной, — настойчиво позвал он.

Нат подчинился. На верхней площадке, прямо на растрескавшихся каменных плитах, стоял большой металлический тигель, соединенный переплетением трубок с каким-то устройством, похожим на перегонный куб. Внутри него плясало зеленое пламя.

— Вот тот «колдовской» огонь, о котором говорил тот осел, которого ты наслушался. Это просто горючий газ, который образуется при возгонке некоторых кристаллов, которые можно отыскать на равнине. С помощью всего горстки таких кристаллов можно целый месяц освещать жилище и готовить мясо в течение пятнадцати дней. Это новая форма энергии, понимаешь? Возможно, она приведет к возрождению Алмоа! Никаких больше вонючих факелов, никаких проблем с отоплением. Горстка кристаллов, всего горстка...

Он нагнулся и повернул небольшой рычажок. Пламя в тигле выросло и загудело.

— Я бы хотел, чтобы этот огонь стал символом города, Нат, и символом обновления Алмоа. Хочу, чтобы он сиял над равниной как маяк. Хочу, чтобы все знали, что именно отсюда начнется новая эра.

Он слишком много говорил, и сейчас его усталый голос был уже еле слышен.

— Не слушай глупой болтовни, которую несут невежды, Нат. Я буду защищать их даже против их воли. Им не следует уходить: скитания по

равнине — это верная смерть, вся окружающая нас грязь — одна сплошная могила. Сухая корка может треснуть без всякого предупреждения и погубить население целого города. Стена на экваторе, сад секретов... все это сказки. Нелепый вздор! Мы должны нести людям знания, искать элементы и вещества, пригодные для развития промышленности, плавить сталь, строить машины. Если у нас будут кристаллы, нам уже не понадобятся ни фабрики для переработки сырья в топливо, ни сложные устройства... Взгляни на это зеленое пламя, Нат, это символ будущего!

Хрипло закашлявшись, он устало махнул рукой, давая понять, что говорить больше не может.

— Символ будущего! — эхом повторил Нат.

У его ног танцевал на ветру язычок зеленого огня.

ГЛАВА 18

С этого вечера мир на холме был окончательно и непоправимо нарушен. На следующий день, когда Нат вместе с дозорным возвращался в башню, дорогу им преградила группка молодежи во главе с Сигрид, которая, судя по ее мрачно-решительному виду, готова была ринуться врукопашную. Выступив вперед навстречу стражу города, она ткнула пальцем в сторону одного из домов на главной улице. Судя по неестественному наклону стен, здание оседало под землю.

— Грязь поднялась до окон второго этажа всего за четверть часа! — заявила она. — Мы уже лишились десятка домов. С каждым днем земляная кора становится все мягче, и здания тонут под тяжестью собственных фундаментов. Число людей, лишившихся крова, все растет и растет. Сольтерра становится непригодной для жизни, и ее жителям давно пора отправляться в более гостеприимные земли.

Гун покачал головой. Ветер развеивал зеленую мантию на его широченных плечах.

— Жилья пока еще хватает для всех, — сказал он сухо. — Несмотря на все неприятности,

на Сольтерре вам будет куда безопаснее, чем на равнине. Оставьте вы эти глупые мечты! Не существует никакой стены на экваторе! Сад секретов — всего лишь миф! Крепче держаться за холм — вот самое мудрое решение.

Сигрид, покраснев от злости, указала на серую черепичную крышу, едва видневшуюся над поверхностью грязи на расстоянии примерно одного кабельтова от берега.

— Это строение потонуло внезапно, — резко бросила она. — Просто съехало со склона, как на санках! Настоящее бедствие. В нем проживало двенадцать семей, и все они погибли. Вы называете это «жизнью в безопасности»?

— Не передергивай, женщина, — рассвирепел дозорный. — Кстати, ты ведешь себя крайне непочтительно, и я не намерен терпеть твою наглость, имей это в виду. Не забывай, что именно я охраняю вас всех, я отгоняю от города опасности, таящиеся в тумане! Что бы вы делали, если бы не я? Кто предупредил бы вас о приближении облаков-убийц?

Сигрид повернулась к толпе, призывая ее в свидетели.

— Не слушайте его, он лжет! — завопила она. — Он задумал всех нас погубить! Мы должны как можно скорее отправляться на поиски стены на экваторе! Слышите? Это наш единственный шанс выжить! Гун — обманщик! Вы ему верите, а он на самом деле колдун, наемник Ползунов! Еще немного — и он всех нас принесет в жертву тем, кто поклоняется Алканеку! Он пришел сюда для того, чтобы устроить бойню...

Толпа внимала ей с явным недоверием. Мужчины отпускали грубые шуточки. Женщины постарше, пришедшие в ужас от таких обвинений в адрес дозорного, осеняли себя священными знаками и бормотали защитные заговоры. В их глазах заявления Сигрид были святотатством, оскорблением власти и древних обычаев! Во имя всех демонов, эта девица совсем сумасшедшая!

Чтобы произвести впечатление на толпу, сторонники Сигрид обступили ее и принялись патетически скандировать: «Ко-чев-ни-ки! Ко-чев-ни-ки!» И вдруг в едином порыве Сигрид и ее единомышленники выхватили кинжалы и ринулись на Гуна.

Оцепенев от неожиданности, Нат не успел вмешаться. Девушка первой налетела на дозорного и со всей силы ударила его ножом в грудь. Это оказалось ошибкой: под мантией дозорного на Гуне были надеты противоождевые латы, и клинок со звоном обломился.

Стремительным движением хищной птицы бывший охотник на ящеров ухватил девушку за волосы и скрутил, как строптивую козу. Оказавшись в кулаке у того, кого она секунду назад уже считала убитым, Сигрид растерялась, и ее жалкие попытки отбиваться уже ничем не могли ей помочь. Столь резкая смена обстоятельств охладила пыл остальных заговорщиков: чуть-чуть потоптавшись в замешательстве и неуверенно переглядываясь, они вдруг развернулись и бросились бежать врассыпную, бросив свою вдохновительницу в лапах врага.

«Мальчишки! — подумал Нат. — К этому они были совсем не готовы».

Оставаясь глух к граду оскорблений, которыми осыпала его пленница, Гун отволол ее на двор живодерни. Там он сорвал с нее одежду и привязал, совершенно голую, к гниющей туше здорового ящера.

Нат не решился помешать ему, опасаясь усугубить ситуацию. Он все еще не отошел от потрясения, вызванного неудачным покушением на Гуна, и в эту минуту считал его способным на что угодно.

Грубые веревки крепко-накрепко примотали Сигрид к кишащей червями падали, над которой вились тучи мясных мух.

— Ты меня не запугаешь! — надсадно кричала девушка, изловчившись плюнуть прямо в лицо дозорному. — Меня так легко не сломать! Смотри! Смотри же!

И, крепко обхватив полугнилую тушу руками, она развела бедра и потерлась лобком о вонючую шкуру, изображая мерзейшее совокупление. Потом приникла ртом к вывалившемуся из глотки ящера раздутому, разлагающемуся языку и поцеловала его.

— Мы не маленькие! — не унималась она. — Не детишки, которых можно напугать нахмуренными бровями! Если хочешь заставить нас умолкнуть, Гун, тебе придется убить нас! И тогда все, все узнают, кто ты есть на самом деле!

С перекошенным от ярости лицом дозорный зашагал прочь. Нат тут же попытался вступить за пленницу, но в глазах стража полыхнула такая ненависть, что он осекся.

— Замолчи! — рыкнул Гун. — Не пытайся выгораживать ее, иначе я тут же перережу ей глотку! Я имею на это полное право! Чертова шлюха пыталась убить меня! Это наказание послужит ей уроком. Я не могу позволить разнузданной истеричке подбивать людей к походу, в котором им не на что надеяться. Никакой стены-экватора не существует! На равнинах их ждет только смерть. При первом же шторме поверхностная корка рассыплется, и все они потонут в жидкой грязи! С этими бреднями нужно решительно бороться. Они погубили уже не одно племя, поверь мне!

Улицы быстро опустели. Нападение на дозорного считалось тячайшим преступлением, и весь город уже заранее опасался мести Гуна. Ходили слухи, что дозорный уже готов казнить каждого десятого горожанина в качестве меры устрашения. Такое уже случалось в прошлом. Дозорный был наделен абсолютной неприкосновенностью. Именем всех богов! Того и гляди, эта сумасшедшая навлечет неприятности на весь город!

Мужчины негромко переговаривались с суровыми, мрачными лицами, женщины рвали на себе волосы, дети хныкали.

По возвращении в башню Гун вдруг зашатался и обессиленно упал на лавку. Присмотревшись поближе, Нат обнаружил, что клинок все же проткнул кожаную подкладку между бронзовыми пластинами лат и рассек дозорному кожу чуть выше грудины. Нат бережно помог Гуну освободиться от панциря. Рана оказалась длинной, но неглубокой, хотя кровоточила сильно, пропитав кровью серую ткань рубахи на груди пожилого стража.

— Маленькая дрянь захватила меня врасплох, — прохрипел Гун. — Рефлексы у меня уже не те, что прежде. Будь я чуть помоложе, перехватил бы ее руку еще на полпути.

Нат смастерил из каких-то тряпок повязку и приладил ее на порез, отметив про себя, что все тело дозорного и без того было вдоль и поперек иссечено старыми, грубо залеченными шрамами.

После долгого молчания Гун заговорил снова:

— Мне следовало бы отрубить ей голову, но я не стану этого делать. Не потому, что я ее прощаю, а для того, чтобы порадовать тебя... Я знаю, что ты влюблен в эту шлюшку, вижу это по твоим глазам. Если я ее убью, ты станешь моим врагом, и тогда мне придется уничтожить и тебя тоже. А этого мне ни в коем случае не хотелось бы делать. Давай заключим с тобой договор. Я сохраню Сигрид жизнь, а ты за это поклянешься мне в послушании и преданности. Я имею в виду абсолютную, слепую покорность, будто ты солдат, а я твой командир. Я привязался к тебе, Нат, и лишь таким способом я смогу защитить тебя от тебя самого. Никаких больше расспросов! Никаких подозрений! Ты будешь подчиняться мне, и все. Если откажешься, я прикажу живодеру разрубить Сигрид на шесть частей и выложить их на главной площади в наказание горожанам.

Нат застыл на месте, задохнувшись. Условия Гуна были совершенно однозначны: по сути, он предлагал ему стать его сообщником и отказаться от всех отношений с мятежниками, иначе Сигрид умрет. Это был очевидный шантаж, но у Ната не было иного выбора, кроме как подчиниться.

— Хорошо, — кивнул он, смиряясь с чувством, что он только что продал душу дьяволу. — Я вам подчиняюсь, а вы отпускаете Сигрид.

— Вот и славно, — буркнул Гун. — Но придержи свои чувства. Эта девушка не для тебя. Вздорная, невоспитанная... переспала со всеми парнями в городе. Даже отец выгнал ее из дома. Она принесет тебе только неприятности. На самом деле она только и мечтает, чтобы присвоить себе мою власть. Поэтому и клеветает на меня. Ее давно злит, что женщины отстранены от участия в лотерее. Впрочем, что я тут болтаю, ты же меня совсем не слушаешь. Иди, освобождай ее, иди...

Стараясь сохранять хотя бы видимость достоинства, Нат кое-как удержался, чтобы не нестись по улицам бегом, и вошел на живодерню спокойным шагом. Чуть ли не все население Сольтерры с тревогой наблюдало за ним, притаившись за полуприкрытыми ставнями окон. Что-то он сделает? Вынесет приговор преступнице? Объявит всеобщее наказание?

После отчаянных выходов первых минут Сигрид целый час не раскрывала рта из страха, что кружащие вокруг дохлого ящера насекомые сядут ей на язык. Она даже дышать-то почти не смела. Опарыши уже всю ползали по ее коже и копошились в волосах. Мужество окончательно покинуло ее, и она разрыдалась, как только Нат перерезал веревки.

Он помог ей помыться и даже протер ей кожу водкой из бутылки, которую стащил в башне. Едва он закончил, девушка бросилась бежать и исчезла среди развалин без единого слова благодарности.

Неудавшееся покушение на Гуна совсем выбило Ната из колеи. Он наивно полагал, что теперь дозорный наладит общение с молодежью и укажет ей иные способы улучшить свою жизнь, но не тут-то было.

Почему Гун никому не сказал о зеленом пламени?

Наверное, боялся, что его обвинят в колдовстве. Или наглость сторонников Сигрид пробудила в нем злость, которую этот суровый, резкий человек не умел или не хотел смирить.

Нат в нерешительности наблюдал, как возникающий конфликт все более разрастается. Старшее поколение горожан не питало ни малейшей симпатии ни к Сигрид, ни к ее последователям. Намерения мятежников казались им нелепыми, несбыточными. Как можно хотеть уйти неведомо куда, когда каждые пять лет великая лотерея могла наделить любого из них небывалыми благами и льготами?

Время шло, и Нат все больше удивлялся молчанию дозорного. Казалось бы, сейчас самое подходящее время, чтобы сделать публичное заявление и утихомирить страсти. Может, у Гуна возникли какие-то сложности в работе? Или он решил, что жители Сольтерры недостойны воспользоваться плодами его знаний? Наверное, коварство мятежников сильно его уязвило, отчего он решил выбрать позицию оскорбленного высокомерия. Нату очень хотелось отыскать Сигрид и ее штаб, чтобы объяснить им ситуацию, но, увы, «Кочевники» куда-то попрятались, и юноше так и не удалось отыскать их убежище.

— Да они просто бестолочи, — надоедливо зудел Гун чуть не каждый вечер. — Оболтусы под предводительством истерички. Я всегда буду защищать жителей холма от этих горе-агитаторов, я не дам кучке неуравновешенных юнцов заморочить им голову и обречь на верную смерть среди грязевой равнины. Может, я резковато себя веду, но это только для того, чтобы спасти город. Если придется, для поддержания порядка я обращусь за помощью даже к Ползунам! Сделаю их своими солдатами, своими соглядатаями! Мне это совсем не нравится, но если меня вынудят, я ни перед чем не останавлиюсь!

Сигрид так и не показывалась. Среди тех, кто ей сочувствовал, бродили слухи, что она укрылась на время, чтобы спастись от гнева Гуна. Другие шептали, что ее захватили Ползуны и раздавили под грудой камней. Ната эта идея привела в ужас, и как-то ночью он пробрался на полуостров, туда, где стоял кожаный шатер. Ободрав руки до крови, он долго рылся среди наваленных кучей булыжников на окраине лагеря фанатиков, но выкопал из-под них только два полуразложившихся детских трупики, на которые даже не взглянул толком — так его пугала возможность вдруг коснуться окоченевшего лица Сигрид. Убедившись, что ее там нет, он испытал такое облегчение, что громко рассмеялся прямо над сплюснутыми тельцами. Это была безумная ночь, которую он сразу же постарался стереть из памяти с помощью целой кружки самогона.

Спустя несколько дней, когда он нес свою вахту на третьем этаже башни, на край бойницы

вдруг села неведомо откуда прилетевшая чайка. Повинуясь внезапному импульсу, он подкрался и поймал ее. Птица оказалась почти горячей на ощупь, и, приблизив к ней лицо, юноша ощутил сильный, пряный запах, которого никогда прежде не чувствовал. Из этого он сделал вывод, что птица прилетела из чужих краев, очень издалека...

Может быть, даже с другой стороны экватора... Из сада секретов?

ГЛАВА 19

После того как через бойницы на первом этаже в башню забросили горящие факелы и Нат едва не погиб от дыма полыхнувшей, как трут, библиотеки, Гун решил использовать для охраны подступов к башне ящеров. Через несколько дней утром Нат обнаружил в кормушках зверей куски мяса с едким запахом — кто-то их отравил. И этот кто-то мстительной рукой вывел на дверях красной краской слово «КОЧЕВНИКИ».

В это же время сильно возросло число ночных нападений. Перепуганные жители холма все тщательнее запирались в своих домах на ночь.

Примерно через неделю, покинув свое жилище на рассвете, Нат споткнулся о человеческую ступню, отрубленную на уровне щиколотки. Жуткий обрубок валялся прямо посреди улицы в подсыхающей бурой луже. Метрах в тридцати от него он увидел вторую ступню, отчлененную таким же способом.

Двойной кровавый след привел его к трупу подростка, скатившемуся в сточную канаву. Было

очевидно, что ребенок истек кровью через отсеченные ноги. На его мертвом лице застыло выражение непередаваемого ужаса.

«А ведь я его знаю, — подумал Нат. — Видел его в шайке, которая таскалась за Сигрид. Именем всех богов, как же его искалечили!»

Надеясь расшевелить горожан, он постучал в ставни ближайшего дома:

— Эй! Здесь мертвец на улице!

— Отвали! — огрызнулся в ответ мужской голос. — Нас эти дела с террористами не касаются... Хоть бы они все перебили друг друга, только лучше будет! А нам проблемы с дозорным не нужны, мы тут все добропорядочные граждане!

Досадливо тряхнув головой, Нат продолжил путь, но на следующем же перекрестке его ждала еще более кошмарная картина: с десятков отрубленных ног были составлены в пирамиду, как ружья. На этот раз их отсекали на уровне колена... Некоторые из них явно были женскими. Вся мостовая была скользкой от свернувшейся потемневшей крови. Нат обошел всю площадь, высматривая трупы, но их не было. Видимо, раненых унесли до того, как они умерли от кровотечения.

Нат бросился к трактирщику, который как раз отпирал глухие деревянные ставни своей таверны.

— Вы видели? — пролепетал он, задыхаясь.

— Угу, — буркнул трактирщик. — Мерзость какая... всех клиентов мне распугали. Придется вызывать живодеров. Такое мясо всегда можно использовать на приманку для ящеров. Глядишь, выгадаю пару медяков.

— Но кто это сделал? — прошептал Нат.

Кабатчик пожал плечами, отводя глаза.

— Знать не знаю, — проворчал он. — Одно скажу точно: ночью и впрямь выходить из дома не стоит... Иной раз слышно, как они точат свои ножи о кромки тротуаров. Зуии... Зуии... Прямо мороз по коже. Знают свое дело, мерзавцы... Мясник и тот не справился бы лучше!

— Ползуны?

— Надо думать, они. Впрочем, я никого не критикую. Я простой торговец, политика меня не касается. А против дисциплины я ничего не имею. Иногда даже полезно показать пример всякой шпане, глядишь, порядку больше будет.

Поняв, что от кабатчика он ничего не добьется, Нат оставил расспросы и отправился в башню.

Уже и без того стало ясно, что вся эта бойня была делом рук Ползунов. Гун привел свою угрозу в исполнение, поручив людям-ящерам навести порядок в городе, и развязал войну.

Встретив дозорного, Нат рассказал ему, чему стал свидетелем.

Гун в ответ только хмыкнул:

— Значит, можно не беспокоиться, без ног наши юные бунтари вряд ли дотопают до своей стены-экватора! Если только они не собираются ползти туда на брюхе, как... ползуны!

— Расскажи им о зеленом пламени, о кристаллах! — крикнул Нат. — Тогда все уладится. Вы снова подарите им надежду!

— Нет! — упрямо отрезал Гун. — Они этого не заслуживают! Можно подумать, я должен вы-

маливать их одобрение. Они отнеслись ко мне без уважения, и теперь я жду от них не меньше чем публичного покаяния. А там посмотрим.

С этими словами он повернулся к собеседнику спиной и вышел, громко хлопнув дверью. Нату стало ясно, что менять свое решение он не собирается.

В тот же вечер, когда остров окутала темнота, Нат притаился за выступом бойницы и прислушался. Вскоре со всех концов города до него донесся уже знакомый скрежет металла, которым водят по шершавому камню. Зуии... Зуии... Мяслики давали понять горожанам, что они на посту, и горе тем неосторожным, которые отважатся выйти сегодня ночью на улицу!

И словно в ответ отовсюду слышался приглушенный лязг замыкаемых замков и стук захлопываемых ставней. Жители Сольтерры послушно запирались в своих темницах.

Со временем смельчаков, которые осмелились бы высунуть нос из дома в ночное время, почти не осталось, и отрубленных ног стало появляться гораздо меньше. По прикидкам Ната, который старался незаметно вести счет жертвам, Ползуны перекалечили большую часть сторонников Сигрид. Значит, девушка сейчас почти совсем одна... если, конечно, она сама сумела избежать расправы. Нат очень хотел бы прийти ей на помощь, но он не знал как. Гун теперь управлял целой невидимой армией, которую никто не смел даже упоминать вслух. Как только садилось солнце, город оказывался полностью во власти Ползунов; они патру-

лировали улицы, забирались в дома через самые узкие щели и настигали подозреваемых в бунтарских настроениях даже в их собственных постелях.

Нату довелось самому стать тому свидетелем, когда однажды утром он обнаружил своего молоденького соседа лежащим в луже крови на полу в собственной кухне. Его ноги заканчивались двумя грубо перевязанными обрубками. Он умер от потери крови прямо на руках у Ната, бормоча сожаления в том, что посмел проявить сочувствие к движению Кочевников.

Эта расправа возымела желаемый эффект, и вскоре уже ни в одной таверне нельзя было услышать даже праздной болтовни о стене-экваторе или о сказочном саде. Сами эти слова были надежно изгнаны из обыденной речи.

В течение дня Ползунов было не видно, не слышно. Надо полагать, дневное время они проводили в своем кожаном шатре. Нат очень переживал, что противостояние горожан и Гуна дошло до такой крайности. Со временем он стал замечать, что люди боятся его и торопливо расступаются, когда он идет по улицам. Теперь его считали верным рабом Гуна, прислужником палача, и это повергало его в отчаяние.

Как только у него выдавалась свободная минутка, он садился возле бойницы с биноклем Неба Орна и жадно всматривался в улицы, надеясь хоть когда-нибудь увидеть фигурку Сигрид, крадущуюся вдоль стен.

Однажды Гун застал его за этим занятием.

— Знаю, кого ты ищешь, — захрипел он. — Опять ту девку! Вижу, ты крепко влип в ее сети. Совсем голову потерял! Вот так она и набирает себе сторонников, соблазняя их... Ты так еще и не понял, что твоя Сигрид — обыкновенная шлюха? Вся ее банда побывала у нее между ног, и ты хочешь оказаться в их числе? Возьми себя в руки! Ты заслуживаешь большего!

Задохнувшись, он умолк, чтобы перевести дух. На его перекошенное злобой лицо было страшно смотреть. Нат попятился на шаг, готовясь к худшему.

— Послушай, — снова заговорил Гун, чуть сбавив тон. — Я не умею складно выражать свои чувства и не мастак в разговорах, но поверь, для меня ты как сын. Не разочаровывай меня. Я готов передать тебе все свои знания при условии, что ты докажешь мне свою добрую волю.

— Это как? — настороженно спросил Нат.

Гун сунул руку в карман и вынул из него плоский металлический футляр. Внутри оказался шприц и ампула с густой желтоватой жидкостью.

Нат с содроганием понял, что это наркотик забвения, который наркодилеры извлекали из мозга безжалостно скальпированных Мягкоголовых.

— Это истребит ту грязную шлюху из твоей памяти, — сипло сказал Гун. — Один укол — и ты забудешь про нее. Вся ядовитая ложь, которой она забила твою голову, будет стерта на целый год. Станешь как новенький, всякие отягощающие тебя связи исчезнут. Мы начнем все с нуля — вдвоем, ты и я, как отец и сын. Я научу тебя все-

му, что сможет тебе пригодиться, и только этому, ничего лишнего. Займись твоим обучением... И ты очистишься, начнешь новую жизнь.

Нат метнулся к двери, ужаснувшись при мысли, что Гун может сделать ему укол насильно.

— Нет! — крикнул он. — Ни за что!

И тогда Гун бросил ему вслед с презрением:

— Значит, ты тоже предашь меня, Нат! Что ж, ты выбрал свою сторону! Ты... единственный, на кого я мог рассчитывать, единственный, способный меня понять... Подумать только, а я ведь хотел, чтобы ты тоже стал причастен к возрождению Алмоа!

ГЛАВА 20

Здоровый, с кулак, зеленый огонь сиял на вершине башни, заливая призрачным светом каменные зубцы. Вечером, когда шум города стихал, можно было расслышать шипение пламени. Как ни странно, этот блуждающий огонек не вызвал никакого любопытства у горожан, и даже дети уже не задирали головы, проходя мимо башни. Что касается птиц, то они, похоже, решили облетать его стороной, и почти никто из них не присаживался больше передохнуть на ограде смотровой площадки.

Гун погрузился в непроницаемое молчание, о «Кочевниках» тоже ничего больше не было слышно.

Нат теперь никогда не чувствовал себя в безопасности, находясь в башне, однако уволиться не решался, опасаясь, что Гун в отместку прикажет Ползунам отрубить ему ноги. Поэтому юноша всячески старался, чтобы его «измена» не стала слишком очевидной. От этого зависела его жизнь.

Каждый раз, убедившись, что Гун заснул, он снова и снова прятался за выступом бойницы, припав глазами к морскому биноклю и лелея

несбыточную надежду однажды все-таки высмотреть, где прячется Сигрид. Но сколько бы он ни обшаривал взглядом улицы, она так ни разу и не показалась.

Но вот однажды он заметил какого-то человека, который крадучись пробирался вдоль стен. Недалеко от башни он застыл на углу улицы, как будто не решаясь двигаться дальше. Судя по тому, как человек вздрагивал при малейшем шуме и нервно сжимал в руке увесистую палку, он чувствовал близкую угрозу. Нат затаил дыхание: кто же мог быть настолько храбр — или настолько безумен, — чтобы отважиться бросить вызов Ползунам на их территории?

И когда человек наконец поднял взгляд на башню, Нат узнал его. Это был Неб Орн.

Юноша еле удержался, чтобы не вскрикнуть от удивления. Он не видел гарпунера с того самого шторма. А сейчас Небу, похоже, грозила опасность. Решив помочь ему, Нат вооружился тяжелым железным ломом, тихонько вышел из башни и углубился в сплетение темных переулков. Место, где прятался великан, он нашел почти сразу. Тот, ожидая нападения, резко повернулся на звук шагов, и Нат едва успел увернуться от нацеленного ему в живот наконечника гарпуна.

— Именем туманных демонов! Я уже три дня пытаюсь до тебя добраться! — хрипло зашептал Неб, разобравшись, что к чему. — Эти чертовы Ползуны повсюду. Держат город в кольце, как при карантине. Я трижды чуть не попал к ним в лапы. Четверых я, правда, пригвоздил к грязюке, но их больше, чем тараканов в корабельном трюме!

— Я думал, ты давно покинул Сольтерру, — возразил Нат. — Ты ни разу не дал мне знать о себе.

Великан завернулся поплотнее в кожаный плащ.

— Покинуть Сольтерру? Да, поначалу я так и собирался сделать, — проворчал он, — но эта девушка, Сигрид, уговорила меня не спешить. Мне тоже, как и ей, очень не нравится то, что тут затевается, вот я и решил немного погодить. Сигрид сказала, ты действуешь на стороне Гуна. Вот уж не думал, что ты такой наивный!

— Я не наивный, — рассердился Нат. — Но пока у меня нет другого выхода. Если Гун решит, что я окончательно переметнулся во вражеский лагерь, он прикажет отрубить мне ноги! Ползуны подчиняются ему совершенно беспрекословно. Он превратил их в свою личную гвардию.

— Это уж точно. И поверь, не стоит сейчас шататься по городу после наступления темноты! Они постоянно патрулируют окрестности, чтобы ни один человек не покинул Сольтерры. Так и рыцарь вокруг города, как надзиратели вокруг лагеря пленных.

Хоть и занятый разговором, гарпунер все время посматривал по сторонам, не теряя бдительности.

— Нат, — настойчиво повторил он, — пора уже определиться, на чьей ты стороне. Опасность все ближе. Давай же, очнись!

— Ты видел Сигрид и Кочевников?

— Нет, я давно потерял связь с ними; Ползуны открыли на них настоящую охоту. Сигрид и ее ребята пытались скрыться от них, почаще меняя убежища, но их того и гляди возьмут в клещи...

Гун хочет уничтожить всех своих противников до единого, подготавливая Большой день.

— Что еще за Большой день?

— До тебя что, еще не дошло? Вся эта затея — один большой заговор, жертвами которого в самом скором времени станете вы все — и ты, и жители холма...

— О чем это ты?

— Я все пытался тебя предупредить, но Ползуны каждый раз вынуждали меня отступить. Просто чудо, что они меня не достали.

Лицо гарпунера поблескивало от пота, костяшки пальцев, сжимающих гарпун, побелели от напряжения. Нат понял, что дело серьезное.

— Слишком долго я молчал, — пробормотал Орн. — Надо было рассказать все раньше, но я не решался нападать на дозорного. Слишком крупная мишень для простого гарпунщика.

— Дьявол тебя разбери! Да скажешь ты наконец, в чем дело? — не выдержал Нат, которого все эти разговоры вокруг да около изрядно напугали.

— Я все понял, когда встретил Гуна по прибытии в Сольтерру, — зашептал Орн горячо. — Помнишь, на следующий день после шторма? Мы тогда расстались у пристани, и каждый пошел своей дорогой...

— Да, так и что?

— Я потом три дня болтался по тавернам, пытался найти работу. И однажды увидел тебя, как ты идешь по главной улице рядом с дозорным. Тогда-то пелена упала с моих глаз, и я обо всем догадался.

— О чем? О чем ты догадался?

— Судя по твоему лицу, ты не знаешь, что это за зеленый огонь, который Гун жжет днем и ночью на вершине башни. Или я ошибаюсь?

— Ну да, он мне объяснил, что это новая форма энергии, которая перевернет всю жизнь на Алмоа и сулит нам небывалый подъем. Гун — ученый-химик, и он...

— Химик? Это Гун-то? Ох, парень, если бы ты поплавал с мое, ты бы на такие глупости не купился. Зеленое пламя — это огонь береговых пиратов!

Ухватив юношу за локоть, Неб втащил его в ближайшую подворотню.

— Береговые пираты существовали раньше на Земле, — пояснил он торопливым шепотом. Они разжигали на берегах ложные сигнальные костры, заманивая корабли, которые разбивались о камни. Только на Алмоа они действуют наоборот — приманивают к городам облака, используя созданные химическим путем особые газы.

— Так выходит, Гун — грабитель? — пробормотал Нат, растерянно заикаясь.

— Нет, не грабитель. Убийца. Гун работает на Ползунов. У него с ними что-то вроде договора. Они хотят вас всех уничтожить — и людей, и город. А у Гуна в руках облако — огромное, белое, как воздушный кит, помнишь? Это Гун тогда изменил его курс, погубив канонерку. Когда он решит, что нужный момент настал, он разожжет пламя еще ярче, и тогда облако примчится к нему, как слон, которого потянули за цепь! И оно обрушится, Нат, прямо на город.

— Но такого не может быть!

Неб крепко стиснул его плечи ладонями.

— Может, Нат, может. Увидев Гуна, я сразу все понял. Я ведь уже встречал его раньше. Он известен в кругу религиозных фанатиков. И здесь он оказался не случайно! Думаю, он уже давно работает на Ползунов и не новичок в своем деле. Наверное, он так и переходит из города в город, уничтожая один остров за другим. Это и есть цель заговора: уничтожить всех, кто продолжает ходить прямо, чтобы отомстить за Алканека. Ползуны платят ему, чтобы пользоваться плодами его знаний.

Нат сжал пальцами виски. Ему казалось, что голова его сейчас взорвется.

— Но тогда получается, — пробормотал он, — что я ошибался с самого начала! Гун одурачил меня, а Сигрид была права. Он использовал меня в качестве алиби, зная, что я буду защищать его, если против него возникнут какие-то подозрения!

— Так и есть, однако со временем оказалось, что ты чересчур скептически настроен и не так покладист, как ему бы хотелось, и Ползуны велели ему избавиться от тебя. Вот почему он отправил тебя на равнину в преддверии бури. Твоя гибель сошла бы за несчастный случай, и никто бы ни о чем не догадался. А сейчас он хочет помешать людям покинуть город вовсе не для того, чтобы уберечь их от опасного похода, а для того, чтобы никто не уцелел в катастрофе.

— Так нужно скорее всех предупредить!

Неб отрицательно покачал головой:

— Нам никто не поверит. Люди боятся Ползунов. Как бы ты ни старался, носа наружу они не высунут. Не стоит действовать поспешно. Пока пламя низкое, непосредственной опасности нет.

А если ты начнешь кричать на всех углах о том, что я тебе только что рассказал, ты просто обречешь себя на смерть. Нет, разумнее будет лишить Гуна необходимых материалов. Без тех кристаллов он ничего не сможет сделать. Ты один можешь взобраться на вершину башни и растоптать их. Но будь осторожен, Ползуны следят за тобой, ты все время у них под присмотром. Действовать нужно незамедлительно. Нам обязательно нужен свой человек в башне, и им можешь стать только ты. Если Гун прогонит или убьет тебя, мы лишимся последнего шанса проникнуть в башню. Ты должен стать нашим лазутчиком! Попытайся наладить с ним отношения, покайся... в общем, устрой так, чтобы пока остался его слугой.

Нат кивнул. Задание ему совсем не понравилось, но выбора у него не было. Исправить собственные ошибки он мог только таким способом.

Условившись о следующей встрече, они расстались, и юноша вернулся в свою берлогу, мучаясь стыдом и отчаянием. Неб был прав, нужно действовать быстро.

Как он мог быть таким слепым? Неужели из-за того, что Гун чем-то напоминал ему отца и он счел себя обязанным защищать его?

Шагая по пустынным улицам, он вдруг ощутил, что за ним следят. Резко обернувшись, он успел засечь длинную тень на уровне земли, которая ползла вдоль стены.

Темные переулки наполнились звуками приглушенного движения — шорохами, чуть слышным царапаньем, как будто кто-то полз по мостовой. Город словно наводнили привидения. Все двери окрестных

домов были забаррикадированы или заколочены досками, на многих окнах виднелись новые железные щиты. Жители затаились в утрюмом бдении, настороженно прислушиваясь к ночным звукам. Невидимые глазу Ползуны были везде — в каждой улочке, на каждой тропке, где они могли в любое мгновение появиться из подвального оконца, из зазора между стенами или даже из грязи, где они могли лежать часами, как ящеры, подкарауливая добычу. Весь холм был в их безраздельной власти.

«Они шпионят за мной, — подумал Нат. — Неб прав, я все время у них под надзором. А теперь, увидев, как я разговариваю с подозрительным лицом, они решат, что я переметнулся в стан врага, и расправятся со мной немедленно».

Войдя в здание, где он облюбовал себе жилище, Нат зажег специально припасенный на этот случай факел и выскочил с ним на улицу. На какую-то долю секунды дрожащее пламя высветило три вымазанных грязью лица на уровне мостовой. Это были они, Ползуны, — на коротких кривых руках-лапах, с острыми ножами в зубах.

В следующее мгновение он опять остался один: убийцы с повадками ящериц неслышно растворились в темноте.

Юноша осторожно, с оглядкой, поднялся по лестнице, сжимая в одной руке факел, а в другой кинжал. Сдаваться он не собирался. Если уж они собираются отрубить ему ноги, им придется дорого заплатить за это. И все же особых иллюзий насчет своего будущего он не питал: его дни сочтены, это ясно. Быть может, до сих пор к нему сохранялось относительно «доброжелательное» отношение, но

этому сразу придет конец, как только Ползуны доложат Гуну о событиях этого вечера.

Однако он не мог не задуматься, почему же Гун так долго берег его, несмотря на его далеко не лояльное отношение на протяжении последних недель.

«Быть может, ему просто-напросто нужен слуга? — размышлял Нат. — Или, зная о моих связях с Сигрид, он рассчитывал использовать меня в качестве шпиона?»

И все же в глубине души он не мог окончательно отбросить предположение об «отцовской привязанности», хотя эта мысль смущала его больше остальных.

Тщательно забаррикадировав дверь, он уселся на кровать. Руки у него дрожали от недавнего выброса адреналина, и было совершенно ясно, что заснуть ему не удастся. Один вопрос не давал ему покоя: где же Сигрид и ее сторонники нашли себе укрытие? Холм не так уж велик! Есть только два места, где могли спрятаться последние Кочевники: на подземном кладбище... или в бывшем пыточном зале.

«Вряд ли они на кладбище, — прикинул юноша. — Смоляные мумии едва ли помешают Ползунам проникнуть в некрополь... Подземелье пыток — другое дело. Там живут призраки, и никто не может пробраться в туннель, не рискуя быть разобранным на части».

Он резко выпрямился, уверенный, что не ошибся. Именем всех богов! Значит, чтобы спастись от преследователей, Сигрид решила поискать защиты у призраков. Он вспомнил, что у девушки были за-

щитные амулеты. Она дала ему один из них, когда он ходил с ней в то проклятое место. Впрочем, на следующий день после того похода она потребовала вернуть его, так что теперь у Ната не было возможности снова посетить подземелье и вернуться оттуда целым и невредимым. Ну да ничего не поделаешь! Ему все равно придется навеститься туда, чтобы убедиться, что девушка все еще жива.

Весь остаток ночи он провел, разрабатывая план. Как только рассвело, он отправился по окрестным пустующим домам и подвалам, собирая разрозненные части доспехов — заржавленные, покоруженные наплечники, поножи, кольчуги, шлемы и прочие жалкие реликвии прежних битв, о которых в людской памяти уже ничего не осталось. Из этих обломков он собрал полный доспех, тщательно смазав каждую деталь салом. Результат получился, конечно, корявый и отчасти даже гротескный, но Нат надеялся, что стальной костюм сможет устоять против натиска призраков достаточно долго, чтобы дать ему возможность обследовать подземелье и найти Сигрид.

Догадываясь, что повстанцам нужна помощь, он раздобыл большой окованный железом дорожный сундук и наполнил его съестными припасами, перевязочным материалом и заживляющими снадобьями. Затем разобрал доспехи и сложил их детали в два объемистых джутовых мешка. Завершив эти приготовления, он нанял двух бродяг в качестве носильщиков, чтобы они помогли отнести его поклажу на вершину холма. Соседям он как бы между прочим сказал, что собирается переехать. Те восприняли новость с явным облегчением —

наконец-то шпион дозорного окажется далеко от них! — и не стали задавать лишних вопросов.

Багаж он велел сложить неподалеку от развалин замка и там же расплатился с носильщиками; бродяги немедленно убрались, торопясь потратить заработанные денежки в ближайшем портовом кабаке.

Убедившись, что никто за ним не наблюдает, Нат тщательно упаковался в доспехи, при необходимости скрепляя некоторые сочленения кусками проволоки. В глубине души он понимал, что его затея абсолютно безумна. Подземелья кишмя кишели призраками тех, кого палачи замучили здесь до смерти, и у этих привидений была лишь одна навязчивая идея — вернуть себе вырванные или отрезанные палачами органы: глаза, пальцы, ногти, уши... Они жадно набрасывались на любого, кто по неосторожности забредал в проклятый туннель, чтобы завладеть теми частями тела, которых им так не хватало.

Сигрид нашла способ защититься от них с помощью амулета, который внушал призракам, будто она опасно больна, а значит, ее органы непригодны для других. Нат, к сожалению, не знал ни одного колдуна, который мог бы снабдить его подобными оберегами, следовательно, ему приходилось выходить из положения с помощью доступных средств.

Кожа под металлическим панцирем обильно потела, и это было плохо: запах пота грозил еще больше возбудить кровожадность призраков, но он не мог ничего с этим поделать. В правую руку он взял зажженный фонарь, а левой ухватился за ручку сундука с предметами первой помощи. Из-за глухого шлема он почти ничего не видел, а из-за

ржавых наколенников походка у него стала как у страдающего артритом старика, но он усилием воли подавил зарождающуюся внутри панику и шагнул в сумрак туннеля.

Лязг и скрежет доспехов едва ли делали его передвижение бесшумным, но не это заботило Ната больше всего. Из-за заедающего левого наколенника он трижды чуть не упал, и это его здорово напугало — он не был уверен, что в случае падения сможет самостоятельно подняться на ноги: слишком уж тяжел и неуклюж был его защитный панцирь. Опрокинувшись на спину, он так и остался бы лежать, беспомощный, как перевернутая черепаха, и оказался бы полностью во власти призраков, которые в конце концов непременно сорвали бы с него доспехи.

Чтобы немного разогнать страх, он громко позвал:

— Сигрид? Сигрид? Ты здесь? Это я, Нат!

Увы, опущенное и прикрученное проволокой забрало шлема заглушало его голос, и крик звучал не громче, чем кваканье лягушки на дне большой бочки.

Он одолел уже половину пути, как вдруг услышал царапанье невидимых ногтей по пластинам панциря... Привидения перешли в атаку, стараясь просунуть пальцы в щели шлема, чтобы добраться до его глаз. Их призрачные тела состояли из энергии настолько плотной, что она могла воздействовать на материальные объекты. Сейчас она сухо потрескивала, как воздух перед грозой, и время от времени сотрясала тело юноши болезненными разрядами.

Уже десятки неведомо откуда возникших бесплотных рук ощупывали его, выискивая малейшую щель в доспехах. Если бы не этот защитный костюм из металла, его тело давно разобрали бы на кусочки. Впрочем, натиск призраков оказался столь силен, что Нат уже не был уверен, продержится ли его защита достаточно долго.

Вскоре он споткнулся о чьи-то останки. Несколько истерзанных, искалеченных тел лежали посреди туннеля, и Нат догадался, что это все, что осталось от товарищей Сигрид.

«Я опоздал!» — с ужасом подумал он.

Наконец он оказался в пыточном зале, где выстроились вдоль стен железные клетки, где узники дожидались, пока ими займутся палачи. Все они были пусты, за исключением одной.

В самой последней клетке спорбилась неясная фигура, и Нат шагнул к ней, приподняв фонарь. Чадный, искрящийся огонь высветил испачканное грязью лицо.

— Сигрид! — воскликнул он. — Это я. Открой дверь, за мной гонятся призраки.

Девушка за стеной из железных прутьев сидела, сжавшись в комок; ее отчаянно знобило, не то от холода, не то от лихорадки. Нат заметил грязные, засаленные бинты на ее ногах.

Наконец она зашевелилась и подползла к дверце клетки, чтобы распутать удерживающий ее узел. Нат понимал, что эта мера предосторожности была направлена исключительно против ящеров, заселивших подземелья, а против призраков она никак помочь не могла.

Он хотел присесть на корточки, но в негнушихся доспехах это оказалось невозможно.

— Ты ранена... — сказал он, не придумав ничего умнее. — Ты с ума сошла, зачем ты сюда полезла?

— У нас не было выбора, — прошептала в ответ Сигрид, убирая со лба вымокшую от пота прядь. — Ползуны окружили нас, и мы не знали, куда бежать. Либо сюда, либо к ним в лапы... Я думала, амулеты защитят нас, но их действенность со временем ослабла. А потом мои товарищи потеряли голову от страха перед призраками и решили выйти наружу...

— Я их видел, — пробормотал в ответ Нат. — Далеко они не ушли.

— Умоляю тебя, — простонала девушка, — помоги мне, у меня больше никого не осталось... Сила моего амулета тает. Еще немножко — и он перестанет отгонять призраков. Тогда они проскользнут между прутьями клетки и разорвут меня на части.

— Попробуем что-нибудь сделать, — отозвался Нат. — Ты не можешь идти, а я не смогу нести тебя в этих доспехах... но, может быть, есть один способ... Сейчас я опустошу этот сундук, и ты залезешь в него. Я закрою крышку и потащу его за собой к выходу. Может, нам повезет...

Он торопливо вытряхнул из сундука все содержимое и помог Сигрид забраться внутрь. Она вскрикнула от боли, когда ей пришлось подобрать под себя ноги. Обливаясь потом, Нат захлопнул крышку, от души надеясь, что в амулете еще хватит силы, чтобы защитить Сигрид до самого выхода.

Он почувствовал, как злобно заворчали за его спиной призраки, словно зарокотала приближающаяся гроза.

Собрав остатки мужества, он обхватил рукой в стальной рукавице ручку сундука и выволок его за собой из клетки.

Ярость привидений хлестнула его, как кнутом. По кольчуге и латам пробежали искры, и он застонал от болезненных разрядов, которые пробежали по его нервам, метя в сердце. Если так пойдет дальше, сердечная мышца не выдержит... верный инфаркт! Ему стало ясно: мертвые не могли простить ему, что он увел Сигрид прямо у них из-под носа. Они-то рассчитывали поживиться ее телом, а он отобрал его! Нет, с этим нельзя смириться!

Стиснув зубы, преодолевая боль, он упрямо продолжал двигаться к выходу. Привидения, разъярившись окончательно, принялись срывать с него латы кусок за куском. Бестелесные ногти скрежетали по стальной кольчуге. При каждом новом прикосновении тело Ната пронзал обжигающий разряд. Металл и пот обладали отличной проводимостью... Шлем наполнился запахом горелого мяса. Челюсти сводило с такой силой, что Нат невольно удивлялся, как это его зубы еще не рассыпались на осколки...

Сундук был неподъемный, как дохлый слон.

Он почти уже уверился, что у него ничего не выйдет. Вырвавшись наконец на свежий воздух, он рухнул с громким металлическим лязгом и некоторое время лежал без движения, содрогаясь от спазмов в перетруженных мышцах.

Немного придя в себя, он освободился наконец от доспехов, спрятав их по частям под окружающими камнями. Сигрид внутри сундука потеряла сознание, сгорая в мучительном жару. Нат снова опустил крышку; теперь следовало придумать, как

доставить сундук к себе домой, не привлекая лишнего внимания. Такого поворота он не предвидел. Прибегнуть к услугам носильщиков на этот раз было нельзя: очнувшись, девушка могла закричать, всполошив грузчиков. Слишком рискованно. Тогда он решил тащить его сам, короткими перебежками, останавливаясь в укромных местах, чтобы передохнуть. Дорога до дома заняла у него много времени. Добравшись на пределе сил до своего жилища, он открыл сундук и бережно поднял Сигрид на руки, чтобы донести ее до спальни. Затем он тщательно запер входную дверь, заложив ее тяжелой стальной балкой, которую специально приспособил для этого пару недель назад. Страх подгонял его, скручивая внутренности в тугой узел.

Когда Сигрид пришла в себя, он напоил ее целебным травяным настоем и осторожно снял повязки с ран. Выглядели они скверно. Ноги под самыми коленями были рассечены до костей, мышцы и сухожилия перерублены. Кожу покрывали почерневшие кровяные сгустки. Пришлось признать: даже если Сигрид минует гангрена, ходить она больше не сможет. Юноша как можно тщательнее промыл раны и приложил к отекам икрам девушки компрессы с заживляющей мазью. Конечно, раны стоило бы почистить и зашить, но у него не было подходящих инструментов для такой операции. Сигрид кусала губы, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не кричать от боли. Чтобы чуть-чуть отвлечь девушку от страданий, Нат пересказывал ей последние откровения Неба Орна.

Когда, наконец закончив, он поднял голову, оказалось, что раненая снова потеряла сознание. Тогда

он снял с нее провонявшие лохмотья и помыл ее. Голое тело девушки, покрытое синяками и шрамами, показалось ему чудовищно исхудавшим.

Уложив ее на постель, он подошел к окну, чуть вздрагивая от холодного ветра, и его глаза невольно устремились к сторожевой башне. Ярко освещая каменные зубцы, зеленое пламя полыхало как костер высотой в рост человека... Значит, Ползуны уверились в его предательстве и предупредили дозорного, и Гун, почуяв угрозу, решил незамедлительно переходить к действию... Последний час пробил.

ГЛАВА 21

Нат бежал по лабиринту темных переулков, то и дело налетая на стены и каждый раз обдирая кожу на плечах. Он был совсем один в окутанном страхом городе, все население которого жалось за запертыми дверями; один против невидимой ползучей армии, которая могла в любой момент вынырнуть из грязи, чтобы отрубить ему ноги прямо на бегу. Он был один... или почти один, против Гуна, который там, наверху, склонялся сейчас над своим медным тиглем, раздувая изумрудное пламя, оглашающее темное небо глухим голодным урчанием.

Изнемогая от груза тяготения, сердце Ната колотилось как бешеное, легкие горели огнем. Перед глазами заплясали черные пятна, и ему пришлось остановиться, чтобы не потерять сознание. О боги! Неужели он сейчас свалится с сердечным приступом прямо здесь, посреди улицы? Сейчас не время!

Стоило ему замереть, привалившись спиной к шероховатой стене какого-то дома, как со всех сторон к нему поползли черные тени, стелясь у самой земли. Блики играли на клинках. Ползуны... они были повсюду. В их движениях не осталось

ничего человеческого. Извиваясь, перебирая короткими конечностями, они сейчас особенно походили на голодных крокодилов, вышедших на охоту. Нат метнулся в сторону и снова бросился бежать, стараясь не думать о том, что его сердце вот-вот разорвется. Инстинкт упрямо гнал его к башне. Если ему удастся уничтожить то зловещее устройство, которым пользуется Гун, облако не станет менять курс и смертельная встреча с ним не состоится... Он должен, должен сделать это, чтобы искупить свои прошлые ошибки, свои заблуждения! О, демоны... Как же ловко Гун манипулировал им с помощью этих своих историй про отцовскую любовь!

Он отогнал эти мысли, полностью сосредоточившись на работе собственных мышц и легких. В висках стучало, и время от времени ему казалось, что его череп стискивает тугой железный обруч, круша лобные кости.

Вот она, башня, совсем рядом. Он бросился ничком в грязь и, лежа, внимательно осмотрелся. Затем медленно, как делали Ползуны, подполз на локтях к тяжелой бронзовой двери, которая в темноте казалась еще массивнее.

Спрятаться на площади перед башней было нелегко, и он боялся, что Ползуны тут же заметят его и окружают. Стиснув зубы, он резко вскочил и ухватился за ручку двери. Заперто! Он не особенно удивился — глупо было бы всерьез рассчитывать, что Гун допустит оплошность, оставив вход в башню открытым.

По окраинам площади как будто задвигались чьи-то головы... Он содрогнулся, осознав, что Пол-

зуны сейчас прижмут его к запертой двери, как загнанного в ловушку зверя. Собрав остатки сил, он повернулся, ухватился за край бойницы у себя над головой и кое-как подтянулся. Отверстие было совсем узким — обычному взрослому человеку не протиснуться, — но Нат, полуголый и в грязи, проскользнул в него без особого труда.

Едва он спрыгнул на пол внутри башни, как снаружи донесся скрежет ножей, ударивших в каменную кладку. Оскальзываясь босыми ногами на гладких плитах пола, он искал что-нибудь, что сошло бы за оружие; наконец, прихватив тяжелый канделябр, он одолел лестничные пролеты, ведущие на вершину. Здесь его ждал неприятный сюрприз: пока его не было, железную дверь к смотровой площадке укрепили стальными балками и врезали в нее новый замок. Что ж, Гун обо всем позаботился... добраться до него теперь было невозможно. Вне себя от ярости, юноша со всей силы грохнул канделябром по бронированной двери, отчего во все стороны брызнули искры. В следующую секунду до него донесся смех — это хохотал Гун возле своего тигля. Нат попытался внутренне собраться: что бы ни происходило, ему нужна холодная голова. Что же делать теперь? Сначала нужно вывести город из оцепенения, объявить тревогу. Прижимая ладони к боку, который нещадно кололо, он бросился по ступенькам туда, где был установлен рупор.

— Жители Сольтерры! — крикнул он, до предела напрягая голосовые связки. — Ползуны заполнили улицы города! Гун, их подручный, засел на вершине башни, намереваясь привести к нам

облако-убийцу. Просыпайтесь! Эвакуируйте город, бегите в порт! Не выходите на грязевую корку, она слишком хрупкая, используйте лодки...

Он повторил свое обращение. Больше всего он боялся, что Гун нападет на него и перережет ему глотку, но дверь на площадку оставалась закрытой.

Он был совершенно измучен: борьба с силой тяжести отнимала последние силы. Но какая-то надежда оставалась: если облако снесет только пустые дома, это будет не такая большая беда. Главное сейчас — чтобы люди не поддались панике и не устроили давку на улицах!

Не в силах оставаться в бездействии, он подошел к бойнице и осторожно выглянул наружу. Ползуны куда-то испарились, площадь была пуста.

Он снова спустился на первый этаж и выбрался наружу тем же путем, что и вошел.

Когда он уже спрыгивал на землю, от ближайшей стены отделилась тень. Нат с облегчением узнал Неба Орна.

— Гун наверху? — спросил гарпунер, указывая большим пальцем на зубчатую вершину башни, которая четким силуэтом вырисовывалась на фоне изумрудного сияния.

— Да, наверху, и его не достать! — гневно выкрикнул Нат. — Забаррикадировался за железной дверью.

Неб ощупал пальцами стену.

— Да, и снаружи не подберешься, — пробурчал он. — Слишком гладко, ухватиться не за что.

Нат вглядывался в темную громаду города. Кое-где робкими огоньками замелькали первые факелы.

— Похоже, твой призыв кого-то разбудил! — заметил Неб. — Смотри, они все направляются к порту.

Он хотел добавить еще что-то, как вдруг осекся.

— Нат, гляди...

Тут-то юноша догадался, куда так внезапно пропали Ползуны. Вокруг всего холма, от каждого причала вздымались дымные столбы, взлетали искры. Огненное кольцо опоясывало город, уничтожая шляпки и пироги. Догадавшись, что призыв Ната погонит людей на грязевую равнину, Ползуны предпочли уничтожить последнее средство спасения, оставшееся у жителей Сольтерры: рыбацкие лодки. Ночь озарили огни пожаров. Беспорядочная, обезумевшая толпа выплеснулась на улицы, мечась туда-сюда, волоча за собой тюки и баулы... Общий гомон пронизывали крики перепуганных, полужадавленных детей, которых слепая толпа безжалостно втоптывала в грязь.

Первая волна беженцев, хлынувшая в порт, была остановлена жаром огня и ринулась обратно, со всей силы натолкнувшись на тех, кто бежал следом. Началась давка, в которой мало кому удавалось устоять на ногах. Главный причал, охваченный пламенем, с грохотом обрушился, еще добавив смятения.

— Теперь холм и вправду стал тюрьмой! — крикнул Неб Орн. — Давайте подожжем башню, пока еще не поздно. Если повезет, огонь разрушит установку Гуна!

Все существо Ната восставало против этой идеи. Вопреки обстоятельствам, полученное им религи-

озное воспитание вынуждало рассматривать это действие как святотатство.

— Ничего не выйдет, — проорал он, стараясь перекрычать панические вопли толпы. — Стены башни сложены из негорючего материала. К тому же сила тяготения придавит пламя, и оно не достигнет верхней площадки. Не стоит здесь оставаться, Ползуны вот-вот перейдут в атаку.

Они бросились прочь и скоро добежали до единственного участка берега, где пожаров пока не было: из-за подводных рифов лодки сюда не приставали.

— Ты и вправду думаешь, что облако подчинится зеленому пламени? — спросил Нат, когда они немного перевели дух.

Неб шлепнулся на колени прямо в грязь. Пот и копоть превратили его лицо в мрачную, угрожающую маску.

— Оно явится, Нат, точно так же, как уже явилось в Гхан-Таар! Гун профессионал в своем деле. Для него выполнение договора — дело чести! Да и выбора у него на самом деле нет. Если он не справится, Ползуны убьют его.

— Но управлять облаком... — пробормотал юноша. — Вести его как корабль... Трудно поверить, что такое возможно.

— Это возможно! — резко припечатал Неб Орн. — Это всего лишь химическая реакция, ничего больше. Два тела притягиваются друг к другу за счет взаимодействия молекул газа. В прежние времена ученые думали, что полностью изучили Алмоа, свели ее к системе уравнений... Но они ошибались. Этот мир не подчиняется общим законам, и наука

обломала об него зубы. Эстафету перехватили колдуны и преуспели там, где ученые умы потерпели неудачу.

Нат обернулся: зеленое пламя по-прежнему венчало башню и казалось теперь еще выше. Воздух был напитан едкими, раздражающими испарениями, от которых жгло глаза и неприятно покалывало кожу.

— Нам нужен дождь! — воскликнул Неб. — Хороший каменный ливень, который разнесет в пух и прах ту адскую машину, которой пользуется Гун. В ней столько всяких трубок, наверняка она очень хрупкая...

— Если бы мы могли найти две-три лестницы и атаковать с разных сторон! Гуну будет трудно отбиваться ото всех сразу. Кто-то, конечно, переломает себе кости, но хотя бы одному может улыбнуться удача!

— А это идея, — оценил гарпунер. — Соберем десяток мужиков покрепче и атакуем его.

— Сколько у нас остается времени?

Неб глянул в темноту; горизонт представлял собой непроницаемую стену, в которой ничего нельзя было высмотреть. Облако могло находиться где угодно: и очень далеко, и совсем близко. До рассвета его никак не увидеть.

Скорым шагом они направились туда, где, как было известно Нату, можно было найти две подходящие лестницы: одна металлическая, в хорошем состоянии, а другая деревянная и куда менее надежная... Но, дойдя до места, они обескураженно уставились на то, что от них осталось: над деревянной стремянкой кто-то явно поработал топором,

вероятно, чтобы пустить ее на дрова, а железную кто-то — не иначе Ползуны — согнул и смял, сложив чуть ли не втрое и превратив в совершенно бесполезный хлам.

По всему холму взбудораженные толпы заполнили улицы, парализовав всякое движение.

— Облако сейчас должно двигаться очень низко, — прикинул гарпунер. — Метров десять над уровнем волн. Значит, оно ударит по городу со всей силы, снося здания до уровня тротуаров.

— Но разве сопротивление, которое оно встретит при первом столкновении, не замедлит его продвижение? Ты не думаешь, что оно может остановиться?

Неб отрицательно покачал головой:

— Нет, парень, никаких шансов. Это все равно как если бы ты накрыл ладонью ружейный ствол в надежде остановить пулю. Такую массу, движущуюся с большой скоростью, ничто не может сдерживать. Облако сомнет холм, как кротовую кучу, вместе с домами и людьми. Единственное спасение — выйти в море... Нужно сколотить плоты и отогнать их как можно дальше от места столкновения.

Отчаянно работая локтями, они кое-как протолкались через толпу и взобрались на крышу одного из домов. Люди вокруг, узнав Ната, принялись осыпать его оскорблениями и требовать его голову.

— Тихо! — рявкнул юноша. — У нас еще остается шанс на спасение. Соберите все доски, которые сможете, все деревянные балки и стропила — все, из чего можно построить плоты. Действуйте быстро и организованно. Разбейтесь на группы, выберите

в каждой командиры и распределите задания. Бросайте весь лишний скарб, займитесь главным.

Он продолжал тем же тоном, чередуя советы и приказы, выступая то утешителем, то распорядителем. Он прекрасно сознавал, что, если бы не непреложный авторитет дозорных, никто не стал бы его слушать; даже Неб Орн, при всей его представительности, не смог бы завладеть сейчас вниманием толпы.

— Неб, — велел Нат, спрыгивая с крыши, — распредели задания и организуй патрули, чтобы держать Ползунов на расстоянии. Я пойду за Сигрид. Она не может ходить, Ползуны искалечили ее... И знаешь, возможно, у меня есть еще одна идея... Я скажу тебе, когда вернусь.

— Еще одна идея?

— Да, на случай, если с плотами ничего не выйдет... Это будет наш запасной план. Наша последняя надежда.

Проложить себе путь к дому стоило ему огромных усилий. Раньше он и не подозревал, что на холме живет столько народу — население города за последний час как будто утроилось. Весь в синяках и царапинах, он в конце концов протиснулся в нижний холл дома, где облюбовал себе жилище. Каждый шаг по ступенькам вверх отдавался болью во всем теле. Наконец он добрался до своего этажа. Сигрид лежала на животе возле окна и разглядывала горизонт с помощью карманной подзорной трубы. Рядом, у ее бедра, лежал кинжал. Она уставилась на Ната блестящими от жара глазами.

— Я видела, что ты сделал, — прошептала она хрипло. — Чудо, что Ползуны тебя не схватили.

Нат устало сполз на пол. Кожу болезненно стягивало подсыхающей грязевой коркой.

— Ты знаешь про облако? — спросил он.

— Да, — ответила она с горечью, — думаю, мы мало что можем сделать. Даже если нам удастся сколотить несколько плотов, мы спасем лишь ничтожную часть людей. Мы пропали, Нат. Это конец. Гун победил...

Юноша упрямо помотал головой:

— Нужно испробовать любые средства, Сигрид. Любые. Я пришел за тобой. Согласен с тобой насчет плотов, но у меня есть другая идея: мы спустимся в пещеру, где подземное кладбище. Спрячемся в самых недрах холма, и, быть может, облако не заденет нас.

Девушка пожала плечами.

— Звучит абсурдно, но кто знает? — пробормотала она, устало укладываясь на бок. — Ты в самом деле думаешь, что своды склепа выдержат, когда наверху начнут рушиться дома? Сотрясение будет сильное, наверняка пойдут трещины... Не знаю. Иди, если хочешь. Я отсюда не тронусь. Я слишком устала... а потом, мне не хочется умирать в окружении мумий. Лучше я останусь здесь.

Она дрожала, вокруг глаз на бледном до синевы лице темнели лиловые круги. Нат хотел было возразить, но промолчал. Было ясно, что девушку ему не переубедить. Ему хотелось поступить так же, сесть рядом с ней и встретить грядущий конец, держа ее за руку... Но он не мог позволить себе такой роскоши. Он должен спасти жителей Сольтерры.

— Уходи, — повторила Сигрид. — Делай, что сможешь... Ничего у нас с тобой не получилось.

Все дело в этом безумном мире. В другие времена, в других краях, наверное, мы могли бы быть вместе... Ну же, уходи, пока я не начала плакать.

Чтобы скрыть нахлынувшие чувства, Нат схватил подозрную трубу и сделал вид, что рассматривает башню. Гуна нигде не было видно — наверное, спрятался где-нибудь, чтобы не стать мишенью лучников.

«На что надеются Ползуны? — размышлял Нат, глядя в высокие языки зеленого пламени, потусторонний свет которого заливал теперь весь город. — Обрекая нас на гибель, они обрекают и себя! Если только они не предусмотрели какой-нибудь способ бегства...»

В самом деле, может быть, возле кожаного шатра на южном мысу покачивается на волнах вместительная, нагруженная припасами лодка? Кому-кому, а Гуну точно было известно местонахождение облака и его скорость, а значит, и время, когда произойдет столкновение. Может быть, пользуясь всеобщей паникой, он уже давно покинул башню и запер за собой дверь? Как узнать?

Сунув подозрную трубу за пояс, Нат торопливо вышел из комнаты. Прикрыв глаза, Сигрид притворилась, что заснула, чтобы облегчить прощание. Он обернулся на пороге, желая что-нибудь сказать, но горло у него так стиснуло, что он не смог произнести ни слова. Тогда он ринулся опрометью вниз по лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки. По его щекам что-то текло, и он предпочел думать, что это пот.

Снаружи улицы, заваленные брошенными второпях тюками, и разоренные, стоящие нараспашку

дома наводили на мысль о конце света. Балки, ставни, дверные створки, даже рейки для обшивки стен — все, что могло послужить для сооружения плотов, было сорвано, и некоторые фасады зияли дырами или вовсе обрушились, не выдержав ударов кувалдой. Пламя, бушевавшее в порту, уже угасало, озаряя почерневшие остовы рыбачьих лодок, подожженных Ползунами. От горького запаха дыма першило в горле. Подойдя туда, где он оставил Неба Орна, Нат заметил, что великан повязал себе нижнюю часть лица платком, чтобы защититься от гари. Рядом с ним напряженно работали десятка три мужчин, пытаясь кое-как скреплять вместе куски дерева, которые им то и дело подтаскивали помощники.

— Как идут дела? — спросил юноша.

Неб только устало махнул рукой.

— Дохлый номер. Даже при самых оптимистических расчетах первый плот мы сможем спустить на воду через четыре-пять часов. И я не гарантирую, что он поплывет!

— Это слишком долго! — воскликнул Нат.

— Знаю, но нам не хватает материала. Дерево слишком легкое и непрочное, а все канаты сгорели вместе с лодками... К тому же люди слишком охвачены паникой, чтобы действовать эффективно. Все время мешают друг другу и ссорятся.

— У меня есть другая идея, — перебил его Нат. — Подземное кладбище. Оно достаточно просторно, чтобы вместить значительную часть населения города.

— Ну почему бы и нет? — тут же согласился Неб с ноткой фатализма в голосе. — Учитывая положение дел... А где Сигрид?

— Она отказалась отправиться с нами. Мне не хватило смелости тащить ее силой.

— Ты правильно сделал. Она умеет стоять на своем. С ней нельзя обращаться как с маленькой девочкой. Дай ей самой выбрать свою смерть.

Вскарабкавшись на большой камень, Нат обратился к населению с новым призывом. Он опасался, что жители Сольтерры с негодованием отринут его предложение, но, к его удивлению, оно было принято благосклонно — видимо, страх перед облаком пересилил остальные страхи. Как только он зашагал по дороге, ведущей к некрополю, обитатели холма устремились следом, толкаясь и осыпая друг друга бранью. Люди были настолько взвинчены, что малейшее происшествие могло спровоцировать массовые драки и убийства. Старики, женщины и дети, одним словом, те, кто не мог на равных работать локтями, быстро оказались в хвосте колонны, а впереди шагали те, кто толкался сильнее и яростнее, усиленно борясь за первые места.

— Без паники! — громко повторял Нат. — Пещера огромная, места хватит для всех. Не стоит драться!

На самом деле его немного тревожило, как-то их встретит Барнабас. Несколько месяцев назад, когда ему пришлось бросить работу на кладбище и сбежать наверх, состояние рассудка старика вызывало серьезные опасения.

«Лишь бы он не был пьян! — подумал Нат. — Это все осложнит!»

Нетерпение горожан несколько приутихло, когда в свете факелов впереди проступил вход в подземное царство мертвых. В темноте отверстие пе-

щеры зияло, как жадная беззубая пасть, и желания скорее войти в нее ни у кого не возникало.

— Вот дьявол! — буркнул Неб Орн себе в усы. — Прямо логово демонов!

— Будьте осторожны! — объявил Нат, оборачиваясь к толпе. — Уклон очень крутой, спускайтесь медленно, шаг за шагом. И не толкайтесь, иначе покатитесь вниз кувырком. Немного дисциплины, черт возьми! Спустившись вниз, мы окажемся в надежном убежище, облако пройдет у нас над головами, не задев, потому что пещера располагается ниже уровня моря.

Он тут же понял, что зря разоряется: никто его не слушал, и его слова тонули в реве перепуганных детей.

Тогда он решительно повернулся и возглавил шествие, шагая вдоль рельсов, по которым в прежние времена шахтеры гоняли вагонетки. Люди у него за спиной толкали и топтали друг друга, ожесточенно ругаясь. Вниз посыпались камни.

«Если хоть один из этих увальней оступится и потеряет равновесие, — думал Нат, — он тут же потянет за собой тех, кто рядом. Все это тут же превратится в настоящую лавину из человеческих тел, которая раздавит меня своей массой...»

Увидев далеко внизу свет, озаряющий исполинский склеп, он испытал огромное облегчение.

— Папаша Барнабас? — позвал он. — Это я, Нат. Я привел беженцев. На Сольтерру движется облако-убийца, через час оно уничтожит город. Вы должны дать нам убежище.

Он осторожными шагами двинулся по коридору, ведущему в склеп. Шепчущая, испуганная толпа тянулась следом...

На пороге некрополя горожане застыли, потрясенные открывшейся картиной, и над толпой взметнулся тревожный ропот. Уходящие ввысь, заполненные черными смоляными мумиями полки в самом деле могли напугать кого угодно. Некоторые стеллажи насчитывали до тридцати громоздящихся друг над другом платформ, и это зрелище неизбежно наводило на мысль о высотных зданиях, населенных одними только мертвецами.

Внезапно, словно из ниоткуда, преграждая им дорогу, вынырнул Барнабас — взъерошенный, воняющий перегаром, с безумными глазами. В руках он держал вилы с пугающе острыми зубьями.

— А ну вон отсюда! — заорал он неверным от хмеля голосом. — Сюда нет пути никому, кроме покойников! Если хотите, чтобы я вас принял, извольте сначала умереть! Таков закон! За право входа надо платить — ударом вот этих вил! Ну-ка, кто первый? Обещаю, забальзамирую вас как следует... У меня на полках еще много места, всем хватит! Ну же, давайте! Я вас жду, слабаки, трусы несчастные!

Нат попытался вступить со стариком в переговоры, но тот сделал в его сторону опасный выпад вилами, и юношу спасла только быстрота реакции.

Небу Орну повезло ничуть не больше. Барнабас подскакивал и сыпал ругательствами, как вышедший из ада бес, то и дело пронзая воздух своими вилами. Вид у него при этом был настолько грозный, что толпа заколебалась.

— Во имя богов! — заорал Неб. — Я не хочу, чтобы мне пришлось его убивать, но если он будет продолжать, я ни за что не отвечаю!

Однако привести свою угрозу в действие он не успел. Беженцы, доведенные до крайности выходками старика, внезапно ринулись в пещеру, оттолкнув Ната и гарпунера и сбив с ног Барнабаса. Нат услышал, как затрещали под ногами толпы его кости. Смятение превратилось в хаос, и население Сольтерры в полном беспорядке ринулось на приступ некрополя.

Случилось то, что и должно было случиться. Под натиском тех, кто наседал сзади, передние ряды беженцев посыпались в яму с кипящим гудроном. Их вопли усугубили всеобщую панику, равно как и поднятые отчаянно барахтающимися людьми раскаленные брызги гудрона, которые полетели в самых невезучих, прожигая им плоть до самых костей. Толпа отхлынула назад, но натолкнулась на стеллажи. Некоторые, чтобы не быть задавленными, тут же полезли на платформы, где покоились мумии. За ними немедленно последовали еще десятки самых отчаянных, и вскоре на опорах стеллажей повисли целые гроздья людей. Под этим неустойчивым, неравномерно распределенным грузом деревянные конструкции начали шататься и угрожающе трещать.

— Бардак! — буркнул Неб Орн. — Сейчас все рухнет! Эти штуки не приспособлены, чтобы на них кувыркались стаи обезьян!

Он был прав. Стоило одному стеллажу обрушиться, он непременно увлек бы за собой остальные, так как полки-платформы были разделены только узкими проходами. Катастрофа приближалась неумолимо.

Нат надрывался изо всех сил, призывая сограждан к спокойствию, но его голос терялся в общем гвалте, среди криков и плача.

Первая платформа, не выдержав веса осаждающих ее людей, угрожающе накренилась. Мумии, соскользнув с досок, посыпались вниз, колотя по головам тех, кто продолжал карабкаться вверх, после чего разлетались на куски на полу. В момент удара твердый гудроновый панцирь раскалывался, обнажая мертвые тела — голые, обезображенные, обвиняющие. Это жуткое зрелище повергло живых в суеверный ужас, который уже ничем нельзя было сдержать.

Словно этого было мало, один из стеллажей обрушился, свалив и соседний тоже. На вопящую толпу обрушилась лавина мумий. Сорванная с опор труба газопровода полыхнула огнем и воспламенила пропитанные смолой дощатые сооружения. Подпитываясь горючими мумиями, пожар взметнулся под самые своды пещеры. Жар от огня сделался нестерпимым, в воздухе повисло все разрастающееся облако едкого дыма.

— Все пропало! — крикнул Неб Орн, хватая Ната за плечо. — Бежим к выходу, пока не задохнулись! Оставь их, ты сделал все, что мог, эти дураки сами лишили себя шанса на спасение!

Нат едва слышал его слова. Он оцепенело наблюдал, не в силах оторвать глаз, как смолистые оболочки мумий плавятся в языках пламени, постепенно лишая мертвецов их черного савана. На миг ему показалось, что один из трупов, поднявшись среди пожара, протянул к нему руки, словно призывая к себе... И этим мертвецом был Мур, его отец!

На мгновение Нат, словно под гипнозом, уже был готов шагнуть отцу навстречу, принимая его приглашение. К счастью, тяжелая ладонь Неба вовремя ухватила его за плечо, разрушив чары.

— Опомнись! — рявкнул колосс. — Мы уже ничего не можем для них сделать.

И он потащил растерянного, спотыкающегося юношу к выходу, пока апокалиптическое зрелище у них за спиной заволакивало пеленой едкого дыма.

Небу пришлось поддерживать Ната, пока они поднимались по крутому склону к выходу из туннеля. Ядовитое облако постепенно нагоняло их, и они кашляли так, что едва не сорвали легкие. Наконец, задыхаясь и обливаясь слезами от жуткой рези в глазах, они все-таки выбрались из бывшей шахты на волю.

Привалившись к ближайшему камню, чтобы хоть немного перевести дух, Неб просипел:

— Теперь нам остается только спуститься к берегу. Хотя какой-то шанс избежать крушения возможен только на уровне моря. Пойдем?

Нат молча кивнул и поднялся на ноги.

— Скоро рассветет, — добавил гарпунер через некоторое время. — Облако должно прийти с севера, именно там мы видели его в последний раз.

Плетясь вдоль обугленных, заваленных почерневшими обломками причалов, они медленно направились к прибрежным дюнам. Холм окончательно превратился в остров: жидкая, однородно зелено-бурая грязь булькала и перетекала вокруг, время от времени вспучиваясь пузырями болотного газа.

— Все произошло так быстро... — пробормотал Нат.

— Да уж, не повезло нам, — прервал его Неб. — Но хныкать и скулить бесполезно, давай уж постараемся умереть достойно. Эх, была бы у меня при себе бомбарда, как у нас на канонерке, и один заряд — всего один — и я бы разнес эту треклятую башню!

Когда они добрались до пляжа, Нат вытащил из-за пояса подозрную трубу и поднес ее к глазам.

— Ну как, что-нибудь видно?

Туман, стелющийся над самой поверхностью грязевого моря, затянул горизонт непроницаемой мутью. Нат повернул трубу на сто восемьдесят градусов — снова ничего. Труба была тяжелой, усталые мышцы быстро свело судорогой; он уже собирался опустить ее, как вдруг ему померешилось, будто осколок неба отделился от горизонта и поплыл им навстречу, плавно и равномерно, словно по рельсам.

— Облако, — ахнул он, передавая трубу гарпунеру. — Вот оно.

Это было то самое чудовище, с которым они столкнулись несколько недель тому назад в Гхан-Тааре — тот самый летающий материк, «белый кит», как называл его старый гарпунер.

Как Неб и предсказывал, белая громада летела над самой поверхностью равнины, превратившейся в текучую слякоть, и ветер от ее движения сминал поверхность моря широкими складками.

— Прямо на нас идет, — прохрипел Нат. — Какая у него скорость?

Неб нервно тербил лоскут ткани, который служил ему маской.

— Не знаю, но здесь оно будет очень скоро, — хрипло отозвался он. — Лучше отойти подальше, чтобы не попасть под удар сразу же!

— Если мне предстоит умереть, я бы хотел оказаться рядом с Сигридом, — пробормотал юноша.

И они бросились бежать с кошмарным ощущением, что по пятам за ними гонится какое-то доисторическое чудовище.

Никогда еще сила тяготения Алмоа не мешала им так сильно. Они с невыносимым усилием переставляли негнувшиеся, словно налитые свинцом ноги, чувствуя себя неуклюжими куклами, заброшенными судьбой в мясорубку стихий. Они бежали прямо на зеленый огонь, пылавший впереди на высокой башне, как смертоносный маяк.

«Пусть пойдет дождь! — иступленно молился Нат. — Пусть в трубках закончится газ, пусть пламя погаснет!»

Уже проговаривая про себя эти слова, он понял всю бессмысленность своих молитв. Теперь облако уже ничто не остановит. Даже если зеленый огонь вдруг исчезнет, это не изменит хода вещей. Огромная движущаяся масса не может в одночасье остановиться, словно нажав на тормоз. Даже если химическая реакция, запущенная машиной Гуна, вдруг перестанет действовать, разогнавшаяся летающая машина может чуть замедлить свой бег, но она все равно будет двигаться по той же траектории, прямо на холм. Нет, Сигрид была права. Им всем конец. Нат остановился, тяжело, со всхлипами, хватая воздух раскрытым ртом и изо всех сил стараясь не упасть.

— Бесполезно! — крикнул у него за спиной гарпунер. — Все бесполезно.

Нат обернулся. Великан рухнул на колени, не в силах сделать больше ни шагу. Юноша подбежал к нему и обхватил за плечи. Так они и застыли

рядом, неотрывно глядя, как с севера медленно и неуклонно наползает на них кусок неба. Бежать куда-то было бесполезно. Нат подумал было, что им, возможно, стоило бы броситься в море, ухватившись за какую-нибудь доску, но и это едва ли могло помочь. Жидкая грязь обычно тут же превращалась в зыбучие пески, и без настоящей лодки удержаться на плаву было невозможно.

— Смотри, вон там! — внезапно взревел Неб, указывая пальцем на какую-то точку на горизонте.

Ната словно пронзило электрическим разрядом. Что-то двигалось к ним с самого отдаленного края равнины. Что-то, похожее на второе облако... только гораздо меньше и летящее гораздо быстрее.

— Пламя слишком сильное, — прошептал Нат. — Оно стягивает на себя все облака, какие есть вокруг!

— Ага, точно! Гун на такое не рассчитывал. Гляди, гляди!

Колосс вдруг вскочил, едва не подпрыгивая от воодушевления. Ничего не понимая, Нат снова уставился на оба облака. Ему понадобилось не меньше минуты, чтобы осознать то, что Неб, человек привычный к наблюдению небесных явлений, понял сразу же: новое облако тоже летело напрямиком на пламя, и его траектория непременно должна была пересечься с траекторией «белого кита», медленно ползущего по направлению к холму. Если обе громады будут двигаться с той же скоростью, они непременно должны столкнуться где-то на полпути до острова.

— И что будет? — спросил Нат. — Они ведь не разобьются от удара, верно? Второе ведь намного меньше... Все равно что муха, налетевшая на слона.

— Размеры здесь ни при чем, — отозвался Орн, возбужденно приплясывая на месте. — Тут все дело в магнетизме... Ты ведь знаешь про магниты, которые взаимно отталкиваются?

— Так они оттолкнут друг друга?

— Уверен, что да. Вообще-то облака никогда не сталкиваются, но в данном случае их движением управляет магическое пламя, а это совсем другое дело... естественные законы перестают действовать. Гун подстроил катастрофу, но он не мог предвидеть, что вызовет столкновение!

Он умолк, напряженно следя за вторым облаком, которое стремительно увеличивалось в размерах, приближаясь. Более легкое, оно летело значительно выше, и Нат на какое-то мгновение испугался, что оно перелетит через своего более массивного соперника, не задев его.

— Ложись! — гаркнул Неб, с силой ткнув юношу в бок.

Не успел Нат подчиниться, как обе курчавые громадины соприкоснулись. Невыносимо яркая белая вспышка озарила небо, и в воздухе запахло порохом, как будто кто-то высек искры двумя огромными кремнями. Облака уже разлетались рикошетом в разные стороны, как исполинские бильярдные шары, и Нат заметил, что на поверхности каждого из них в месте столкновения возникло черное обугленное пятно. «Белый кит» отклонился от первоначального направления под прямым углом, и Нат осознал, что теперь оно должно пройти параллельно холму, задев разве что пограничные укрепления. Его более легкий противник отклонился на

сорок пять градусов и теперь летел неустойчиво, слегка вихляя.

«Лавирует, как корабль», — подумал юноша.

Неб рядом с ним бесновался от восторга, пронзительно вопя и плюхая по грязи, как морской котик, поднимая тучи брызг.

«Белый кит» уже медленно растворялся в завесе тумана и вскоре исчез, словно его никогда и не было. Второе облако парило над городом. Выведенное из равновесия ударом, оно немного сбавило высоту, и Нат увидел, как оно задело несколько самых высоких зданий, обломав пару-тройку печных труб.

Нату оно напомнило спотыкающегося раненого зверя.

— Башня! — внезапно вскричал Неб, стискивая его плечо.

Неотступно следуя магическому зову зеленого пламени, маленькое облако снизилось еще немного. Оно налетело прямо на смотровую площадку башни, смяв и искрошив каменные зубцы. С глухим, пустотелым треском башня пошла трещинами и вдруг осела, извергая столы, стулья и целый каскад свернутых в рулоны карт и книг со второго этажа. Усиленный рупором грохот пронесся над городом, как гул взрыва. Темный силуэт Гуна, четко вырисовываясь на фоне пламени, отчаянно взмахивал руками. Сторожевая башня, древний оплот дозорных Сольтерры, превращалась в грудку камней!

Нату было видно, как в клубках пыли от штукатурки и цемента Гун Бессловесный перевалился через ограду, и подумал было, что он сейчас разобьется о землю, но одетая в стальной панцирь фигурка вдруг уцепилась за облако и повисла на

нем. Зеленое пламя, не пережив крушения, погасло. Облако тут же набрало высоту, устремившись в сторону горизонта.

Нат и гарпунер ошарашенно наблюдали, как исчезает вдали прилепившийся к облаку крохотный силуэт бывшего дозорного, уносясь в неведомую даль.

— Сбежал все-таки! — рявкнул Неб, сжимая огромные кулаки.

Нат только вздохнул: сказать по правде, заточение в небесной тюрьме нравилось ему больше, чем линчевание, без которого никак бы не обошлось.

Теперь Гун-молчун превратился всего лишь в точку на пышной серой громадине, исчезающей в тумане. Сила тяготения, поистине чудовищная на такой высоте, наверняка раздавит ему череп, а если он решится прыгнуть на равнину, грязевая жижа поглотит его... От этих мыслей Нату как-то полегчало.

— Ночь прошла, — сказал он, положив ладонь на плечо своему товарищу.

Они спустились обратно в город — потрепанные, перепачканные, покрытые синяками и ссадинами. Усталость валила их с ног.

Горожане бродили по улицам с потерянным, отупевшим видом. Над городом висела удручающая тишина. Нат оглянулся: обломок сокрушенной башни торчал среди нетронутых домов единственным напоминанием о едва не случившейся катастрофе.

Мимо пробежал один из знакомых Нату рыбаков.

— Ползуны пропали! — крикнул он. — Даже шатра их не осталось. Судя по следам на берегу,

кто-то недавно спустил на воду десять больших пирог. Они сбежали по морю.

Вид у парня был разочарованный, но Нат воспринял эту новость с облегчением. «Значит, они никогда и не собирались погибать вместе с нами! — подумал он. — Они с самого начала замыслили сбежать прямо перед появлением облака!»

— Теперь это уже неважно, — обронил Неб. — Мы живы, а все остальное не имеет значения.

Но Нат его уже не слушал. От усталости ему казалось, что все его тело окаменело и тягостно сопротивляется любому движению. Спотыкаясь, едва переставляя ноги, он добрался до дома. Бледная, измученная Сигрид молча ждала его, вытянувшись на кровати. Нат тяжело повалился рядом с ней и тут же забылся сном, едва опустив голову на подушку.

ГЛАВА 22

Сигрид выздоравливала долго. Из-за рассеченных сухожилий она не могла стоять самостоятельно, разве что опираясь на костыли.

Жизнь на холме снова вошла в привычную колею, но стала еще более безрадостной. Оставшиеся в живых после той жуткой ночи ходили с мрачными, угрюмыми лицами, как будто им больше нечего было ждать от будущего.

Нат время от времени возвращался мыслями к Гуну. В его памяти то и дело всплывали слова дозорного: «Я не умею складно выражать свои чувства и не мастак в разговорах, но поверь, для меня ты как сын...» И всякий раз он задумывался — а вдруг это было искренним признанием пожилого молчуна? Как узнать? Разве Гун не пошел наперекор воле Ползунов, упорно продолжая защищать его? Как определить, где он пытался манипулировать своим молодым помощником, а где говорил искренне?

Однажды утром Нат заметил над морем, чуть в стороне от острова, маленькое облачко. На нем сидели Мягкоголовые, безмятежно плывя по небу на своем импровизированном плоту. Нату стало

интересно, уж не та ли это группка, которую он увидел в тот вечер, когда его застигла буря. Прищурившись, он вроде бы узнал толстуху, которая звала его лететь вместе с ними. Тогда он попробовал сосчитать членов ее клана, чтобы определить, как много их погибло; к его удивлению, их число совсем не изменилось. Выходит, Мягкоголовые способны переносить действие силы тяготения без тех проблем, которые убивают обычных людей?

Он помахал им рукой, но они, конечно, не ответили, продолжая пристально смотреть куда-то на горизонт, как будто оттуда, с высоты, им было видно нечто, приковавшее все их внимание. Быть может, высокую стену, опоясавшую планету? Или сказочный сад?

Нат смотрел, как они исчезают вдали, с легким чувством зависти.

ГЛАВА 23

День клонился к вечеру. Сигрид, Неб Орн и Нат сидели на развалинах стены. С равнины задувал ветер, подбрасывая в воздух обрывки карт, над которыми трудились столько поколений дозорных. Иногда им удавалось неловко взлететь, как подбитым птицам, чтобы тут же упасть в трех метрах дальше.

— И что теперь? — негромко спросила девушка.

Нат не ответил. Гарпунер не отрываясь глядел в море, на застывшие гряды волн.

— Теперь... — эхом отозвался он.

— А помнишь, — сказал вдруг Нат, — как ты рассказывал мне о стене, разделяющей два полушария? Знаете, сегодня ночью мне приснился странный сон. Облако... тот «белый кит», полетело прямо на стену и ударило в нее. Мы все трое сидели на нем сверху и влетели в пробитую брешь, как волшебники на ковре-самолете.

— И что? — поинтересовался Неб, внезапно посерьезнев.

— И вот, по другую сторону не было никакого тяготения, и мы воспарили как птицы. Мы летели

так целые дни напролет, пока не стали беспокоиться, что умрем с голоду. Тогда рядом с нами оказался огромный лес, где мы могли срывать фрукты, просто летая среди ветвей.

— Хороший сон, — вздохнула Сигрид.

— А что, если это не сон? — настойчиво продолжал Нат. — Что, если грязь заканчивается у подножия стены? Что, если Алмоа действительно состоит из двух половин, во всем противоположных друг другу? Каменные дожди, грязевая пустыня, сильнейшее тяготение с одной стороны... а с другой — невесомость, солнце и тепло?

— Все птицы, наверное, улетели на ту сторону, — мечтательно сказала девушка. — Вот почему мы так редко видим их на равнине.

— Почему бы и нет? — заметил Неб. — Я всегда удивлялся, почему у некоторых из них такое яркое оперение...

— Да, верно, — согласился Нат. — Это как раз те, которые пьют нектар из цветов. Я уверен, что...

— Тогда почему бы не перелезть через эту чертову стену? — предложила Сигрид.

— Слишком высоко, — покачал головой Неб. — Тяготение убьет нас еще на полпути.

— Тогда мы могли бы пробраться понизу, сделав подкоп... — высказался Нат.

Неб принялся насвистывать сквозь зубы. Похоже, идея ему понравилась.

— Раньше таким образом брали неприступные города, — прибавил юноша. — Мне отец рассказывал.

Они помолчали немного.

— Почему бы и нет? — процедил наконец старый моряк.

— Почему бы и нет? — эхом повторил за ним Нат.

Неб Орн знаком показал им следовать за ним. Нат хотел помочь Сигрид подняться на ноги, но она отмахнулась, уверяя, что вполне может справиться сама. Они спустились к порту, где копошились рыбаки, и гарпунер уверенно зашагал вдоль причала к старому лодочному ангару. На стапелях внутри стоял недостроенный корпус судна — голые шпангоуты выпирали, как ребра скелета.

— Да это же корабль! — ахнула Сигрид.

— Ну, пока еще нет, — заметил Неб. — Но со временем он и в самом деле может стать нашим кораблем.

«Настало время путешествий», — подумал Нат.

Мыслям в голове было тесно. Чем больше он размышлял, тем более реальным казалось ему предположение, что где-то должен существовать другой, более счастливый мир. Если экваториальная стена, о которой говорил Неб, действительно существует, она должна задерживать грязевые приливы, как плотина. А значит, за ней могли сохраниться древние джунгли Алмоа, как тайный сад, надежно защищенный от разрушительных стихий.

Нужно это проверить.

Через полгода от берегов Сольтерры отчалило судно со стальным форштевнем, унося на борту молодого парня, хромую девушку и бритоголового великана с седыми усами. Корабль держал курс строго на юг, к экватору. На его корме красовалось немного неуклюже выведенное имя: КОЧЕВНИК.

КНИГА 2
САД СЕКРЕТОВ

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Нат не на шутку встревожился. Последние два дня парусник пробивался через грязевой океан с огромным трудом. Ветер надувал паруса так, что мачты трещали, однако судно едва ползло.

— Ничего не поделаешь, — проворчал Неб Орн, старый гарпунщик. — Виновата эта дрянь, по которой мы плывем. Липнет к днищу, как смола...

Юноша молча кивнул в ответ, с опаской прислушиваясь к грозovým раскатам, гремящим среди нависших каменных облаков.

«Только грозы сейчас не хватало», — подумал он с тревогой. Он не представлял, как можно плавать в той густой липкой жиже, которая плескалась вокруг. Если вдруг они окажутся за бортом, они тут же увязнут в ней и захлебнутся.

Сигрид собиралась что-то сказать, но тут из облаков грянула молния, озарив море на многие километры вокруг. Ослепленный вспышкой, Нат прикрыл глаза ладонью. Неб что-то кричал, но за оглушающим, как взрыв, громовым раскатом слов было не разобрать.

— Что? Что? — прокричал Нат, не слыша сам себя.

Однако нужды в объяснениях уже не было. Паруса у них над головами пылали! Молния подожгла главную мачту, а заодно и половину парусной оснастки.

Сигрид тут же схватила ведро на веревке и зачерпнула им густой забортной жижи. Однако, попытавшись выплеснуть ее на пламя, она растерянно охнула: слишком тяжелая жидкость не взлетела в воздух, а плюхнулась тут же, возле самого ведра.

И как ей пришло в голову, что ее жалких силенок хватит для преодоления всемогущего тяготения Алмоа?

Нат болезненно вскрикнул. На палубу посыпался настоящий дождь из пылающих обрывков парусины! Почувствовав, как вдруг завоняло паленой шерстью, он сообразил, что у него вспыхнули волосы, и загасил их, обжигая ладони.

— Дождевики! — крикнул Неб. — Скорее надевайте их!

Все одновременно бросились к ящику с противопожарным инвентарем и поспешно накинули тяжелые плащи из промасленной холстины. Натянув капюшоны до самых глаз, они уже могли не бояться ливня из жарких искр, которые так и сыпались с мачт, в одночасье превратившихся в пылающие факелы.

— Если пожар разойдется, — прохрипел гарпунер, — он может перекинуться на корпус, и тогда нам всем крышка. Нужно срочно рубить мачты. Быстро! Тащите топоры!

Ни Нат, ни Сигрид почти ничего не видели. Воздух за минуту наполнился едким дымом, разь-

едающим глаза, из которых ручьем текли слезы. Все трое заходились в отчаянном кашле. Снова кинувшись к ящику, они принялись на ощупь выискивать в нем короткие абордажные топоры, и Нат в спешке чуть не лишился пальцев, ухватив один из них прямо за лезвие.

Когда Нат, размахивая топором, подскочил к главной мачте, рев пламени почти оглушал. Огонь уже уничтожил все паруса и часть рей и грозил перекинуться на палубу.

«Обшивка вот-вот загорится, — подумал Нат. — И после этого нам останется только прыгать за борт, если мы не хотим зажариться на угольках, оставшихся от корабля».

Он прекрасно понимал, что это означает. Если они попадут в «воду», им предстоит безнадежная борьба с вязкой грязью, не говоря уже о зыбучих песках, которые в этих местах могли затянуть неудачливого пловца на глубину в считанные секунды.

— Скорее! — скомандовал Неб. — Рубите основания мачт, как если бы вы валили деревья.

Стараясь не дышать, они ринулись прямо в бушующее пламя и ударили со всей силы. Щепки полетели во все стороны, однако работать под сплошным ливнем из горящих головней оказалось непросто. Корабль теперь больше походил на костер для сжигания ведьм, чем на морской парусник.

— Осторожно! Разойдись! — рявкнул Неб.

Фок-мачта с оглушительным треском упала, брызнув во все стороны острыми, как ножи, щепками. Проломив ограждение правого борта, она наконец скатилась в море.

— Еще две осталось! — буркнул гарпунер, сбивая огонь с бороды, от которой воняло, как от горелой свиной щетины.

Они работали не жалея сил, взмахивая топорами как могли часто. Грот-мачта, самая толстая, сопротивлялась особенно долго, и им пришлось навалиться на нее всем вместе. Когда она наконец сломалась, острая щепка размером со стрелу проткнула Нату плечо, заставив его вскрикнуть от ярости.

Кровь потекла по руке из-под грубого дождевика, но Нат так разозлился, что почти не чувствовал боли. Вот же увалень неуклюжий! Разве сейчас можно себе позволить пораниться?

Едва последняя мачта оказалась за бортом, трое путешественников обессиленно повалились на почерневшую от копоти палубу — ноги их уже не держали. И лицо, и руки у всех были вымазаны гарью, от которой было горько во рту.

Гордый корабль, на строительство которого ушло полгода, превратился в жалкую развалину. Хватило всего одной молнии и десятиминутного пожара, чтобы все их усилия пошли прахом. Только сейчас, угрюмо глядя на торчащие из палубы отрывки мачт и проломленные в нескольких местах борта, они осознали истинные масштабы бедствия.

Не имея парусов, они отныне не могли контролировать курс, а значит, им предстоит подчиниться прихоти морских течений... Одним словом, они уже заранее могли считать себя жертвами кораблекрушения.

— По крайней мере, самое страшное нас миновало, — вздохнул Нат. — Мы все еще на плаву.

— Это, к сожалению, ненадолго, — шмыгнула носом Сигрид. — Если вы не заметили, матчы, когда падали, повредили обшивку, и она начала протекать. Понемножку пока, но когда трюм наполнится...

— Да ладно вам, — заворчал гарпунер, — что за пораженческие настроения! Мы пока еще не при смерти. Заделаем мы эти пробоины, ничего страшного. Бывали переделки и похуже, а, молодежь?

Нат и Сигрид заставили себя улыбнуться, чтобы не расстраивать товарища, хотя оба прекрасно понимали, что оптимизм гарпунера не совсем искренен.

Стащив с себя тяжелые плащи, они обнаружили, что у всех кожа на руках покрыта волдырями от ожогов. Порыжевшие от огня волосы воняли паленым. Не теряя времени, они нырнули в трюм, чтобы попытаться заткнуть трещины, через которые внутрь сочилась жидкая грязь. Здесь их ожидал неприятный сюрприз: положение на деле оказалось куда хуже, чем они себе представляли. Доски наружной обшивки разошлись и только чудом продолжали держаться под постоянным натиском волн.

— Одна волна покрепче — и мы потонем, — вздохнул Нат. — У нас не корабль, а сплошное решето.

Тем не менее они приложили немало усилий, затыкая самые крупные щели просмоленной холстиной, в надежде отсрочить неизбежное.

— Плохи наши дела, — пробормотала Сигрид. — Если мы сейчас пойдем ко дну, нам никто не поможет. Мы далеко забрались... Все морские пути лежат далеко в стороне отсюда.

Она была права, конечно.

— Мы ведь знали, что так будет, когда уходили в плавание, — возразил Нат. — Знали, что рискуем. Чтобы достичь экватора, неизбежно придется отойти далеко от мест, где ходят остальные суда.

— Да я тебя ни в чем не упрекаю, — отозвалась Сигрид с присущей ей горячностью. — Просто сожалею, что мы потерпели крушение так быстро, едва пустившись в плавание... Мне было бы не так грустно тонуть, если бы я могла видеть впереди великую стену, разделяющую планету надвое.

— Замолчи! — вспыхнул Нат. — Никто не собирается тонуть. Мы обязательно что-нибудь придумаем. В самом деле, мы уже далеко не в первый раз попадаем в сложную ситуацию!

Он нарочно подогревал свой гнев, чтобы не поддаваться отчаянию. В действительности никаких иллюзий по поводу их шансов на спасение у него не было.

Кое-как законопатив щели, троица путешественников выбралась на палубу, чтобы перекусить и немного восстановить силы. Корабль теперь дрейфовал неуправляемо, туда, куда гнали его волны. В довершение всех бед грот-стенгга, когда падала, сорвала штурвал, так что теперь судно мало чем отличалось от пустой ореховой скорлупки.

— Сколько времени мы сможем продержаться, если затянем пояса? — спросила Сигрид.

— Я тут проверил наши припасы, — отозвался Неб Орн. — По моим прикидкам, должно хватить недели на три. Серьезнее обстоят дела с питьевой водой. Одна из упавших рей угодила прямоиком в бочку, где был наш основной резерв. Так что остается всего один маленький бочонок. Придется огра-

ничиться одним ковшиком на человека в день, а это очень мало, особенно когда в горле сохнет от ветра.

— Да уж, — мрачно заметил Нат. — Без еды еще можно прожить довольно долго, а вот без воды...

— Верно говоришь, парень, — вздохнул Неб. — Без воды потерпевшие крушение погибают через трое суток. Будем надеяться, что до этого времени пройдет дождь.

Нат только передернул плечами.

— Сам знаешь, на Алмоа дожди обычно состоят из камней, — буркнул он.

— Знаю, — покорно ответил гарпунер. — Но всегда можно надеяться на чудо.

Нат отвел глаза. Совершенно ясно, что Неб изображает уверенность в будущем только для того, чтобы не расстраивать Сигрид...

Так миновали два дня и две ночи. Гроза ушла, но море оставалось по-прежнему беспокойным, и троим путешественникам пришлось привязать себя веревками к пенькам от мачт, чтобы их не смыло за борт.

Время от времени какая-нибудь особенно тяжелая волна била кораблю в бок, заставляя корпус жалобно постанывать. Нат каждый раз стискивал зубы, ожидая, что обшивка вот-вот не выдержит.

На рассвете третьего дня Неб перегнулся через фальшборт, чтобы оценить осадку.

— Трюм наполняется слишком быстро, — проворчал он. — Придется вычерпывать. Если так пойдет дальше, нас потянет на дно уже к вечеру.

Они принялись за работу. Лучше уж было заниматься хоть чем-нибудь, чем без конца переду-

мывать одни и те же мрачные мысли. Ухватившись за черпаки, они вычерпывали грязную жижу из трюма, пока руки не начали отваливаться от напряжения. Труд оказался тяжелым и безнадежным, без всякого видимого результата.

В какой-то миг Нат случайно перехватил взгляд старого гарпунера... и это был взгляд приговоренного к смерти. «Значит, на этот раз нам и вправду конец», — подумал юноша.

Совершенно выбившись из сил, они выбрались на палубу, чтобы поест. Сколько бы они ни вглядывались в горизонт, грязевой океан на все четыре стороны был пуст и безжизненен.

«Никто не придет нам на помощь, — размышлял Нат. — Надеяться на чудо бессмысленно. Ну а что до стены, которая высится на экваторе, она пока еще слишком далеко, чтобы можно было рассчитывать достичь ее вплавь!»

Да и есть ли она на самом деле, эта стена? Нат ни разу в жизни не встречал никого, кто мог бы подтвердить ее существование. Возможно, все эти рассказы о колоссальном каменном поясе, делящем планету пополам, — всего лишь выдумки, старая легенда. Люди говорили, что у ее подножия заканчивается мир жидкой грязи, а по другую сторону стены лежит тайный сад, полный удивительных чудес. Сад, где можно жить без всяких лишений, в мире довольства и счастья.

Сигрид сильно трясло, но она, как обычно, не проронила ни слова жалобы. Эта девушка не боялась испытаний и сейчас всеми способами пыталась забыть о своей немощи. Несмотря на все оказанное лечение, она плохо оправилась от ран, которые на-

несли ей Ползуны, и сейчас еще не могла продержаться на ногах больше четверти часа. Энергичная, непоседливая, раньше она не могла и минуты просидеть на месте, и теперь необходимость проводить жизнь сидя или лежа приводила ее в исступление. Это сильно сказалось на ее характере, так что из-за малейшего пустяка она вдруг начинала вести себя враждебно и агрессивно. Ее спутники старательно делали вид, что не замечают этих изменений.

Корабль продолжал оседать все ниже, и встревоженные пассажиры решили, что пора бы на всякий случай заняться сооружением спасательного плота; для этого они ободрали доски фальшборта и связали их канатом. Пару пустых бочек приспособили в качестве поплавков, а еще одну использовали для того, чтобы сложить в нее остатки провианта и запас воды. В результате получилось довольно неуклюжее сооружение, слишком маленькое, чтобы нести вес троих человек. Нат с трудом мог представить, чтобы это ненадежное плавсредство могло выдержать удары разгулявшихся волн больше, чем пару-тройку часов, но оставил свои сомнения при себе. Остальные, по всей видимости, решили сделать то же самое, но старались не смотреть друг другу в глаза и все реже отпускали шутки, которые час от часу звучали все фальшивее.

Вскоре после полудня корма погрузилась еще на метр, и жидкая грязь затопила ют. Оставаться на корабле дальше стало опасно, так что путешественники спустили на воду плот и кое-как устроились на нем плечом к плечу.

Неб налег на весла, чтобы отойти подальше от тонущего судна.

Отдалившись примерно на кабельтов, они с болью в сердце смотрели, как грязь неумолимо поглощает оставшиеся от корабля руины, а вместе с ними и надежды на лучшую жизнь.

«Не стоило нам покидать Сольтерру, — размышлял Нат. — Это была безумная затея, и мне хватило глупости потянуть за собой Сигрид и Неба. Теперь они погибнут, и все из-за меня... из-за моих дурацких снов».

Очередная волна отнесла их далеко от корабля, который окончательно скрылся в гейзере зловонных пузырей. Никто не проронил ни слова. Теперь оставалось только ждать... но ждать чего? Что плот опрокинется? Что океан поглотит их?

Сигрид взяла руку Ната в свою и крепко ее сжала.

— Не упрекай себя ни в чем, — прошептала она. — Ты был прав. В любом случае стоило попробовать... Мы открыли путь, и за нами наверняка последуют другие. Люди начнут рассказывать, что мы не вернулись именно потому, что достигли великой стены и заветного сада. Пойдет молва... И однажды — не сразу, конечно, но когда-нибудь обязательно — найдется человек, который доведет свое путешествие до конца. Все потому, что мы подали пример, понимаешь? Это нужно было сделать, Нат, непременно нужно было.

— Она права, — согласился Неб. — И я горд, что умираю красиво, как полагается настоящему моряку. Мне было бы стыдно окончить дни в собственной постели. А это кораблекрушение мне очень даже подходит.

У Ната так стиснуло горло, что он решил промолчать.

Так они и сидели в молчании, тесно прижавшись друг к другу, а волны подталкивали плот неведомо куда.

Высоко над головами окаменевшие облака Алмоа сталкивались друг с другом с глухим стуком, похожим на рокот горного обвала.

С наступлением ночи положение стало еще хуже: даже звезд не было видно, и им приходилось плавать в полной темноте.

Так прошел час, потом два... Плот трещал со всех сторон. Строили его в спешке, из чего попало, и теперь он медленно сдавался под натиском волн. Небу уже дважды пришлось подвязывать левый поплавок, который так и норовил оторваться.

«Долго нам не продержаться, — подумал Нат. — Этак мы пойдем ко дну еще до рассвета...»

Они и в самом деле уже начали тонуть. Жидкая грязь исподтишка одолевала их жалкое суденышко: сначала она плескалась у ног, потом стала подбираться к коленям...

Ситуация стала совсем уж отчаянной, как вдруг Сигрид закричала:

— Вон там! Там что-то есть... Смотрите!

— Что? Что? — всполошился Неб Орн.

— Как будто... как будто веревка, свисающая с облака, — пробормотала девушка.

«Бедняга, совсем потеряла рассудок», — подумал Нат, но все же глянул в ту сторону, куда она показывала.

Нет, Сигрид не померещилось. В самом деле, на одном из каменных облаков, лениво плывших

по небу, что-то болталось. Канат... Нет... Веревочная лестница! Нат глазам своим не верил. Слишком уж неожиданно... Настоящее чудо!

Они изо всех сил налегли на обломки досок, которые служили им веслами, чтобы попытаться изменить курс плота и приблизиться к чудесному облаку.

После нескольких минут ожесточенной борьбы с веслами они оказались рядом с лестницей, которая, касаясь одним концом поверхности моря, другим уходила вверх, прямо на отдельно плывущее облако.

— Там наверху кто-то есть! — вскричал Орн. — Кто-то заметил нас и решил прийти нам на помощь. От такого подарка не отказываются. Молодые люди, предлагаю вам, не теряя ни минуты, покинуть плот, пока это облако не улетело дальше и мы не остались с носом!

Сигрид первой ухватила за перекладину и повисла над волнами. Продвигалась она очень медленно — мешали искалеченные ноги. За ней последовал Нат. Неб подождал, пока они поднимутся повыше, и тоже полез наверх.

«Хоть бы веревки выдержали!» — молился про себя Нат, обдирая пальцы о грубую пеньку.

— Только не смотрите вниз! — велел гарпунер. — Лезьте носом вверх.

Совет оказался своевременным — чем выше Нат забирался, тем больше его снедало непреодолимое желание глянуть вниз, на волны.

Из-за атмосферы Алмоа восхождение давалось им тяжело. Сила тяготения тянула их вниз, как будто вся планета нарочно хотела, чтобы они упа-

ли. Юноша стиснул зубы. Кровь стучала в висках, мышцы сводило. Будь оно проклято, это проклятие Алканека!

— Голова кружится... — простионала Сигрид, зажмурившись и отчаянно вцепившись в болтающиеся на ветру канаты.

— Держи глаза закрытыми и продолжай лезть, — крикнул ей снизу Нат. — Повернуть назад мы не можем.

Ему даже не нужно было смотреть вниз, чтобы понять, что волны унесли плот в сторону. Если они сорвутся, грязь тут же поглотит их.

Чем выше они поднимались к облаку, тем сильнее трепал их ветер, резко ударяя в спину. Иногда эти шквалы оказывались такими лютыми, что Нату едва удавалось удержаться. Он вцеплялся в канаты с такой силой, что сдирал ладони до крови, однако из-за нервного напряжения не ощущал боли и не замечал, что все руки у него в крови.

Медленно, очень медленно путешественники приближались к окаменевшему облаку. Последние метры оказались самыми трудными. Нат каждую минуту боялся потерять сознание — голова буквально раскалывалась от невыносимой боли. Из носа пошла кровь — верный признак того, что они оказались на опасной для жизни высоте — такой, на которой могли выжить только птицы-мутанты и Мягкоголовые.

«А вдруг я так и рухну замертво, едва ступив на поверхность облака?» — мелькнула у него мысль.

«Еще десять метров, — твердил он себе. — Еще девять... восемь... семь...»

Ветер хлестал все свирепее, раскачивая, обжигая, срывая одежду...

Почти ничего не видя сквозь слезы, он с облегчением понял, что Сигрид сумела взобраться на облако. Улегшись на его поверхность, она подала ему руку, и он ухватился за нее.

— У нас получилось! — прошептала она возле его щеки. — У нас получилось. Мы спасены!

Нат прижался к ней. Да, да, спасены! Ему очень хотелось в это верить, но какой-то гнусный голосок на краю сознания упорно нашептывал, что насчет спасения есть большие сомнения.

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Когда они все наконец оказались на облаке, их первым невольным побуждением было глянуть вниз — узнать, что приключилось с их плотом. И каждый с содроганием убедился, что жидкая грязь не стала медлить, поглотив их полуразрушенное средство спасения без остатка.

— Счита́й, чудом ускользнули, — проворчал Неб Орн. — Еще бы минут десять, и все мы искупались бы последний раз в жизни.

Нат отвел глаза от мутной поверхности океана и присел на корточки возле двух железных штырей, которыми была закреплена веревочная лестница. Их покрывала застарелая ржавчина.

— Похоже, они здесь уже долгие годы... — пробормотал он почти про себя. — Что бы это значило?

— Думаете, это облако обитаемо? — встревожилась Сигрид.

Нат пожал плечами. В принципе, ничего невозможного в этом не было. Время от времени какой-нибудь бродяга забирался на низко летящее облако в надежде использовать его в качестве

транспортного средства... Теоретически, если оседлать такого «летучего кита», можно было просто дрейфовать на нем по воле воздушных течений, без всяких усилий покрывая громадные расстояния. Но на самом деле все обстояло не так-то просто.

— Я знал парней, которые увлекались такого рода спортом, — ворчливо сказал Неб. — До седин они не дожили, уж будьте уверены. Вскарабкаться на спину такого чудовища мало — надо еще найти питье и пропитание. Птицы-мутанты, может, и неуклюжи, но поймать их не так легко; дожди здесь выпадают по большей части в виде каменного града... а пригоршня гальки еще ни разу никого не избавила от жажды, насколько мне известно.

— Мне кажется, — пробормотал Нат, — мы наверняка найдем тут какой-нибудь лагерь в защищенном от ветра месте.

— Но голод и жажда — это еще не все, — продолжал Неб. — Не забывайте про высоту. Человеческий мозг не приспособлен выносить такое давление. Вы и сами знаете, что случается, если кто-то слишком долго остается на большой высоте: он сходит с ума. Не стоит питать иллюзий. Мы не сможем остаться здесь надолго. Через три-четыре часа у нас начнет чудовищно болеть голова, потом из носа пойдет кровь... Руки и ноги раздуются вдвое.

— Хватит! — одернул его Нат, заметив, как побледнела Сигрид. — Симптомы нам известны, не стоит их повторять. Давайте лучше обследуем облако, пока у нас силы остались.

Он возглавил маленький отряд, осторожно ступая по скользкой, словно мраморной поверхности.

Если хоть чуть-чуть оступишься — скатишься по склону и улетишь за край, это он знал точно.

Это облако, как и все ему подобные, тоже состояло из сплошных холмов и ложбин, ям и бугров. Чтобы удержать равновесие, двигаться приходилось с предельной осторожностью. Нату казалось, что он карабкается по исполинской ледяной скульптуре, и это было одновременно и страшно, и... чудесно!

Осадки скопились в понижениях рельефа грудами камешков, а лужицы воды встречались лишь изредка. Огромные птицы с кожистыми крыльями злобно тарасились на незваных гостей, рассевшись на окаменевших завитках облака. Что эти люди делают на их законной территории? Грязевые альбатросы давным-давно облюбовали облако в качестве своего насеста и считали, что людям здесь не место.

— Вон там! — вдруг воскликнула Сигрид. — Вон, в ложбине... Это палатка!

Нат замер. Действительно, впереди виднелся старый, истрепанный ветрами и побитый градом кожаный шатер.

— Будьте осторожны, — шепнул Неб. — Если внутри кто-то есть, я готов поспорить, что он давно не в своем уме. С него станется принять нас за демонов или чудовищ... и встретит нас градом стрел!

— Или он может увидеть в нас отличный источник свежего мяса, — пробормотала Сигрид, — и попытаться сожрать нас.

Такое тоже было возможно, Нат не сомневался. Ему всю жизнь твердили, что путешественников,

использующих облака, следует остерегаться — от них можно было ждать чего угодно. Он невольно потянулся к висящему на поясе кинжалу.

— Эй, есть кто живой? — крикнул он. — Мы потерпели крушение... Ваша лестница спасла нам жизнь. Мы не хотим делать вам ничего плохого.

Никто не отозвался, но звуки его голоса разогнали птиц, которые сорвались с насестов, шумно захлопав крыльями.

— Что будем делать? — нетерпеливо поинтересовалась Сигрид.

— Я пойду туда один, — решил Нат. — Если что-то пойдет не так, действуйте по обстоятельствам.

Выбравшись из укрытия, он открыто двинулся вперед, подняв руки в знак своих миролюбивых намерений. Конечно, он понимал, что сильно рискует. Из палатки мог выскочить какой-нибудь сумасшедший и выпустить стрелу прямо ему в грудь.

«Ничего, — размышлял он, пытаюсь себя успокоить. — Стрелы здесь летят плохо, и я успею заметить ее вовремя и увернуться. Конечно, успею... наверняка».

Оказавшись в трех метрах от шатра, он снова обратился к его потенциальным обитателям, но ответа не получил. Поблизости громоздилась куча тюков, из которых высывались связки выделанных шкур, отрезки ткани, куски копченого мяса... Откуда тут взялись все эти сокровища?

Нахмурившись, он осторожно отвел лоскут кожи, прикрывающий вход, и съежился, приготовившись к худшему. Он уже почти уверился, что

натолкнется на скелет бывшего обитателя палатки... Но внутри никого не было — ни живых, ни мертвых. Одни только мешки с провизией и бочонки с вином.

«Тут и хлеб, и мясо, и пряности! — поразился юноша. — Дьявол, да это настоящая пещера Али-Бабы! Тут есть все, о чем только могут мечтать жертвы кораблекрушения».

И это слишком хорошо, чтобы быть правдой! Нат невольно задумался — может, из-за пребывания на высоте у него начались галлюцинации?

— Идите сюда! — крикнул он своим спутникам. — Вы глазам своим не поверите!

Когда Неб и Сигрид присоединились к нему, он поспешно спросил:

— Вы тоже это видите? Все это правда тут лежит? На самом деле?

— Да, да, успокойся, — бросила ему Сигрид. — Это не мираж. Еды и питья тут хватит на месяц, а то и больше. Вот же здорово!

— По мне, так даже слишком, — буркнул гарпунер. — Слишком уж неожиданное счастье нам привалило.

Но молодежь его уже не слушала. Выхватив из какого-то свертка кусок копченого сала, они жадно поглощали его большими ломтями, как изголодавшиеся огры. Неб тоже присоединился к пиршеству, хотя не забывал время от времени оглядываться через плечо.

В запечатанных кувшинах оказался шипучий сидр, который показался им настоящим нектаром. Набив животы, они тут же повалились на устилавшие пол меховые покрывала и заснули.

Нату приснился странный сон. Будто бы в палатку пробрались призраки и, склонившись, принялись разглядывать их, неприятно хихикая. Сначала они обшарили его одежду в поисках неведомо чего, а потом оголили Сигрид и принялись щупать ее грудь. В конце концов они испарились, отпуская сальные шуточки. Юноша резко проснулся с тревожным чувством и попытался выхватить кинжал, но рука нащупала только пустые ножны. Судя по всему, оружие у него забрали.

— Эй! — вскричал он, расталкивая своих спутников. — Вставайте! Похоже, мы не одни на этом облаке.

Неб сел, стряхивая с себя сон.

— Мой гарпун пропал! — буркнул он через секунду.

— Кто-то нас обезоружил... — пробормотала Сигрид, потирая глаза. — Но кто? Ты кого-нибудь видел?

— Нет, — замотал головой Нат, — я только почувствовал чье-то присутствие. Их было несколько... И они смеялись. В общем, выглядели как настоящие мерзавцы.

Неб Орн вполголоса выругался.

Они медленно выбрались из палатки. Нат был уверен, что они немедленно окажутся в кольце вооруженных до зубов головорезов... но снаружи никого не было. Облако по-прежнему выглядело пустынным и необитаемым.

Эта пустынность напугала его особенно сильно. Он предпочел бы открытый бой, а не эту непонятную игру в прятки.

— Нужно держаться вместе, — решительно сказал Орн. — Если мы по глупости разбежимся кто куда, они перебьют нас поодиночке.

Тут Нат был с ним полностью согласен. Он быстро обыскал палатку в надежде обнаружить хоть какое-нибудь оружие, но вернулся ни с чем.

— Тем хуже, — пробурчал он. — Если придется сражаться голыми руками, я готов.

Они отошли от палатки, медленно обследуя поверхность облака участок за участком. Каждый раз, поворачивая за очередной каменный завиток, они ожидали наткнуться на засаду, но вокруг по-прежнему никого не было. Передвигаться по белому мрамору облака было так же трудно, как по заледеневшему озеру, поэтому они то и дело оскальзывались и падали. Вся поверхность летучего острова представляла собой череду холмов и долин, бугорков и ложбинок; потеряв равновесие, можно было легко скатиться в какую-нибудь глубокую яму, выбраться из которой было бы невозможно.

Выбившись из сил, они присели немного передохнуть.

— Думаю, они водят нас за нос, — пропыхтел пожилой гарпунер. — Они-то прекрасно знают территорию и все укромные местечки, так что могут легко окружить нас, оставаясь невидимыми. Мы воображаем себя охотниками, хотя на самом деле охотники они, а мы — их дичь.

Нат вздрогнул. Над гребнем ближайшего бугра что-то мелькнуло. Лицо? Голова? Он не был уверен, но это что-то не было похоже на человека.

— Там, перед нами, — прошептал он, — метрах в тридцати. Там кто-то есть. Не знаю, кто это... Какой-то зверь... может, обезьяна...

— Обезьяна? — поразился Неб.

Уроженцы Алмоа, они знали о земной фауне лишь то, что можно было почерпнуть из пары старинных иллюстрированных книг, поэтому представления о разных видах у них были довольно смутные.

— Я... мне кажется, оно нас боится, — прибавил Нат. — Это хороший знак.

— Тогда я пойду туда одна, — заявила Сигрид. — Девушка вызовет меньше страха.

Нат только пожал плечами. Если уж Сигрид приняла решение, заставить ее отступить не стоит даже пробовать.

— Ладно, — отозвался он со вздохом. — Если что случится, кричи!

Девушка двинулась в направлении бугра. Хромота сильно ей мешала, но она продолжала шагать, стиснув зубы, без единой жалобы.

Когда она уже карабкалась по склону, впереди раздалось металлическое звяканье.

— Нет! Нет! — раздался странно искаженный, умоляющий голос. — Не приближайся ко мне!

— Я не причиню вам вреда, — возразила девушка. — Я только хочу поговорить.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь! — протестовал голос. — Уходи! Я выгляжу ужасно. Ты просто умрешь от страха, если будешь упорствовать. Вы должны уйти, ты и твои друзья. На облаке нельзя оставаться, или вас ждет та же судьба.

— Это невозможно, — мягко ответила Сигрид. — Наше судно затонуло.

— Я знаю, — отозвался голос. — Я вас видел. И я молился изо всех сил, чтобы вы не заметили лестницу. К сожалению, мои молитвы никто не слышал.

— Но лестница спасла нам жизнь, если бы не она...

Послышался горький смех.

— Значит, думаешь, что ты спасена? — спросил голос. — Бедная глупышка! Пройдет немного времени, и ты пожалеешь, что не утонула! Ладно же, если хочешь узнать, что тебя ожидает, открой глаза и смотри.

Металлическое звяканье усилилось, и на вершине холма показалось жуткое на вид существо. Несомненно, в прошлом оно имело человеческий облик, но сейчас его тело и лицо чудовищно исказились, превратившись в нечто безобразное. Каждый палец оканчивался острым когтем. Длинные клыки проросли сквозь щеки и торчали вверх, как кабаньи бивни. Обхватившие запястья и щиколотки стальные цепи удерживали его в плену, не давая покинуть насест.

Сигрид зажала себе рот ладонью, чтобы подавить крик.

— Вот видишь! — торжествующе вскричало чудовище. — Что, хочешь стать такой же, как я?

Нат и гарпунер торопливо нагнали свою спутницу, и им тоже пришлось приложить усилие, чтобы не отвести взгляда от представшего перед ними урода.

— Кто ты? — решился наконец спросить Нат. — И что ты тут делаешь?

— Еще полгода назад я выглядел так же, как вы, — проворчал бывший человек. — Меня звали Ориал, и я охотился на ящеров на острове Ангор. Но однажды я заметил веревочную лестницу, свисающую с облака, и демон любопытства подтолкнул меня взобраться по ней... Это оказалась ловушка, ты хоть понимаешь? Именно таким способом они набирают себе команду.

— Кто набирает? О ком ты говоришь?

— О хозяевах облака, конечно! Они наказали меня за то, что я не проявил достаточно покорности... и за то, что я попытался бежать.

— Что они с тобой сделали?

— Их колдун заставил меня проглотить снадобье, которое уродует тело... а потом они приковали меня здесь.

— Но зачем?

— Ты что, совсем тупой? До сих пор не понял, что я служу живым пугалом? Да, я должен распугивать птиц, которые своими клювами разрушают облако. У меня это получается лучше, чем у мертвой куклы, надетой на палку.

Сигрид и Нат вытаращили глаза.

— Бегите отсюда! — вопил Ориал. — Прыгайте в океан. Лучше утонуть, чем повторить мою судьбу. Если бы не эти цепи, я давно спрыгнул бы вниз, чтобы разом покончить со всем этим.

— Что это за ерунда про птиц, разрушающих облако? — нахмурился Неб, на которого жуткий облик «пугала» не произвел особого впечатления.

Ориал покорно опустил голову.

— Эти кожаные птицы, которых вы видели, — пустился он в объяснения, — терпеть не могут, когда их облака занимают люди. Тогда, чтобы наказать их, они начинают расклеивать трещины в мраморе. Инстинкт безошибочно подсказывает им, где именно нужно нанести удар, чтобы причинить облаку наибольший ущерб. На первый взгляд это кажется глупым, но не стоит заблуждаться. Если знать, где ударить, можно разрушить облако за считанные недели.

Нат задумчиво кивнул. Вполне может статься, что Ориал говорит правду. В конце концов, гигантские альбатросы больше походили на птеродактилей, чем на обычных морских пернатых, и их клювы, достигавшие метровой длины, были прочнее любого заступа!

— Вот поэтому я здесь и сижу, — заключил бедолага. — Я должен пугать их и держать на расстоянии. Будь я обычным человеком, они бы не обратили на меня внимания, но поскольку я похож на чудовище, они тут же разлетаются, стоит мне пошевелиться.

Путешественники молча смотрели на него, не зная, что сказать.

Сигрид нащупала ладонь Ната и крепко сжала ее.

— А где находятся хозяева облака? — спросил Нат. — Мы искали повсюду, но так никого и не увидели.

Ориал снова поднял лицо, напоминающее одновременно морду льва и клюв горгульи. Его волосы превратились в гриву из шипов, а гулкий голос доносился из могучей, как у гориллы, косматой груди.

— Ты бы их не нашел, как ни старался, — усмехнулся он. — Они прячутся.

— И где же?

— У тебя под ногами, дуралей! Неужели ты еще не догадался, что облако полое? Там они и живут — внутри облака, в глубоких мраморных пещерах, и там же прячут свою добычу.

— Хочешь сказать, что они...

— Пираты, именно так. А это облако — их корабль.

ПИРАТЫ

Испуганные путешественники отошли, оставив Ориала возбужденно размахивать руками в одиночестве. Что теперь делать, они не знали. Бежать было некуда — разве что, как предлагал человек-горгулья, прыгнуть вниз, в море, предпочтя быструю смерть рабству.

— Попались мы в западню, ничего не скажешь, — ворчал Неб. — Самым разумным будет дождаться подходящего случая. Тогда и попытаем счастья.

Они не без робости направились обратно к палатке, каждые десять метров оглядываясь и опасаясь увидеть себя в окружении пиратов.

— Интересно, сколько их здесь? — проронила Сигрид.

Неб скривился.

— В этом облаке хватит места, чтобы в нем пряталась хоть сотня этих подонков, — буркнул он. — А то и побольше. Как бы то ни было, их больше, чем нас. Значит, нам их не одолеть. Придется хитрить. Если предложат вступить в их шайку — притворимся, что нам только того и надо. Уж всяко лучше, чем становиться пугалами.

Нервничая и тревожно осматриваясь, они уселись на сваленные вокруг палатки тюки. Все, что им оставалось, — дожидаться, пока пираты явятся сами.

— Сигрид, — зашептал Нат, — постарайся держаться поддипломатичнее, хоть раз в жизни. Не набрасывайся на них, как только они заговорят. Если они сохраняют нам свободу передвижений, у нас будет шанс сбежать.

Все это он старался говорить с уверенностью, которой у него на самом деле не было. Присутствие на облаке колдуна внушало ему настоящий страх. Эти псевдоволшебники владели крупными знаниями — ныне почти утраченного, — которое в прошлом называлось просто-напросто наукой химией, однако остатки этой науки позволяли колдунам изготавливать яды и зелья, эффективность которых легко поражала воображение легковерного и необразованного населения.

Он вдруг вздрогнул, почувствовав чье-то невидимое присутствие. Инстинкт подсказывал, что разбойники уже вышли из укрытия и вот-вот окружают их. Прислушавшись, можно было уловить их еле слышный шепот...

— Покажитесь! — крикнул Нат, поднимаясь на ноги. — Мы безоружны и готовы к переговорам. Мы не собираемся драться.

Из складок местности один за другим стали подниматься странные на вид люди в одежде из ящериних шкур. У большинства лица были испещрены варварскими татуировками, в ушах блестели медные кольца. У каждого было оружие — мечи и кинжалы, изготовленные явно кустарным способом. Один из них, очень воинственный с виду и с уродливым

шрамом на переносице, шагал впереди всех, угрожающе держа ладонь на рукояти изогнутой сабли.

— Приветствую вас, — сказал он без всякой теплоты в голосе. — Мое имя Зоид Воркан, и я капитан этого облака. Если хотите остаться в живых, постарайтесь никогда мне не перечить. А теперь назовитесь.

Неб Орн шагнул вперед, изобразив несколько ироничный поклон.

— Мы славные воры и грабители, капитан. Ни прибавить, ни убавить. Эти двое — мои дети. Мы покинули остров Торго на борту отличного баркаса, который угнали у местных рыбаков, но нас постигла неудача: молния ударила в мачту, спалив всю оснастку. Об остальном вы догадываетесь. Если бы не ваша веревочная лестница, мы бы уже пошли на корм рыбам.

Зоид Воркан кивнул с благосклонным высокомерием: речь Неба Орна явно ему понравилась. Да и в самом деле, здоровенный как медведь гарпунер с бритым черепом и седыми усами прекрасно подходил на роль разбойника.

— Допустим, — обронил пират. — Я согласен предоставить вам шанс. Беру вас на испытательный срок в две недели. Если до истечения этого времени вы не заслужите моего одобрения, я передам вас в руки моего колдуна, который превратит вас в пугала. Мне известно, что вы уже свели знакомство с Ориалом, так что нет необходимости объяснять, в чем заключается это наказание.

Усмехаясь, он приблизился к Нату и внимательно осмотрел его, как выставленную на продажу лошадь, а потом подошел к Сигриду.

Нат напрягся, чувствуя, как от страха вспотели его виски. «Только бы она сдержалась и не отвесила ему пощечину! — думал он. — Она вполне на это способна...»

— Будет очень жаль, — угрожающе заговорил Зоид, — превратить такую красивую девушку в горгую, хотя я не премину отдать такой приказ, если она чем-нибудь меня огорчит. Это ясно?

К счастью, Сигрид промолчала и опустила глаза. Нат вздохнул с облегчением. Время расплаты еще настанет, поклялся он себе, но сейчас важнее всего остаться в живых.

Вслед за Зоидом пираты друг за другом протиснулись в почти незаметную щель в глубине одной из ложбин. Как выяснилось, этот узкий лаз вел в самое чрево облака, где огромный пузырь образовал нечто вроде пещеры с полупрозрачными стенками. Нат и его спутники ошеломленно озирались, обнаружив под поверхностью целый мир, где по подвесным мостикам и платформам непрерывно сновали настоящие толпы тайных «воздухоплателей», катя перед собой бочки или волоча мешки.

С первого же взгляда юноша понял, что пираты не испытывают недостатка ни в провизии, ни в одежде, ни в утвари. И откуда же, интересно, бралось у них такое богатство?

— Вот как мы действуем, — пустился в объяснения Зоид. — Принцип очень прост. Каждый раз, когда мы пролетаем над каким-нибудь городом, мы сообщаем его обитателям, что забросаем их камнями, если они откажутся заплатить нам обязательную пошлину за безопасность.

— Забросаете камнями? — удивился Нат. — Как это?

— А очень просто, — хихикнул капитан. — Достаточно отколоть заступом несколько кусков облака и сбросить их вниз так, чтобы они развалили пару-другую домов. Эффект просто поразительный. Горожане сдаются при первом же обвале. После чего мы спускаем вниз на канатах корзины, внутри которых прищипливаем списки всего, в чем у нас на этот момент возникает нужда. Когда корзины наполняются, мы втаскиваем их наверх, и дело в шляпе.

Нат почувствовал, как Сигрид затряслась от негодования. Зная, что она готова взорваться, он незаметно щипнул ее за руку.

— Неплохо! — одобрительно воскликнул Неб Орн. — Но разве при этом вы не рискуете подвергнуться обстрелу из пушек? На некоторых островах еще осталась кое-какая артиллерия.

— Конечно, риск есть, — признал Зоид, — но такое случается крайне редко. К тому же мы летим слишком высоко, чтобы до нас долетали ядра. В большинстве случаев из-за повышенного тяготения они тормозят на полпути и валятся обратно... как раз на головы стрелявших!

Он буквально раздувался от гордости, довольный, что сумел произвести впечатление на новобранцев. Судя по тому, что пещера просто ломилась от изобилия припасов, его система вымогательства и впрямь работала без сбоев. Нат едва скрыл острый приступ ненависти к этому человеку, который беззастенчиво пользовался бедственным положением жителей Алмоа. Он старательно подавил свои чув-

ства, поклявшись, что непременно заставит пиратов поплатиться за свои бесчинства.

Неб Орн тем временем, задрав голову, внимательно рассматривал своды пещеры. Завершив осмотр, он нахмурился и сказал:

— А трещин-то довольно много, верно? Это облако пронизано ими, как старый горшок.

Зоид Воркан помрачнел.

— Что верно, то верно, — отозвался он, поджав губы. — Такова, увы, оборотная сторона медали. Из-за наличия их внутри пещеры мрамор становится более хрупким... и более уязвимым для клювов птиц-мутантов. И похоже, эти твари знают об этом. Постоянно атакуют нас, да так ловко, словно инстинкт подсказывает им, какие трещины самые опасные.

Нат, который до сих пор не замечал ничего, кроме наваленных повсюду припасов, осознал, что стены и в самом деле густо покрыты сетью трещин.

«Сидишь как будто внутри гигантской супницы, — подумал он. — А от этих трещин просто мороз по коже. Облако может разлететься на осколки от первого же серьезного удара».

— Вот этим-то вы и займетесь, — объявил Зоид непререкаемым тоном. — С завтрашнего дня вступаете в бригаду ремонтников. Вам выдадут ведро замазки, мастерок, и будете замазывать трещины. Это работа первоочередной важности, от которой зависит наша безопасность, и я не допущу, чтобы ее выполняли небрежно. Скоро вы убедитесь, что я в этом деле хорошо разбираюсь. Если когда-нибудь у вас появится искушение побездельничать

или схалтурить в работе, вспомните Ориала и подумайте, действительно ли вас прельщает карьера пугала.

Решив, что сказанного вполне достаточно, Зоид препоручил новобранцев старшему боцману своего экипажа по имени Толко, который отвел их в их «каюту» — углубление в мраморной стене, где на полу валялись тощие тюфяки, набитые сушеными водорослями.

— Спать будете здесь, — буркнул он. — Сейчас вам выдадут чистую одежду. Еда у нас хорошая и обильная, вам понравится, но постарайтесь не сердить Мастраццу, нашего колдуна. Характер у него тот еще, и он часто бесится из-за малейшего пустяка. А если уж он на кого обозлится по-настоящему, тому долго не прожить.

— Почему? — полюбопытствовала Сигрид. — Он что, правда такой могущественный?

— Уж будь уверена, моя милая! — отозвался Толко, понизив голос. — Ему ведомы секреты зелий, которые меняют тело и душу. Именно он изготавливает пилюли, которые позволяют нам выживать вопреки сильному действию тяготения. Без этих пилюль на такой высоте, да с учетом проклятия Алканека, наши мозги уже давно бы сплющились, будь спокойна. С этого дня вам тоже придется глотать такую пилюлю каждое утро, иначе кровь хлынет у вас из носа, вены полопаются, и через три дня вы превратитесь в безмозглые овощи.

— Ясно, — пробормотал Нат. — Я понял. Если мы, на свою беду, чем-то не понравимся Мастрацце, он перестанет давать нам пилюли, так?

Толко тревожно переступил ногами.

— Ну да, — пробормотал он, — или подсунет вместо них, скажем, хлебный мякиш или вроде того... Такое уже бывало. Этот парень настоящая змея. Считайте, что я вас предупредил... Впрочем, если придерживаться правил, житье здесь неплохое. Не забывайте, что вы могли утонуть или вас мог ожидать прием куда хуже.

С этими ободряющими словами он развернулся и ушел. Минут через десять с камбуза им принесли по тарелке горячего супа, ломтю свежего хлеба и куску копченого окорока, и они жадно набросились на еду.

Едва они опустошили тарелки, молоденький юнга притащил им целую стопку одежды — поношенные, но чисто выстиранные матросские блузы, и они с огромной радостью избавились от своих лохмотьев.

Отяжелев от обильного обеда, они тут же заснули. Толок дал им проспать часа два, после чего поднял решительными пинками и громкими воплями. Кем они себя вообразили? Может, решили, что их отправили в круиз? Работа ждет!

Троим товарищам пришлось торопливо вскочить, потому что боцман явился не с чем-нибудь, а с длинным кожаным хлыстом. Ната и гарпунера отрядили в бригаду каменщиков-ремонтников, а Сигрид направили в прачечную, от чего она тут же гневно ошетичилась.

— Угомонись! — успел шепнуть ей Нат прежде, чем их развели в разные стороны. — У нас нет выбора. Нужно быть хитрыми и осторожными. Держи глаза открытыми и примечай все, что может помочь нам устроить побег.

Большого он сказать не мог, потому что Только энергичными пинками погнал его к остальным ремонтникам, которым бригадир как раз раздавал мастерки и ведра с замазкой.

Под присмотром надзирателя рабочие поднялись на поверхность по узкому наклонному туннелю, удержать равновесие в котором оказалось очень трудно.

Выбравшись наружу, Неб обратился к бригадиру с вопросом:

— И что мы теперь должны делать?

Тот хмыкнул:

— Теперь ты будешь ходить по облаку, толстячок, и глядеть себе под ножки. И когда увидишь трещинку, заделаешь ее раствором, который у тебя в ведре. Даже тупица вроде тебя способен с этим справиться, верно?

Гарпунер стиснул зубы, но ответил с безупречным смирением:

— Конечно, начальник.

— А! Кстати, чуть не забыл, — прибавил тот. — Берегитесь птиц. Они не любят, когда мы ремонтируем облако, а потому частенько нападают на рабочих. Клюв у них не хуже лома. Можешь себе представить, что он делает с человеческим черепом! У нас раненых не лечат. Кто может — сами выздоравливают, а кто совсем плох — тех мы сбрасываем за борт. Надеюсь, с этим все ясно?

Остальные ремонтники уже принялись за работу, и Нат с Небом последовали их примеру. Надзиратель уселся на каменный выступ и следил за ними с мрачно-подозрительным видом, поигрывая

хлыстом и то и дело поглаживая пару засунутых за пояс пистолетов.

Гарпунер и юноша побрели чуть в сторону, уставившись в землю и высматривая трещины, которыми следовало заняться. Холодный ветер трепал одежду, но из-за необходимости сопротивляться тяготению им было жарко, так что кожа вскоре стала липкой от пота. На такой высоте каждое движение давалось с трудом. Вены на тыльной стороне ладоней вздулись, как разбухшие от воды дождевые черви. Неб Орн дышал тяжело, с хрипом.

— А пилуль-то они нам не дали... — заметил он.

— Это они нарочно, — отозвался Нат. — Наверное, хотят, чтобы мы поняли, насколько мы в их власти. Точно прав, без этого снадобья мы и двух суток не продержимся. Сдохнем от закупорки сосудов или еще чего.

— Значит, надо изобразить покорность и прилежно работать, — с горечью обронил гарпунер.

— В ожидании нашего шанса, друг, — вздохнул юноша. — В ожидании шанса.

Они принялись за дело, старательно замазывая попадающиеся на пути трещины. Вскоре стало ясно, что их деятельность сильно раздражает птиц, которые стали сбиваться в кучу, сердито взмахивая крыльями и угрожающе каркая.

— Мы им не нравимся, — шепнул Неб Орн. — Вот черт! Если они на нас нападут, нам и защититься нечем, кроме наших мастерков!

Действительно, здешние птеродактили были опасными врагами. Благодаря огромному размаху крыльев и мощной летательной мускулатуре они вполне могли поднять в воздух ребенка или худо-

щавого взрослого. Покрытое роговым панцирем брюхо было неуязвимо для стрел... Нат и вправду с трудом представлял себе, как можно отбиться от них голыми руками.

Пронзительные крики вдали заставили их подскочить. Птицы напали на кого-то из рабочих. Один из альбатросов ухватил его когтями за плечи, а другой молотил клювом по голове, раскалывая череп. Безоружные Неб и Нат беспомощно наблюдали за этой сценой, не в силах хоть как-то выручить бедолагу.

— Дьявол, ты видел? — прохрипел Неб. — Эта чертова крылатая тварь просто выклевала ему мозги, как будто яичную скорлупку вскрывала!

— По крайней мере, — вздохнул Нат, — мы теперь знаем, что нас ожидает.

К счастью, им удалось проработать до самого вечера, не подвергнувшись нападениям. Когда бригадир отдал команду спускаться обратно во внутреннюю часть «корабля», они были полностью обессилены. Чудодейственные пилюли, спасающие от вредных воздействий тяготения, им вручили лишь после того, как они сдали на склад свои инструменты.

— Надеюсь, урок вы усвоили, — бросил им начальник бригады. — Чтобы получить право на это лекарство, вам придется вкалывать как следует. Если я сочту вашу работу неудовлетворительной, пилюль вы не получите. А без них у вас быстренько снесет крышу. Может статься, вас тогда и сбрасывать не надо будет — сами сиганете за борт, по собственной воле. Поверьте, я такое уже повидал. Были здесь типчики, которые вообразили себя птицами. Так смешно махали руками... умора просто.

Нат и гарпунер сгорбились с самым покорным видом, но про себя поклялись, что отомстят за это унижение. Зато, как только они проглотили таблетки, боль и ломота тут же исчезли. Снадобье оказалось очень действенным — хоть это хорошо!

Когда они встретились с Сигрид, та просто кипела от злости, проведя целый день над корытами со стиркой под присмотром сварливой и придирчивой главной прачки.

— Кстати, меня тут навестил колдун, — прибавила она с некоторым смущением. — Я-то представляла его себе как старого сморчка с седой бородой и бородавками на носу, а он совсем другой... Молодой и довольно привлекательный парень. Он обратил внимание на мою хромоту и сказал, что ее вполне можно вылечить... если всерьез этим заняться.

Нат никак не отозвался на эти слова, но ощутил мгновенный укол ревности.

— Только не забывай, что это наши враги, — пробормотал он. — Конечно, они стараются приручить нас. Не будь наивной, не думай, что этот тип станет работать задаром. Наверняка он хочет затащить тебя в постель, просто ради забавы.

— А хоть бы и так! — вскинулась Сигрид. — Если он в самом деле способен меня вылечить, пусть тискает меня когда и как ему угодно, мне без разницы. Это не такая дорогая плата за то, чтобы снова встать на ноги, уж поверь мне!

Нат даже попятился, сраженный ее пылом. Но тут инстинкт тихонько шепнул ему, что Сигрид, вероятно, попала под очарование Мастраццы. С ума

сойти! Неужели она действительно втюрилась в одного из их тюремщиков? Только этого не хватало!

Ели они в полном молчании. Неб — из-за усталости, Нат — от злости, а Сигрид — потому что все еще продолжала вспоминать свою встречу с колдуном.

Чуть позже пресловутый Мастратца прошагал через пещеру, направляясь на совещание к Зоиду, и Нат проводил его цепким взглядом. К его удивлению, колдун и в самом деле оказался молодым человеком — высоким и хорошо сложенным. Во всем его облике — гордой осанке, развевающейся мантии из ящеринной кожи — было нечто дьявольски обаятельное. Во всем экипаже не оказалось ни одной девушки, которая не проследила бы за ним увлажнившимися, жадными глазами. По их трепету легко было догадаться, что все они прошли через его постель и сохранили об этом событии самые приятные воспоминания. При мысли, что и с Сигрид может случиться то же самое, Нат ощутил, как кровь вскипела у него в венах.

«Хорош мерзавец, ничего не скажешь!» — бешновался он про себя.

При этом, украдкой наблюдая за Сигрид, он понял, что девушка уже готова на все, что угодно, и с тревогой задумался — уж не опоил ли ее Мастратца каким-нибудь приворотным зельем? Это грозило изрядно усложнить их положение.

ВОЙНА ПТИЦ

На следующий день война с птицами разгорелась снова. Теперь ремонтникам приходилось работать парами: пока один замазывал трещины, второй, вооружившись багром, пытался отогнать разгневанных птиц.

Нат решил, что трещинами займется Неб, а сам он, размахивая длинной жердью, носился вокруг него, распугивая птеродактилей. Примерно через час подобных упражнений руки у него просто отваливались от боли, а жердь заметно укоротилась от многократных ударов острых клювов. Ему трижды чуть не проломили череп, и жив он остался только благодаря хорошей реакции.

Как бы он ни старался, твари атаковали снова и снова, со свистом рассекая воздух мощными, непропорционально широкими крыльями. Ранить их можно было одним-единственным способом — нанести удар в голову, и только в голову, потому что остальная часть их тела было совершенно нечувствительна к боли.

За утреннюю смену двое рабочих успели лишиться ушей и пальцев.

Словно глумясь над усилиями людей, птеродактили старательно расширяли трещины, и это им неплохо удавалось: острые, как долото, клювы крошили мрамор с силой отбойного молотка, вздымая облачка белой пыли.

Когда Нат совсем уже сбился с ног, мучаясь от ломоты в мышцах, Неб Орн отложил мастерок и заступил на пост защитника; юноша, в свою очередь, занял его место и принялся заделывать трещины, черпая в ведре вязкую замазку.

Неподалеку от них Ориал, человекообразное пугало, гротескно подпрыгивал, взмахивая лапами и пронзительно вскрикивая. Этот жалкий танец вполне оказывал желаемый эффект — птеродактили не пытались нападать на него и даже с вполосненным видом разлетались, если он притворялся, что собирается погнаться за ними.

— Хорошо справляется, — заметил бригадир. — Пожалуй, надо завести еще парочку таких, как он. Поговорю с капитаном. Вот из вас двоих, например, вышли бы очень миленькие горгульи, я уверен. Вы и так-то страшилища, а уж если над вами поработать... воображаю, что получится! Да эти птицы так перетрусят при виде вас, что просто замертво попадают...

К полудню птицы, которым наскучили бесплодные стычки, переместились на соседнее облако, так что пленники смогли наконец устроить себе небольшую передышку. Нат и гарпунер скрючились в неглубокой ложбинке рядом с Ориалом, чтобы немного перекусить.

— Слишком много здесь трещин, — вздохнул Неб. — В жизни нам со всеми не справиться.

— Облако обречено, — пробормотал человек-пугало, присаживаясь на верхушку холма. — Чинить его — значит только оттягивать неизбежное. Скоро оно совсем развалится, точно вам говорю.

— Думаешь? — встревожился Нат.

— Можешь не сомневаться, — кивнул Ориал. — Сейчас-то мы плывем в стороне от других облаков, и столкновение нам не грозит, но вот увидишь — как только поднимется ветер, облака начнут сталкиваться, как камни в мешке. Поверь, я знаю, о чем говорю. А наше облако полое, следовательно, более хрупкое. В конце концов оно непременно расколется, как супница, на которую наступил слон.

— Но в таком случае разумнее было бы выбрать в качестве жилища облако без полостей, — проворчал Неб. — Почему же Зоид продолжает держаться за эту развалину?

— Потому что в пещере удобно прятаться, и к тому же она создает отличное убежище от птиц. На поверхности облака долго не продержаться — птеродактили совсем изведут. Палатки, хижины... ничего не поможет. Эти твари непременно раздерут шатры и сорвут крыши с лачуг... Нет, Зоид и его команда именно потому и сумели превратить это облако в пиратский бриг, что в нем есть пещера. Без нее ничего бы не вышло. Вот поэтому наш славный капитан и слышать не хочет о переезде, даже если нам грозит скорое крушение.

Нат слушал эти рассуждения со все возрастающей тревогой. По всему выходило, что их шансы на побег крайне невелики.

— Просто чудо, что мы все еще живы, — продолжал разглагольствовать Ориал. — Но Зоид не

желает об этом задумываться. Упрямо полагает, что магическая сила его ручного колдуна устранит с нашего пути все возможные опасности... Но тут он ошибается. Мастрацца очень хорош, когда речь идет об изготовлении зелий, но против разгула стихий он абсолютно беспомощен... Что ж, скоро капитан узнает об этом, на свое горе.

— А что, нас ожидает какое-то стихийное бедствие? — насторожился Неб Орн.

— Мы направляемся прямиком в зону ураганов, — откликнулось пугало. — Зоид рассчитывает, что вихри разгонят птеродактилей... и тут он прав, эти птицы не любят летать при сильном ветре, который грозит переломать им крылья. Через три-четыре дня они перестанут нас допекать, но после этого мы станем игрушкой циклонов, которые начнут болтать нас туда-сюда. Представляешь себе, что произойдет, если наше облако налетит на какую-нибудь громаду покрепче?

— А вам уже случалось пересекать зону ураганов? — спросил Нат.

— Приходилось, — кивнул Ориал, — дважды. Именно поэтому наш корабль так сильно поврежден. Едва ли счастье улыбнется нам и в третий раз.

— А ты когда-нибудь задумывался о том, чтобы бежать отсюда? — прошептал юноша.

Монстр пожал плечами.

— И куда бы я отправился? — хмыкнул он. — Рассуждаешь, как ребенок. Ты хоть знаешь, что скоро мы полетим над Проклятым морем?

— Это еще что за чертовщина? — пробурчал гарпунер, который уже решил, что плохих новостей ему на сегодня хватит.

— Ты что, никогда не слышал о Море превращений? — удивился Ориал. — А еще моряк!

— Ну да, слышал, — отозвался великан, — но ведь это всего лишь легенда... очередная байка из тех, которые матросня травит в тавернах, чтобы привлечь к себе внимание.

— А вот и нет. Скоро сам увидишь. Цвет грязи изменится. В том месте она становится желтовато-зеленой, и все, чего она коснется, тут же превращается в камень — корабли, пловцы, ящеры, рыбы... Таков закон. Любой, кому не посчастливится попасть в эти проклятые воды, становится чем-то вроде пемзы — волшебного вещества, которое, несмотря на свой вес, плавает на поверхности. Когда мы будем пролетать над этим местом, берегитесь, чтобы не свалиться за борт. Кстати, обычно в это самое время бригадир предпочитает избавляться от негодных работников. Словно невзначай сталкивает их, и бедолаги летят вниз головой прямо в желтую жижу внизу. Советую вам быть настороже; что-то мне кажется, что своему начальнику вы не больно-то нравитесь.

— Значит, по-твоему, сбежать отсюда невозможно? — настойчиво повторил Нат.

— Веревочную лестницу подвешивают и разворачивают лишь тогда, когда замечают утопающих в море, — поделился Ориал. — Чтобы покинуть облако, не рискуя сломать шею, тебе придется воспользоваться ею... и куда, интересно, ты отправишься? Думаешь спастись вплавь? В океане полно пустынных островков, где ты будешь обречен умереть с голоду или драться за еду с ящерами, которые в конце концов сожрут тебя во сне. Ты этого хочешь, дружок?

— Можно было бы перепрыгнуть на другое облако... — выдвинул предложение Неб Орн.

— А потом что? — фыркнул уродец. — Станешь таким же пленником неба, только без воды, пищи и пилюль, которые защищали бы тебя от проклятия Алканека. То есть окажешься в еще более бедственном положении, чем здесь.

Свисток бригадира положил конец краткому перерыву на отдых, и собеседникам пришлось расстаться.

Нат вернулся к работе с тяжелым сердцем. Надежда на спасение быстро улетучивалась.

Не прошло и часа, как его сильно ранила одна из птиц — распорола ему клювом правое плечо. Ему показалось, будто его ударили топором: кровь хлынула ручьем, заливая грубую блузу. Тут же примчался бригадир — не для того, чтобы оказать ему помощь, а чтобы убедиться, что он в состоянии продолжать работу.

— Бездельники мне в бригаде не нужны, — вопил он. — Если к завтраму не поправишься, вышвырну тебя за борт. Считай, что я тебя предупредил.

— Я схожу в медпункт, — пробормотал Нат, едва не теряя сознания от боли.

— Ты что, совсем меня не слушал? — рявкнул начальник. — У нас нет никакого медпункта. Правда, можешь попробовать уломать Мастратцу, чтобы он дал тебе какое-нибудь чудодейственное снадобье, но я сильно сомневаюсь, что он станет тратить время на лодырей вроде тебя. Он сейчас слишком занят, забавляясь с твоей подружкой, если вдруг ты не в курсе! Так что особо не рассчитывай.

Под насмешливым взглядом бригадира Неб поспешил перевязать рану юноши лоскутом ткани, оторванной от подола блузы.

— Больно? — спросил он.

— Да ничего страшного, — заверил его Нат с посеревшим лицом.

— Ладно, хватит болтать! — раздраженно гаркнул надзиратель, угрожающе воздев хлыст. — За работу, быстро!

Гарпунер поспешно подобрал мастерок и принялся за дело. Нат постарался изобразить бодрость и, подхватив палку, снова отправился воевать с птицами, однако те, зная, что он ранен, непрерывно нападали на него. Парень уже думал, что не доживет до вечера... На закате дня Неб помог ему, совершенно измученному, добраться до пещеры.

Они очень рассчитывали на помощь Сигрид, но та восприняла рассказ об их злоключениях на удивление равнодушно. Глаза у нее удовлетворенно поблескивали, в каждом движении сквозила томная нега. Она едва удостоила рану Ната беглым скупящим взглядом.

— Сиди-ка в своем углу, — сказала она только, — у тебя кровь идет, и я не хочу, чтобы ты перепачкал мои вещи.

Ошеломленный юноша заметил, что она успела сменить матросскую робу на красивое новое платье из богатой ткани и что волосы у нее уложены в прическу, в которой поблескивал золотой гребень.

— А ты, я вижу, провела день отнюдь не за стиркой, — буркнул он.

— Верно, — признала девушка с расслабленно-мечтательным видом. — Мастрацца освободил меня

от этой повинности. Сказал, ему нужна помощница. Он считает, что я могла бы изучать волшебные растения. Я бы с удовольствием вообще-то. Он очень милый, и в постели хоть куда. Ублажил меня три раза подряд, со мной такого раньше не случилось.

Нат едва сдержал яростный вопль.

«Этого я и опасался, — подумал он. — Этот мерзавец околдовал ее. Опоил каким-то зельем, от которого у нее крыша поехала!»

— Все это, конечно, прекрасно, — нетерпеливо вмешался гарпунер, — но Нат сильно ранен, так что тебе придется позаботиться о том, чтобы раздобыть для него какое-нибудь заживляющее снадобье. Ну а раз ты так чудесно поладила с корабельным колдуном, тебе это будет нетрудно сделать, верно? Если Нат к завтрашнему утру не поправится, бригадир и его сброд могут сбросить его за борт. Эй, ты меня поняла? Ты хоть помнишь, кто такой Нат? А меня ты помнишь?

Сигрид, зевнув, пожала плечами и отвернулась, увлеченно разглядывая собственное отражение в роскошном овальном зеркале — подарке Мастраццы, естественно. Она так и застыла перед ним, что-то напевая про себя.

— Вот дьявол! — прошипел Неб Орн, склонившись над раненым. — Да что с ней творится? Она как будто ума лишилась... или ее накачали каким-то наркотиком. Похоже, она нас больше не узнает. Наверно, ей впрыснули того зелья забвения, которое добывают из мозга Мягкоголовых!

— Это дело рук Мастраццы, — вздохнул юноша. — Он опоил ее каким-то снадобьем собственного производства, и теперь она полностью в его

власти. Он сделает ее своей наложницей. Думаю, он поступает так со всеми девушками, которые ему понравятся. Некоторое время Сигрид побудет его любимицей, а когда она ему надоест, он отдаст ее матросам.

— Ну мы и влипли! — буркнул гарпунер.

Человек он был храбрый и никогда не дрогнул бы в бою, но всякие колдовские штучки вгоняли его в смятение.

Не выдержав, он нетерпеливо ухватил Сигрид за плечи и яростно потряс, как будто рассчитывал таким способом стряхнуть с нее наваждение.

— Да проснись же ты! — рывкнул он. — Нату нужна помощь. Ступай к своему шарлатану и возьми у него какое-нибудь действенное лекарство. Поняла?

Недовольно поморщившись, девушка высвободилась из его хватки.

— Ладно, ладно, — неохотно проворчала она. — Стоит так горячиться из-за какой-то царапины! Сейчас схожу.

И она удалилась, ступая мягко и грациозно, словно пританцовывая на ходу, на что еще пару дней назад была совершенно неспособна.

«Боги всемогущие! — подумал Нат. — Она больше не хромает! Магия Мастраццы все-таки победила ее недуг».

Кроме того, он вдруг осознал, что с лица Сигрид исчезли испещрявшие его шрамы!

Юноша ошеломленно смотрел ей вслед. Неужели корабельный колдун и в самом деле обладает волшебным мастерством?

— Не нравится мне это, — обронил гарпунер. — На Сигрид теперь рассчитывать нельзя, этот мерза-

веу полностью поработил ее. Отныне нам придется следить за собственным языком, когда она рядом. Нет более преданного существа, чем женщина, чей хозяин сумел как следует ублажить ее в постели! Она будет только рада стать его шпионкой!

— Да ладно тебе, — со вздохом отозвался Нат, едва живой от слабости. — Ее просто зачаровали. Теперь она всего лишь кукла в руках Мастраццы.

— Помолчи-ка лучше, — велел ему Неб. — Ты совсем побелел, не трать силы. И кровотечение все продолжается... Если Сигрид не раздобудет подходящего лекарства, ты и до рассвета не доживешь.

Нат обессиленно откинулся на спину. Голова кружилась, рука наливалась безжизненной тяжестью. Его начинал бить озноб.

— Говорят, клювы этих кожаных птиц выделяют яд, — проговорил он, задыхаясь. — Наверное, я отравился.

Неб Орн промолчал. Восковое лицо парня все-речь напугало его, и он принялся вглядываться в заполненную снующим народом толпу в пещере, высматривая Сигрид. Заметив ее, он едва не подскочил от возмущения: девушка как ни в чем не бывало задержалась у лотка торговца всякими безделушками, теряя драгоценное время на попытку сторговать ярко-красные бусы. Гарпунер хотел бы ринуться к ней и надавать ей оплеух, но в последний момент сдержался, решив, что подобные действия только ухушат дело.

«Это не ее вина, — твердил он себе. — Она сейчас не в себе, она не отвечает за свои поступки».

Ничего не помогало — он просто трясся от гнева, глядя, как эта маленькая шлюшка торгуется

за дешевые цацки, пока Нат продолжает истекать кровью!

Ему пришлось изрядно потерпеть, пока девушка наконец появилась снова, безмятежно улыбаясь и легко помахивая каким-то свертком, который она держала в руках.

— Ну? — окликнул ее Неб без всяких церемоний. — Как насчет лекарства?

— Что? — изумленно переспросила Сигрид, вырванная из каких-то сладостных мечтаний. — Ах да... та штука. Держи, это вот эта самая вонючая мазь. Нужно нанести ее на рану. В общем, делай с ней что хочешь, но я и пальцем к ней не прикоснусь. Больно уж она воняет!

Гарпунер жадно схватил баночку, в которой и в самом деле находилась густая маслянистая мазь с очень неприятным запахом, и торопливо смазал ею рану на руке Ната, уже лишившегося чувств от кровопотери.

«Только бы помогло...» — подумал он.

Сигрид у него за спиной весело напевала. Обернувшись, он увидел, что та старательно примеряет перед зеркалом только что купленные бусы.

— Решено, — сказала она. — С завтрашнего дня я стану ученицей Мастраццы. Сделаюсь настоящей колдуньей. Мне кажется, это будет очень даже забавно.

ЖЕЛТАЯ ГРЯЗЬ

Неб Орд резко проснулся, когда стены облака уже пронизали лучи рассветного солнца, освещая прозрачную пещеру, и первым делом бросился к постели Ната — осмотреть его рану. За ночь она полностью затянулась, и теперь от нее оставался только тоненький белый шрам. Гарпунер едва сдержался, чтобы не выругаться. Этот сукин сын Матрацца и правда знал свое дело, хотя обходилась его помощь недешево.

— Эй, парень, ты как? — негромко спросил он, когда юноша открыл глаза.

— А ты знаешь, неплохо, — с удивлением отозвался тот. — Ничего не болит... Как будто и вовсе не было этой раны. Просто чудо...

— Надеюсь, ты осознаешь истинную цену этого чуда, — ядовито процедила Сигрид со своего ложа. — Эта мазь стоит целое состояние и обычно предназначается только для Зоида. Если капитан узнает, что Матрацца поделился ею с тобой, у него будут неприятности. Надеюсь, ты сумеешь удерживать язык за зубами.

Она обращалась к Нату таким тоном, который принцессы обычно приберегают разве что для конюхов. Отбросив меховое одеяло, она села, гибко потянувшись и тут же поморщилась, приняхиваясь.

— О боги, — простонала она. — Как же вы оба воняете! Вы что, вообще никогда не моетесь?

Гарпунер и юноша молча поднялись и ушли. Нату никак не удавалось привыкнуть к преобразению Сигрид. Глупо, конечно... но он и вправду надеялся, что к утру она снова станет сама собой. Увы, приходилось признать, что этого не случилось. Чары не развеялись.

— Думай о чем-нибудь другом, или сойдешь с ума, — шепнул ему гарпунер. — Я знаю, что ты неровно дышишь к этой девчонке, но пора поставить на ней крест. Она и так-то вздорная, а от колдовства ее характер лучше не станет. Займемся ею потом. А пока будь осторожен. Мастрацца не станет спасать тебе жизнь каждый вечер, хоть Сигрид и делит с ним постель.

Когда они выбрались на свежий воздух, бригадир уже поджидал их с жестокой усмешкой на лице. Похоже, готовность Ната приступить к работе сильно его разочаровала.

Когда они проходили мимо Ориала, тот шепотом окликнул их:

— Будьте осторожны! Хорошенько смотрите под ноги! Мы уже летим над желтой грязью... над океаном превращений.

Нат опасливо подошел к краю облака и глянул вниз. На поверхности океана покачивалась, сталкиваясь на волнах, целая куча каких-то предметов.

Прищурившись, он различил среди них рыб, несколько крупных ящеров, несколько людей...

— Но... но это же статуи, — пробормотал он.

— Теперь-то да, — хмыкнул Ориал, — теперь это статуи из пемзы; но в прошлом все они были живыми существами. Магия проклятых вод преобразила их. То же самое ожидает и вас, если вы по неосторожности нырнете в эту жидкую дрянь. Как видите, я вас не обманывал.

Нат с трудом верил своим ушам.

— Да нет там никакой магии, — проворчал Неб. — Возможно, эти превращения вызывает какая-нибудь древняя машина, которую давно поглотил океан, но которая все еще продолжает работать. Видимо, ее излучение влияет на структуру ДНК таким образом, что живые ткани меняют свои свойства...

— Должно быть, так, — согласился Нат. — Первые колонисты Алмоа обладали научными знаниями, о которых нам теперь ничего не известно. Впрочем, какая разница: опасность от этого не исчезает.

— Когда вдоволь налюбуетесь пейзажем, — раздался у них за спиной рык бригадира, — может быть, вы соблаговолите вернуться к работе? Лодыри несчастные! До чего же ленивые, паршивцы! Да любой безногий и однорукий калека справился бы лучше, чем вы двое, вместе взятые! Терпеть не могу таких бездельников! Вообще от вас никакой пользы!

Он продолжал сыпать бранью, побагровев от злости; перегаром от него несло за версту. Нат понял, что он только и ищет предлог, чтобы подвергнуть их наказанию. В такой ситуации лучше было воздержаться от пререканий... Бригадир обладал

полной властью над своими подчиненными и мог их казнить и миловать по своему усмотрению; он запросто мог в любой момент приказать своим людям сбросить в океан всякого раба, который имел несчастье вызвать его неудовольствие.

Опасаясь начальственного гнева, друзья тут же принялись за работу: Неб с мастерком в руках, а Нат с палкой.

Пока они работали поблизости от Ориала, птицы им не докучали. Увы, когда все трещины вокруг пугала были заделаны, Небу и Нату пришлось отойти подальше, и тут птицы снова перешли в наступление. В кратких перерывах между схватками Нат все время размышлял, как бы им сбежать из этого ада. Поначалу он и вправду собирался перескочить на другое облако, но замечания Ориала заставили его пересмотреть последствия такого поступка. Облако представляло собой, по сути дела, необитаемый остров — мраморный, холодный и бесплодный, на котором ничего не росло... и где их быстро ожидала голодная смерть. Здесь, по крайней мере, у них было пропитание и они не страдали ни от холода, ни от последствий чрезмерного тяготения. Без пресловутых волшебных пилюль они бы уже через неделю лишились рассудка из-за множественных кровоизлияний в мозг. Нет, ускорять события определенно не стоило.

«Если бы только Сигрид согласилась помочь нам, — размышлял юноша. — Тогда она могла бы обеспечить нас некоторым запасом антигравитационных пилюль, а также съестными припасами. Да, именно так и следовало бы поступить: накопить в каком-нибудь потайном месте провизии, меди-

каментов, оружия... А уже хорошенько подготовившись, мы могли бы перебраться на другое облако».

Да, при содействии Сигрид подобный план был бы вполне реализуем, да вот беда: захочет ли она теперь прийти им на помощь? Или наведенные на девушку чары полностью уничтожили чувства, которые она когда-то питала к своим друзьям?

Судя по ее поведению, было самое время об этом задуматься.

Внезапно на облако пролился дождь из каменных капель, которые бились о мрамор, как полированная шрапнель. За считанные минуты гладкая поверхность облака превратилась в настоящий каток, и Нат, поскользнувшись, растянулся ничком. Неб, желая помочь, рванулся к нему, но его массивное сложение сыграло с ним злую шутку, и он тоже потерял равновесие. Нат с ужасом увидел, как его друг стремительно понесся вниз по склону, как на санках. Растопырив ноги и отчаянно размахивая руками, гарпунер пытался ухватиться хоть за какой-нибудь выступ, но, увы, в этом месте облако оказалось совершенно гладким. Прежде чем Нат успел подняться на ноги, Неб Орн уже сорвался вниз...

— Нет! — закричал юноша. — Неб! Нет...

Великан, совершив головокружительный тридцатиметровый прыжок, нырнул в желтую жижу внизу, податливость которой не дала ему сломать себе шею, и теперь барахтался в ней среди болтающихся на поверхности пемзовых изваяний.

Нат, собравшись, обрел способность действовать хладнокровно. Двигаясь быстро, но осторожно, чтобы снова не поскользнуться, он ринулся к одному из страховочных тросов, которые были спрятаны

кое-где в понижениях рельефа облака. Эти тросы, надежно закрепленные на мраморе с помощью массивных железных колец, представляли собой крепкие пеньковые веревки с привязанными на конце острыми кошками; их использовали для того, чтобы заякориваться за соседние облака и брать их на абордаж, или же просто для того, чтобы зацеплять и втаскивать наверх какие-нибудь предметы с поверхности волн. Схватив кошку, Нат подтащил ее к краю облака и сбросил вниз, всем сердцем надеясь, что Неб Орн сможет за нее уцепиться.

Кричать юноша не решался, опасаясь всполошить бригадира, который наверняка помешал бы этой попытке спасти утопающего.

«Только бы Неб заметил веревку!» — лихорадочно думал он, следя за траекторией падения железных крюков.

Он боялся, что желтая грязь ослепит гарпунера, и испытал невероятное облегчение, увидев, как его друг быстро поплыл в сторону свисающего троса. Ветра, к счастью, почти не было, поэтому облако двигалось медленно; в противном случае Неб Орн ни за что бы не успел схватиться за конец веревки и остался бы погибать в открытом море.

«Есть!» — возликовал про себя Нат, когда гарпунер схватился за канат. Теперь оставалось втащить его обратно на облако, что, учитывая вес великана, было отнюдь не простой задачей. Вцепившись в веревку двумя руками, Нат принялся тянуть. Его кожа тут же покрылась липким потом, мышцы невыносимо ныли. Поистине, атмосфера Алмоа не способствовала подобным упражнениям. Чрезмерная физическая нагрузка угрожала быстрой гибелью

от закупорки или разрыва сосудов. И все же Нат продолжал упорно тянуть. Грубая пенька срывала кожу с ладоней, но было и кое-что похуже: ноги отчаянно скользили на скользком мраморе, и всякий раз, когда Неб покачивался на конце каната, Нат съезжал еще на полметра к краю, оказываясь все ближе к пределу, удержаться на котором без опоры было невозможно.

Все его тело дрожало от невыносимого напряжения, и каждую секунду казалось, что канат вот-вот вырвется у него из рук.

Когда последние силы уже оставляли его, бородатое лицо гарпунера показалось над краем облака. Здоровяк был с ног до головы перемазан желтой грязью, так что ему было трудно перебраться на скользкую поверхность. Друзья с трудом удерживались над пропастью, отходя от опасной границы мелкими семенящими шажками; оба понимали, что от верной гибели их отделяет одно-единственное неверное движение. Наконец они преодолели гладкий склон, перевалив в неглубокую ложбинку, и обессиленно повалились, с трудом переводя дыхание.

— Спасибо, малыш, — выдавил из себя Неб. — Если бы не ты...

— Ты весь в этой желтой грязи, — перебил его Нат. — Нужно избавиться от нее. Давай скорее. Не забывай, что эта дрянь отравлена.

Спотыкаясь, он побрел туда, где хранилась пресная вода. Отыскав бочонок, предназначенный для рабов, он кое-как подтащил его поближе к товарищу.

— Ну-ка, помойся! — велел он. — Не теряй времени.

— Ох, спасибо, — прохрипел измученный гарпунер. — Но не думаю, что мне грозит опасность, ведь я пробыл в океане совсем недолго.

— Откуда нам знать! — нетерпеливо воскликнул Нат. — Смой все, что сможешь, а я пока поговорю с Ориалом.

Пока Неб неуклюже стаскивал с себя пропитанную желтой жижей одежду, Нат направился к гребню холма, на котором восседал человек-пугало.

— Я все видел! — обронил тот, когда Нат еще не успел и рта раскрыть. — Ты молодец, да только все это зря. Твой приятель все равно, считай, покойник.

— Но почему? Ведь Неб пробыл в океане не больше пяти минут!

— Этого достаточно. Проклятие могущественно, и отравление наступает мгновенно. Ты ничем не мог бы ему помочь. Печально, но таковы факты. Судьба твоего друга предрешена. Я знаю, что говорю.

Удар оказался слишком силен. Отчаяние и гнев разрывали Ната на части.

— Ты сделал все, что мог, — продолжал Ориал. — Остальное не в твоей власти. Твой друг все равно превратится в статую, что бы ты ни делал. Ему осталось примерно три дня. Таков закон, и ничто его не изменит. Мне очень жаль.

Ничего не ответив, Нат развернулся и побрел прочь. Гарпунеру он решил ничего не говорить.

«Надо поговорить с Сигрид, — решил он. — Я сумею убедить ее добыть нужное снадобье у ее разлюбимого Мастраццы!»

Когда он вернулся к Небу, тот уже успел отмыться дочиста и теперь прополаскивал одежду.

— Ну что? — угрюмо спросил гарпунер, с трудом натягивая мокрые штаны. — Что тебе наболтало это пугало?

— Ориал думает, все обойдется, — солгал юноша. — Но на всякий случай все же стоит обратиться к помощи колдуна. Мало ли что...

Великан что-то пробурчал с досадой, и Нат понял, что тот обо всем догадался. Юношу это не особенно удивило: лгать он никогда не умел.

— В общем, ясно, — кивнул наконец гарпунер. — Дело плохо, верно?

— Верно, — признался Нат, опуская глаза. — Если верить Ориалу, через три дня ты должен превратиться в камень... но Сигрид непременно нам поможет! Добудет как-нибудь нужное снадобье. Этот чертов Мастрацца знает свое ремесло.

— Что ж, будем надеяться, — вздохнул Неб Орн. — Не хотелось бы мне превратиться в насест для чаек. С ног до головы в птичьем помете — разве это достойный конец для героя вроде меня?

Нат стиснул зубы. Его друг еще пытался шутить!

Позволить себе всласть попредаваться отчаянию они не могли, поэтому механически принялись за работу.

До вечера они едва ли обменялись парой слов. Ливень распугал птиц, так что хотя бы они оставили их в покое, и это было большим облегчением.

Наконец пронзительный свисток бригадира просигналил окончание работы, и рабочие гуськом побрели в пещеру. Внизу было тепло. Продрогшие мужчины струдились вокруг жаровен с раскаленны-

ми углями, дым от которых вытягивало через трещины в своде. Если бы не эта естественная «вентиляция», в пещере едва ли можно было бы дышать. Нат и гарпунер встали в очередь в столовую. Местный кок никогда не жмотничал с порциями, и это было одним из немногих преимуществ жизни на пиратском «корабле»: еды здесь хватало. Причина была ясна: Зоид не мог позволить, чтобы в его команде вспыхнул голодный бунт. Усевшись среди других работяг, друзья принялись за содержимое своих мисок. Есть им не особенно хотелось, но в ожидании грядущих испытаний следовало набраться сил впрок. За спиной у них трое пиратов говорили про город, над которым вскоре должно было пролетать облако.

— Уж мы потребуем с них несколько бочек доброго вина! — фыркнул один из них. — Давно пора. Сколько можно хлебать этот сидр? Моча, да и только.

— Надеюсь, до стрельбы дело не дойдет, — проворчал его собеседник. — Поговаривают, что горожане прикупили себе пушку для обороны... и что эта пушка в рабочем состоянии. Мне это не по душе. Представляешь, что будет, если мы схлопочем прямое попадание?

— Да ладно тебе! Что ты разнылся? Первый раз нас обстреливают, что ли? До сих пор все ядра всегда падали обратно на головы этим горе-артиллеристам!

— Верно, но то были старые пушки... А у этих, как я слышал, вполне современная гаубица...

Остальной разговор потонул в кухонном гомоне.

«Значит, мы полетим над городом! — задумался Нат, испытав внезапный прилив возбуждения. —

Наконец-то подходящий случай для побега! Мы могли бы спуститься с облака по страховочным тросам... Да, но как нас встретят люди внизу? Наверняка примут нас самих за пиратов и тут же линчуют».

— Знаю, о чем ты думаешь, — прошептал рядом Неб. — Дело рискованное, но попробовать стоит. Оставаться здесь нельзя, рано или поздно эти ублюдки тебя погубят. Только погляди на нас: Сигрид превратилась в корабельную шлюху, а я вот-вот превращусь в кусок камня... Остаешься только ты. Беги отсюда, пока есть возможность.

— Без вас я никуда не уйду, — буркнул в ответ юноша. — Бросать вас я не собираюсь.

— Ну и глупо, — вздохнул гарпунер. — Сомневаюсь, что Сигрид сумеет вырваться из когтей колдуна; ну а мне скоро конец, ты и сам знаешь. Незачем морочить себе голову.

— Нет! — уперся Нат. — Я найду средство. Сигрид поможет нам, я сумею ее уговорить. Не может же она испортиться окончательно.

— Ладно, как скажешь... — сдался Неб.

Примерно через час — Неб Орн как раз дремал на своем тюфяке — Нат устремился в лабиринт пещерных ходов и переходов в надежде отыскать Сигрид. Внутреннее пространство облака и впрямь было забито множеством подвешенных вдоль стен лачужек, соединенных шаткими мостиками. Некоторые из этих хибар, возведенные на сваях, возвышались над общим архитектурным хаосом, ориентироваться в котором было весьма затруднительно. Эту прихотливую географию дополняли распиханные тут и там лавочки, тавер-

ны, прилавки со всякими безделушками, утварью или оружием. Некоторые матросы валились спать прямо «на улице», и через них приходилось перешагивать; при этом делать это следовало крайне осторожно, чтобы ненароком не задеть их и не разбудить, поскольку просыпались они в крайне дурном расположении духа и запросто могли наброситься на обидчика с саблей.

Осторожно пробираясь через толчею и внимательно осматриваясь по сторонам, Нат решил обследовать окрестности небольшого базарчика, где торговали в основном дешевыми украшениями: именно там часто проводила время Сигрид. Как он и предполагал, сейчас она тоже оказалась там: жарко торговалась за нефритовые бусы с сухоньким старичком, лицо которого было густо испещрено поблекшими синими татуировками.

— Пойдем, — решительно сказал Нат девушке, — мне нужно с тобой поговорить. Зачем тебе эти бусы? У тебя и так на шее три штуки!

— Отстань от меня! — визгливо вскрикнула Сигрид. — Мастрацца не хочет, чтобы я с тобой общалась. Говорит, ты ни на что не годный тип и можешь на меня плохо повлиять.

Нат вытаращил глаза, задохнувшись от возмущения. Вот уж действительно! Какой-то гнусный пиратский прихвостень утверждает, что он недостоин общаться с его наложницей! Просто неслыханно...

Старательно взяв себя в руки, он ухватил Сигрид за локоть и торопливо прошептал ей на ухо:

— Неб очень плох. Он упал в желтую грязь и вот-вот превратится в статую. Постарайся добыть у Мастраццы какое-нибудь зелье или иное

средство, чтобы спасти его. Мне кажется, колдун готов ради тебя на многое, а значит, ты можешь помочь своему старому другу, правда?

— Это ты про того толстяка, от которого разит, как от скота? — фыркнула Сигрид. — Какой он мне друг! Да и ты тоже. Я едва знаю вас обоих. Я родилась здесь, внутри облака, и Мастрацца мой друг детства... как и Зоид. А ты... ты никто, пленник, жалкий раб! Я ничего тебе не должна. Оставь меня в покое, или я позову стражников, и они выпорют тебя плетьюми. А если будешь и дальше преследовать меня, я пожалуюсь Зоиду, и он прикажет тебя оскопить! Ему как раз не хватает евнухов, чтобы присматривать за женщинами.

Нат отступил, лишившись дара речи. Он с трудом верил своим ушам. Не в силах двинуться с места, он безучастно смотрел, как Сигрид расплатилась за ожерелье, а потом спокойно пошла прочь, призывно покачивая бедрами, как бывалая уличная девка, поднаторевшая в своем ремесле.

БОЛЕЗНЬ ЖЕЛТОЙ ГРЯЗИ

На следующее утро Неб двигался уже с трудом. — Суставы будто застыли, — пожаловался он. — Ни колени не гнутся, ни руки... Я словно постарел на сто лет за эту ночь.

Он пытался шутить, но в его глазах ясно читался страх. Нат подхватил его под локоть, чтобы помочь ему одолеть туннель, ведущий на поверхность, и с тревогой ощутил, что кожа старого гарпунера затвердела, как дубленая шкура. Нат словно прикоснулся к ящеру!

«Он уже начал превращаться в камень, — подумал юноша. — И в ближайшие часы этот процесс пойдет еще быстрее. Как же ему помешать?»

Только Мастратца может помочь ему, больше никто! И Нат в который раз поймал себя на том, что мысленно осыпает проклятиями Сигрид.

«Хватит, — осадил он сам себя. — Она ни в чем не виновата, она целиком под властью чар».

Работать они принялись в сторонке, чтобы не попадаться на глаза бригадиру, который не преминул бы отметить, что сегодня гарпунер двигается чересчур медленно и неловко.

— Я уже не чувствую пальцев, — пробурчал Неб. — Словно онемело все. Мне крышка, я вот-вот превращусь в истукана... Вот же мерзость какая! Никогда не думал, что закончу свои дни именно так.

Нат не знал, что делать. Когда он уже собрался с духом, чтобы бежать в пещеру и умолять колдуна о помощи, тот вдруг появился сам — в своем извечном кожаном плаще, развевающемся за спиной. Вблизи было хорошо заметно, как болезненно бледна его кожа. Кроме того, он чем-то густо намадил свои волосы, чтобы начесать их высоким гребнем, как у петуха. Одним словом, вид у него был до невозможности дурацкий.

Мастрацца шагал прямо к Нату с уверенностью принца крови, не сомневающегося в своем превосходстве над всеми прочими, кому оставалось только почтительно расступаться. Остановившись, он пренебрежительно глянул на юношу и произнес с надменной властью:

— Я хочу, чтобы ты раз и навсегда перестал докучать Сигрид. Она пожаловалась мне, что ты приставак к ней вчера вечером. Отныне я запрещаю тебе разговаривать с ней. Теперь она не твоего круга. Она очень хороша в постельных утехах и еще отточит свой талант, когда я обучу ее всем тонкостям искусства совокупления. Когда же мне наскучат ее услуги, я выставлю ее на продажу, и матросы будут драться за право купить ее. А ты тем временем держись от нее подальше, иначе я прикажу тебя кастрировать.

— Что? — вскричал Нат, яростно стискивая кулаки. — Ты же околдовал ее, она не понимает, что делает. Она живет будто во сне...

— Ну и что? — усмехнулся колдун. — Что в этом плохого? Какое будущее сулит ей жизнь в компании таких, как ты? Никакого! Вы всего-навсего бродяги, обреченные до скончания своих дней скитаться по грязевой равнине. В лучшем случае вы станете рабами, в худшем — обедом для ящеров. А со мной она будет счастлива. Я буду поить ее наркотическими зельями, от которых ей будет казаться, что она живет во дворце; пиратов она будет считать благородными принцами, а облако — сказочным замком... Склоняясь над грязевым морем внизу, она будет воображать, будто видит зеленые цветущие луга, а ящеры покажутся ей грациозными единорогами.

— Но это же все неправда!

— Разумеется, но прелесть в том, что она никогда об этом не узнает! Поедая жесткое вонючее мясо альбатросов, она будет наслаждаться им, как нежнейшей курятиной, а прогорклые сухари она будет смаковать, как свежеиспеченные пирожные... Как ты не понимаешь? Я превращу ее жалкую жизнь в непрерывную череду наслаждений. Неужели ты считаешь, что она этого не заслуживает? Почему же ты пытаешься всеми силами увлечь ее обратно в мир сплошных бед и страданий? Откуда такой эгоизм? Вот за что меня обожают женщины — рядом со мной их тусклое существование превращается в сладостный сон.

Не в силах подобрать достойный ответ, Нат был вынужден отступить. Он никогда не был силен в словесных играх, и отец в прошлом нередко упрекал его за это.

— Но это же... это плохо, — вот и все, что он смог пролепетать. — Ты лжешь ей... Ты ее используешь! Ты развращаешь ее!

Колдун разразился оскорбительно-наглым хохотом.

— Какой же ты простак! — бросил он. — Ты что, всерьез полагаешь, что у жителей этой планеты есть выбор? Алмоа — подлинный ад, и единственный способ выжить здесь — это укрыться от реальности в собственных мечтах.

Понизив голос, он прибавил:

— А как, по-твоему, Зоиду удастся удерживать экипаж от бунта? Мы ежедневно скармливаем каждую матросу пилюли, украшающие действительность. И когда мы платим им за работу медной мелочью, им мерещится, что в их ладонях блестит благородное золото.

— Вы просто мошенники!

— А ты — безмозглый идиот. И советую тебе меня не раздражать, потому что я могу вдруг решить превратить тебя в пугало для птиц. Поверь, наш приятель Ориал будет только рад, а то он сильно скучает без компании.

Нат с трудом подавил в себе желание немедленно вцепиться Матрацце в глотку: такую роскошь он пока не мог себе позволить. Он почел за лучшее сделать вид, что сдается.

— Ладно, — вздохнул он, понурившись. — Обещаю больше не приближаться к Сигрид, если ты вылечишь моего друга гарпунера.

Шагнув к Небу, колдун бегло осмотрел его и выпрямился.

— Едва ли я могу что-нибудь для него сделать, — сказал он. — Его одолевает недуг желтой грязи, и он уже начал каменеть. Против этого проклятия нет средства. Сожалею. Его придется сбросить за

борт — для пресс-папье он не годится, слишком громоздкий.

С этими словами он преспокойно развернулся и направился ко входу в пещеру.

— Что ж! — хмыкнул гарпунер, попытавшись пожать плечами. — Ты сделал все, что можно, и тебе не в чем себя упрекнуть.

Он уже с трудом шевелил губами, и его речь звучала неразборчиво.

Друзья снова принялись за работу. В полуденный перерыв они присоединились к остальным рабочим для небольшого перекуса. Немного поболтав с ними, Нат выяснил, что все они попали в похожую историю: пережили кораблекрушение и искали спасения на облаке, где их и захватили пираты, превратив в своих рабов.

— А вы никогда не подумывали о побеге? — спросил Нат шепотом.

Остальные работяги растерянно переглянулись.

— Нет, — замотали они головами, — чего ради? Здесь мы в безопасности, да и кормят неплохо. Когда мы жили на равнине, нам не было покою от ящеров, которые то и дело разоряли наши деревни и пожирали детей. Пираты, если на то пошло, не так уж и плохи. По крайней мере, куда лучше ящеров! Бежать? Куда, скажи на милость? Вернуться на равнину? Э, приятель, неужто ты и в самом деле думаешь, что там нам будет лучше? А здесь мы хоть спим в тепле, да и брюхо не пустует.

— Но облако не вечно, — возразил Нат. — Рано или поздно, но оно непременно развалится. Вы же целыми днями латаете в нем трещины, неужели вы

сами этого не понимаете? При первом же сильном ударе ваше убежище разлетится на куски!

Но парни в ответ только пожали плечами.

— Вот тогда и поглядим, — беспечно отозвались они. — А вместо того, чтобы болтать всякие глупости, ты бы ел лучше свой суп, а то остынет.

Нат постарался не дать воли своему раздражению. Поистине, эти тупицы не видели дальше собственного носа!

«Да уж, с такими ничтожествами мятежа не поднимешь», — подумал он.

К вечеру состояние Неба Орна заметно ухудшилось. Он уже не мог сгибать пальцы и едва таскал ноги. Разумеется, бригадир это заметил и с недобрым видом направился к нему.

— А, вот и вы, — обратился он к двоим друзьям. — Хорошо, что Мастратца меня предупредил. И как долго, интересно, ты рассчитывал скрывать от нас болезнь своего приятеля?

Затем, не ожидая ответа от Ната, он быстро ошупал гарпунера.

— Ему крышка, — объявил он. — В пещеру его больше не пустят. Если за ночь он окончательно превратится в каменюку, его ведь оттуда не вытащишь! А правила строго запрещают загромождать трюм всяким бесполезным хламом.

— Я готов ему помочь, — запротестовал юноша.

— И слушать не хочу, — отрезал бригадир. — Зоид не желает, чтобы в пещере появлялись больные, особенно те, которые пострадали от желтой грязи: это подрывает моральный дух матросов. Так что твой приятель останется ночевать здесь, под открытым небом. Можешь составить ему компанию,

если уж тебе так нейдется. Никто не заставляет тебя отправляться вниз, в постельку.

Нат продолжал настаивать, и тогда бригадир обронил с угрозой:

— Предупреждаю, парень, если он окаменеет прямо в пещере, его придется разбить на куски, чтобы извлечь наружу, и эту работенку я поручу тебе. Ты этого добиваешься?

— Нет, — отступился юноша.

— Тогда спокойной ночи, ребятишки! Постарайтесь не свалиться за борт. Что-то сегодня ветрено.

Ухмыляясь и фыркая, пираты спустились в лаз и закрыли за собой отверстие. Нат и гарпунер переглянулись.

— Тебе стоило бы пойти с ними... — пробормотал великан. — В самом деле, ветер поднимается нешуточный. Наверное, будет шторм. Тебя может унести каким-нибудь шквалом.

— А как же ты?

— Да мне-то уж чего... Я все равно пропал.

Горизонт на западе быстро тускнел. Нат поднял воротник матросской блузы и втянул голову в плечи: у него уже зуб на зуб не попадал от холода. Укрыться от ветра на гладком как мрамор облаке не представлялось возможным. К тому же, когда его смочит дождем, оно тут же станет не менее скользким, чем ледяной каток.

«Любой шквал посильнее снесет меня, — думал юноша, — и я свалюсь за край».

Он решил спросить совета у Ориала.

Человек-пугало уже свернулся в комок, готовясь коротать грозовую ночь. Ураган его не особенно

страшил, поскольку он был крепко прикован за лапы; даже сильнейший порыв ветра не смог бы разорвать эти путы.

Монстр только поморщился, когда Нат изложил ему свои опасения.

— Ты просто чокнутый, — сказал он. — Надо было отправляться в убежище. Твой приятель все равно превратится в статую еще до зари, и ты ничем не сможешь ему помочь. Шторм будет сильный. Попробуйте найти какое-нибудь укрытие, забейтесь в любую щель... Удачи!

Больше Нат от него ничего не добился. Он ползал по окрестностям в поисках какой-нибудь щели пошире, где они могли поместиться вместе с Небом, но вокруг быстро темнело, и его глаза с трудом различали, куда поставить ногу. Резкие порывы ветра хлестали его по спине, словно стихия решила во что бы то ни стало сбить его с ног; юноше начинало казаться, что его преследует взбешенный бык, упрямо бодающий его в лопатки.

Так ничего и не найдя, он вернулся к тому месту, где оставил старого гарпунера. Кожа Неба за это время успела сделаться грубой и шершавой, как у слона.

— Послушай, малыш, — с трудом процедил великан. — Я того и гляди закаменею на месте... Я уже и говорю-то с трудом... Челюсти вот-вот застынут... но я... кое-что... придумал...

— Что? — спросил Нат, глядя на друга с болью в сердце.

— Когда я стану истуканом, я буду очень тяжел... Хотя камень и будет пористым из-за мелких пузырьков воздуха, вес мой не изменится... понима-

ешь? Я превращусь в каменного человека... И если ты за меня уцепишься, ветер тебе не страшен. Я послужу тебе надежным якорем.

— Но у меня нет времени искать веревку. Да и темно уже...

— Не страшно... Подберись ко мне поближе, а я сомкну вокруг тебя руки. Когда они застынут, ты окажешься как будто в замке, и ветру тебя из него не вырвать.

Слова Неба становились совсем уж неразборчивыми. Застывшая густая борода выглядела так, будто ее вырезали из грубой серой породы. Нат решил послушаться — а что ему еще оставалось делать? Он улегся рядом с гарпунером, и тот обхватил его руками поперек груди, как делают борцы.

— Осталось только ждать... — услышал Нат его приглушенный голос. — Уже недолго осталось. Прощай, малыш... Я был рад повстречать тебя.

Нат хотел ответить, но в этот самый миг на облако налетел шторм, подхватив его, как невидимой волной. Ветер рвал одежду и волосы, не давал дышать. Руки великана, обхватившие его грудную клетку, совсем окаменели, и теперь уже ничто не могло разомкнуть их хватку.

Следующие два часа ураган свирепо трепал облако, швыряя его то влево, то вправо. Нат совсем потерял счет времени: кожу обжигало ледяными шквалами, ребра покрывались новыми синяками всякий раз, когда очередной смерч пытался вырвать его из каменных объятий статуи.

К счастью, Неб Орн и впрямь оказался надежным якорем, и буря не смогла сдвинуть его ни на

сантиметр. Если бы не каменный гарпунер, Ната непременно унесло бы разбушевавшейся стихией.

Измученный и продрогший, он впал в забытие, и таким его нашли поутру пираты.

— Ей, сам сможешь выбраться? — поинтересовался бригадир. — Или мне расколошматить лапы этого истукана молотом?

— Нет, нет! — крикнул юноша. — Не надо, я сам...

Ему пришлось долго извиваться, упираясь руками и ногами, пока он не сумел наконец высвободиться.

Ему еще раз пришлось пережить мгновения паники, когда пиратам пришла в голову мысль столкнуть статую за борт, но, к счастью, она оказалась настолько тяжелой, что им пришлось оставить попытки пошевелить ее.

— Ладно, будет! — скомандовал бригадир. — Хватит время терять. Займемся этим хламом позже. А ну-ка все за работу!

МИРАЖИ

Превращение Неба Орна в камень произвело на Ната очень тяжелое впечатление. Он то и дело подступал к Ориалу с расспросами, чтобы получить хоть какую-то надежду, но тщетно.

— Так он... умер? — спрашивал юноша снова и снова.

Монстр пожал плечами, устало бормоча один и тот же ответ:

— Никто не знает, что на самом деле происходит с живыми существами, когда они обращаются в камень. Не исключено, что дух их продолжает жить внутри окаменевшего тела, но это всего лишь предположение. Так что не нужно иллюзий. Никто и никогда не видел, чтобы такая статуя вновь ожила. Даже магия Маистраццы бессильна против этого таинственного явления. Единственное, что достоверно известно, это что любое окаменевшее тело плавает на поверхности желтой грязи, несмотря на свой огромный вес, который при обычных условиях непременно увлек бы каменные изваяния в бездну океана.

Некоторое время спустя Зоид Воркан объявил боевую тревогу: облако вот-вот должно было про-

лететь над обитаемым островком. Как раз вовремя — запасы провизии в трюме как раз подходили к концу. Перспектива скорой поживы привела экипаж в крайнее возбуждение. Подгоняя рабов, разбойники принялись выкладывать на краю облака, на самой границе пустоты, кучи камней, а также топить в огромных котлах горы китовьего сала, чтобы получить кипящее масло. Несмотря на внутренний протест и отвращение, Нат тоже был вынужден принять участие в этих приготовлениях.

Когда облако нависло над островом, Зоид схватил медный рупор и, склонившись над краем, проревел с угрозой в голосе:

— Мы прибыли, чтобы получить с вас причитающийся пиратам оброк. Через пять минут мы спустим вниз подвешенные на веревках корзины, внутри которых лежат списки всего, что нам требуется. Не сомневаюсь, вы поторопитесь выполнить все наши требования, потому что, если это окажется не так, мы будем вынуждены забросать вас камнями и облить кипящим маслом. Советую не противиться мне, ибо я — Зоид Воркан, капитан этого корабля, и мой гнев будет ужасен...

По знаку своего предводителя пираты спустили к самой земле пеньковые тросы, на конце которых болтались большие, плетенные из прутьев корзины.

Поначалу Нат решил, что сбор дани пройдет мирно, но, оказывается, жители городка вовсе не собирались позволить обобрать себя без сопротивления. Лучники выпустили в сторону облака добрый залп, однако он не нанес пиратам никакого урона: отяжелевшие от сильнейшего тяготения стрелы замерли на полпути и посыпались вниз. То же самое

случилось, когда они попытались стрелять по врагам из древних пушек.

— Ах вы псы неблагодарные! — взревел Зоид. — Вот что получаешь, когда пытаешься вести себя с ними вежливо, по-дружески! Господа, раз дело обернулось таким образом, давайте лавину!

Пираты с радостными воплями тут же обрушили вниз груды камней, уложенные на самом краю облака. Снизу донеслись отчаянные крики раненых и треск проломленных крыш.

— Раз супчик поспел, — продолжал вопить Зоид, — угостим этих буржуев горяченьким! Пусть-ка полакомятся!

Настал черед котлов с кипящим маслом. Нат стиснул зубы. Чего бы он сейчас не отдал, чтобы иметь возможность схватить саблю и разmozжить Зоиду башку ударом рукояти!

Дальше все пошло как по-писаному. Осажденный город капитулировал, и вскоре корзины были подняты на борт, наполненные припасами и предметами первой необходимости.

Нат подумал, что, когда облако улетит прочь, горожане окажутся еще более обнищавшими и голодными, но пиратам не было до этого дела.

Вечером в пещере устроили шумное празднество. Сигрид появилась на пиршестве рука об руку с Матраццей, в пышном наряде принцессы. Еду подавали щедро, однако, заглянув в свою миску, Нат обнаружил, что она ничем не отличается от повседневной снеди; никаких особых яств, о которых так мечтали обитатели пещеры, на столах не было. Разоренный городок был совсем нищим и мог поделиться с пиратами лишь немногим.

Среди разочарованных матросов поднялся ропот, их угрюмое настроение, как зараза, быстро распространилось по всей пещере. Зоид с высоты своего капитанского места быстро заметил неладное и, склонившись к колдуну, что-то зашептал ему на ухо. Десять минут спустя Мастрацца уже смешался с толпой, держа под мышкой увесистый бочонок рома. Как и следовало ожидать, к нему тут же потянулись руки с пустыми кубками. Не прошло и получаса, как Нат, отказавшийся от горячительного, стал свидетелем удивительнейшей метаморфозы: атмосфера, которую можно было назвать взрывоопасной, быстро разрядилась, и матросы принялись наперебой нахваливать поданные им яства. Уминая за обе щеки ту же постылую полбу, они причмокивали и закатывали глаза от удовольствия, словно их угощали жареными рябчиками или нежной ягнятинкой на вертеле.

— Вот это да! — урчали они. — Ох и вкуснятина!

Только тут Нат догадался, что ром, который щедро разливал им колдун, был одобрен теми самыми «пилюлями счастья», от которых потеряла разум Сигрид.

Вот и матросы, во власти волшебного миража, воображали, что лакомятся изысканными кушаньями, о которых они могли только мечтать, хотя в котелках у них плескалась все та же давно надоевшая каша.

Почувствовав, что за ним наблюдают, Нат поднял глаза. С высоты своего почетного места Мастрацца нагло уставился на него, словно говоря: «Видишь, что я могу сделать с помощью всего лишь горсточки пилюлек? Теперь-то ты понимаешь, что я — истинный

хозяин этого небесного корабля? Стоит мне только пожелать, и сам Зоид станет моей марионеткой. Так что не пытайся противостоять мне, или ты сильно об этом пожалеешь. Ступай своей дорогой и забудь о Сигриде. Отныне она принадлежит мне. Она станет делать все, что мне будет угодно, и до тех пор, пока мне это не наскучит. И ты ничего не можешь с этим поделать!»

Дня через три после этой пирушки Нат вдруг заметил, что чувствует себя гораздо лучше. Гнетущее чувство одиночества и скорбь по Небу Орну вдруг испарились словно по волшебству; он ощутил, что может ходить мимо изваяния старого гарпунера, не испытывая болезненного укола в сердце. Жизнь на облаке стала казаться ему легкой и безбедной, и он даже поудивлялся немного, как ему вообще приходила когда-то в голову мысль о побеге из этого чудного места.

Когда воздушный бриг атаковал новый город, Нат с удовольствием принял участие в действе, радуясь возможности обрушить на головы строптивых горожан каменную лавину. В самом деле, до чего же весело тут, у пиратов!

Но вечером, во время традиционного пиршества, когда он увидел, как Мастратца шагает среди матросов со своим бочонком рома, его словно озарило...

Колдун опоил его! Последние дни он глотал эликсир счастья, сам того не ведая, а значит, стал жертвой той же массовой галлюцинации, которую вызывал его заклятый враг.

Это молниеносное осознание истины спасло его от всеобщего отупения. Должно быть, оно стало возможным лишь потому, что действие наркотика стало

ослабевать. А если бы он хлебнул рома, который разливал Маистрацца, то получил бы новую дозу.

Побледнев, он сделал вид, что выпил кубок, не проглотив ни капли, и поспешно покинул застолье, чтобы уединиться в каком-нибудь укромном уголке в самой глубине пещеры.

С этой минуты он поклялся больше не глотать антигравитационных пилюль, которые каждое утро раздавал бригадир. Если его голова от этого лопнет... что ж, тем хуже! Зато никто не сможет его одурачить!

ПОЮЩИЕ КАМНИ

С этого дня Нат стал относиться с крайней подозрительностью к любым напиткам и пище и ел лишь столько, сколько было необходимо, чтобы не умереть с голоду. Разумеется, его способность переносить высоту от этого сильно ухудшилась. Он понимал, что долго в таком режиме не продержится, но куда больше его страшила опасность превратиться в марионетку Мастраццы и Зоида, которой они смогут управлять по своей прихоти. Из осторожности он тем не менее продолжал изображать те же задор и жизнерадостность и время от времени ловил на себе насмешливый взгляд колдуна — тот думал, что и в самом деле получил над ним власть.

«Давай, давай, радуйся, мерзавец, — не без удовлетворения думал Нат, — еще посмотрим, кто кого перехитрит!»

Состояние облака меж тем быстро ухудшалось. Сколько бы они ни трудились, замазывая трещины днем и ночью, новые появлялись почти мгновенно. Пиратский «корабль» превратился в хрупкую мозаику осколков и трещин, которая только чудом продолжала держаться в воздухе.

Однажды вечером, перед отходом ко сну, матросы сгрудились в кучку, о чем-то взволнованно перешептываясь. В общем ропоте то и дело слышались слова: «Поющие камни... они приближаются... поющие камни...»

Похоже, команду эти новости не на шутку встревожили. Нат обратился к какому-то старику, чтобы узнать, что же означают услышанные слова.

— Так называют кристаллы, парящие в небе, — пояснил тот, беззубо шамкая. — Они возникли при взрыве древних облаков. Дрейфующие рифы, если угодно. Они плавают по небу туда и сюда по воле ветров. Обычно воздушные потоки рассеивают их, и они не представляют особой опасности для воздухоплавателей. Но, увы, иногда птицам удается собрать их вместе...

— Птицам? — изумился Нат.

— Да-да, птицам. Для этого им нужно всего лишь издать особый крик. Частота этого крика вызывает колебания в кристаллах, и тогда они покорно следуют за птеродактилями, объединяясь по их зову. Понял, что получается? Чем больше альбатросы поют, тем больше они приманивают бродячих рифов. В конце концов те сбиваются в огромные стаи, которые эти гнусные пернатые могут направлять по своей воле.

— Хочешь сказать, птицы могут бросить эти камни прямо на нас?

— Именно так, парень. Альбатросы нас ненавидят, считают, что мы вторглись на их территорию и что лучший способ от нас избавиться — разрушить облако, на котором мы обосновались. Вполне возможно, в ближайшие дни они решатся напасть

на нас. И могу тебя заверить, это не пустяк. Положись на мой опыт...

На следующий день Зоид расставил по всей мраморной равнине облака наблюдателей с биноклями, чтобы те неотрывно следили за небом. Безмятежной жизни пришел конец. Бригаде ремонтников приходилось трудиться не покладая рук, а в качестве дополнительной работы им велели развесить по периметру «корабля» тюки с сухими водорослями в качестве примитивных кранцев, призванных смягчить удары при столкновении с камнями.

В довершение всего капитан приказал установить на облаке огромные катапульты, которые каменщики тщательно закрепили в трещинах на мраморной поверхности.

— Это чтобы показать птичкам, что почем, — пояснил один из матросов. — Если нам удастся их сбить, они прекратят свои песенки, и тогда летучие рифы сами собой рассеются.

С этой минуты команда была приведена в состояние круглосуточной боевой готовности; на случай неожиданного нападения матросы ночевали прямо «на палубе», у подножия катапульт.

Напряжение нарастало. Матрацце пришлось прекратить раздавать свои любимые «пилюли счастья», чтобы эйфорическое состояние не ослабляло бдительности дозорных.

Нат, как и его товарищи, тоже обзавелся привычкой пристально вглядываться в небо и прислушиваться.

— Ты услышишь, как они налетят, — сказал ему один из пиратов. — Их песня похожа на звон стеклянных осколков в мешке, только звучит чисто,

как хрусталь. Поначалу слушать их голос даже приятно, словно колокольчики заливаются... но когда он приближается, берегись, как бы у тебя перепонки не полопались. До того он пронзительный... хочешь доброго совета — как только прозвучит сигнал тревоги, заткни себе уши воском, не то оглохнешь!

Снова потекло нескончаемое ожидание, изматывающее физические и моральные силы.

Матросы, сгрудившись возле катапульта, старались подбодрить себя и друг друга, твердя, что птицы наверняка полетят южнее, что туман собьет их с пути, что...

Нат ни на мгновение не верил этим басням. В душе он был уверен, что час решающей схватки пробил, и пытался придумать, каким образом выжить в неминуемой катастрофе.

Внезапно откуда-то издалека донесся переливчатый звон, отчего среди экипажа пробежал панический ропот. Птицы приближались... нападение стало неизбежным.

— Все на боевые позиции! — рявкнул Зоид, который с подозрной трубой в руках торчал на самой вершине высокого холма, чтобы оттуда наблюдать за ходом сражения и направлять действия своих подчиненных.

Матросы поднялись на ноги, трепеща от страха, и Нат вместе с ними. Никакого воодушевления он не испытывал. Ему было хорошо известно, что битвы исполнены романтики и благородства только в книжках; в действительности же в них нет ничего, кроме ужаса, крови и дерьма, от которых выворачивает нутро.

Его направили в расчет, обслуживающий одну из катапульт. Его задача заключалась в том, чтобы как можно быстрее подносить новые снаряды стреляющим для обеспечения непрерывного заградительного огня, который на артиллерийском жаргоне назывался «градом». Теперь перезвон колокольчиков заполнял небо целиком, доносясь со всех сторон света. В воображении юноши вдруг пронеслось нелепое видение — стадо резвых козочек, скачущих через небесное пространство навстречу облаку...

— Ох, на этот раз нам несдобровать! — просипел один из других подносчиков снарядов. — Зададут они нам трепку...

— Да заткнись ты, нытик несчастный, — резко осадил его старший по расчету, — еще беду на нас накличешь!

Несмотря на ледяной ветер, Нат ощутил, как его лоб взмок от испарины, и внезапно вздрогнул: вдалеке громадные птицы пронизали пелену тумана и теперь пикировали прямо на них, сомкнув ряды. Кожистые крылья рассекали воздух с хищным свистом, на который, однако, никто уже не обращал внимания — так громко звучали птичьи крики. Оглушительный гомон высоких, невыносимо пронзительных голосов давил на барабанные перепонки, вызывая непреодолимое желание заткнуть уши. Полное облако резонировало в ответ на эту мощную звуковую атаку, содрогаясь всей своей массой, и разрушительные волны вибрации пробежали по сети трещин.

Нату прежде доводилось слышать, что некоторые певички, способные брать очень высокие ноты, могли одной только силой своего голоса разбивать

хрустальные бокалы. Ему вдруг пришло в голову, что птицы наверняка тоже наделены таким умением. Быть может, достаточно одного только их пения, чтобы расколоть вдребезги все облако, которое, если разобраться, представляло собой всего лишь гигантскую супницу, да еще не в лучшем состоянии... Он поспешно сунул в уши куски размягченной восковой свечки, раздобытой среди других припасов. Остальные последовали его примеру, и нестерпимая боль в ушах немного поутихла.

— Зарядите и взведите катапульты! — приказал Зоид. — Но не стреляйте без моего сигнала.

Матросы тут же засуетились вокруг орудий. Подносящие торопливо вкладывали в кожаные пращи на конце рычага большие куски мрамора с острыми гранями, а бомбардиры, набранные из числа самых мускулистых членов команды, принялись натягивать толстые резиновые жгуты пускового механизма. Учитывая примитивную конструкцию катапульт, эта работа требовала недюжинных физических усилий.

— Не стреляйте, пока не сможете разглядеть красное пятнышко на клюве этих тварей, — руководил Зоид, — иначе промахнетесь.

На корабле воцарилась напряженная тишина. Вслед за альбатросами вдалеке показались каменные обломки дрейфующих рифов. Напрягая зрение, Нат различил крупные угловатые камни, которые стремительно мчались по небу, вращаясь и переворачиваясь. Некоторые из них размерами не уступали целым домам. Время от времени они сталкивались между собой, направляемые голосами птиц, а иногда зажатые между особенно крупными камнями

кристаллы поменьше взрывались от непомерного давления, разлетаясь градом острых осколков. Каждый из этих осколков усиливал птичий гомон, придавая небесной какофонии титанические масштабы.

— Сейчас! — взревел Зоид. — Огонь! Огонь!

Жгуты катапульт громко защелкали, выпуская снаряды в воздух.

— Перезаряжайте! — бушевал капитан. — Быстро! Давайте град! Град!

Послушно, как заводные куклы, матросы принялись за работу, заряжая и спуская катапульты в завораживающе стремительном ритме.

Увы, по мере приближения к цели снаряды теряли скорость в плотном воздухе, так что альбатросы несли лишь незначительные потери. Нату стало ясно, что едва начавшаяся битва уже проиграна: птицы, куда более быстрые и маневренные в небе, неминуемо одержат победу над неуклюжими орудиями людей. Благодаря чудовищно развитой мускулатуре кожистые твари легко уворачивались от снарядов. Когда же они принялись кружить над самым облаком, их пронзительные вопли сами по себе оказались мощным оружием: несколько матросов попадали ничком, зажав уши руками, со сбегаящими из ноздрей струйками крови. Самому Нату казалось, будто в каждое ухо ему вонзили по острой спице. Ничего не видя от боли, он бессмысленно топтался на месте, позабыв про катапульту.

Впрочем, всякая оборона уже потеряла смысл. Дрейфующий риф налетел своим передним краем на правый борт «корабля». От удара еще державшиеся на ногах пираты повалились в кучу, вопя от ужаса.

Нат ощутил в лодыжках эхо жуткого грохота — казалось, облако разваливалось пополам. Оцепенев от страха, он увидел, как трещины на поверхности разошлись, превращаясь в зияющие разломы. Мельком заглянув в один из них, он увидел внутренности жилой пещеры, со всеми ее хижинами и переходами.

«Вот и конец! — подумал он. — Корабль погиб. Нужно спастись».

Однако всем известно, что на борту летающих облаков спасательных шлюпок не держат. Покинуть воздушное «судно» можно было, только соскользнув по спасательным тросам или веревочным лестницам в море. Впрочем, и тут оставалась проблема: они все еще летели над желтой грязью... Любой матрос, упавший в воду, тут же превратился бы в камень, как это случилось с Небом Орном.

«Сигрид, — подумал Нат. — Я должен отыскать Сигрид».

С трудом прокладывая себе дорогу среди мечущихся в беспорядке матросов, он проскользнул в туннель, ведущий в пещеру. Оказавшись внизу, он смог в полной мере оценить, насколько сильно пострадало облако. Трещины, пронизывавшие своды пещеры, расширились прямо на глазах. В воздухе висели тучи сыпавшейся сверху белой мраморной пыли, словно пеплом засыпая лабиринт кособоких строений на сваях и беспорядочное переплетение мостиков и переходов. Хрупкие деревянные сооружения обваливались при каждом новом столкновении с обломками рифа.

Нат побежал, не разбирая пути, громко выкрикивая имя девушки. Он снова нашел ее на пло-

щади, где торговали побрякушками, за выбором очередного ожерелья. Одурманенная пилюлями счастья, она вообще не осознавала, какой хаос царит вокруг.

Схватив ее за запястье, Нат попытался вырвать ее из мира грез, но Сигрид принялась ожесточенно сопротивляться.

— Бежим! — крикнул юноша. — Нужно выбираться отсюда, пещера вот-вот развалится, и все, что здесь находится, рухнет прямиком в желтую грязь.

— Отстань от меня! — взвизгнула девушка. — Оставь меня в покое, или я позову Матраццу, и он прикажет выпороть тебя плетью...

— Вот дура! — вспыхнул Нат. — Твой Матрацца и сам скоро искупается в этой желтой дряни, и если ты будешь и дальше упираться, то последуешь за ним. Иди за мной. Наш единственный шанс спастись — ухватиться за кусок мрамора побольше, когда облако начнет распадаться.

Но вместо того, чтобы послушаться, Сигрид бросилась на него, пытаясь разодрать ему лицо ногтями.

Не сдержавшись, Нат что было силы врезал ей кулаком в подбородок, так что оглушенная девушка без чувств осела на землю. Он подхватил ее на руки и принялся искать выход из ловушки, в которую превратилась пещера, среди падающих друг на друга обломков строений.

Кое-как выбравшись на поверхность, он присел у подножия изваяния гарпунера, чтобы оценить положение. Отступление пиратов переросло в повальную панику. Летающие камни продолжали биться об облако, кроша его, как зачерствевший пирог. Большие куски мрамора откалывались друг

за другом, унося на себе немногих выживших. Многие в приступе страха бросались вниз, забыв, что kloкочущая внизу желтая грязь не оставит им ни единого шанса.

Бедняга Ориал, освободившийся от своих лопнувших цепей, оказался единственным, кто устремился вниз по собственной воле. «Наконец-то! — воскликнул он. — Забвение! О, забвение!»

И он нырнул в море с ликующим хохотом, как будто наконец дождался самого счастливого мгновения своей жизни.

Нат в последний раз повернулся к статуе Неба Орна.

— Что ж, на этот раз нам и вправду пора прощаться, — прошептал он. — Привет тебе, мой старый товарищ. Быть может, когда-нибудь свидимся... Для меня было честью оказаться рядом с тобой.

Взвалив бесчувственную Сигрид на плечо, он стал карабкаться на склон холма, чтобы оказаться как можно дальше от глубоких трещин. За спиной у него снова раздался ужасающий грохот: кормовая часть «корабля» разлетелась в крошку, и содержимое пещеры лавиной посыпалось вниз, прямо в волны. Облако рассыпалось на куски, как сломанная ударом сапога головоломка.

Над осколками мрамора повисла белая пыль.

«Все, что нам теперь нужно, это немного везения», — подумал юноша.

С оглушительным треском от левого края облака откололся большой, похожий на льдину кусок. Нат хотел было перепрыгнуть на него, но было слишком поздно: осколок уже отлетел прочь, вертясь и кувыркаясь.

В последующие минуты от гордого брига капитана Зоида Воркана почти ничего не осталось. Когда риф полностью миновал облако, оно уже превратилось в сотню неравных обломков, пустившихся в нескончаемый дрейф по небесным просторам.

Нат только теперь осознал, что оказался на верхушке осколка шириной едва ли в три десятка шагов. Конечно, его размер можно было счесть ничтожным, однако жаловаться не приходилось — многим матросам повезло куда меньше. Черета мощных ударов сбросила их в море.

Юноша уселся рядом с Сигрид, которая понемногу начала приходить в себя.

«Ладно, — вздохнул он, подводя неутешительные итоги, — итак, я остался на дрейфующем мраморном плоту без еды и питья, в компании девицы с поехавшей крышей, которая, как только очухается, наверняка попытается оторвать мне мужское хозяйство. Но самое главное — мы пока живы. А дальше поглядим».

В СВОБОДНОМ ПЛАВАНИИ

Нат долго вглядывался вниз, в мутные желтоватые волны, где барахтались жертвы недавнего крушения. Он был слишком высоко, чтобы различить лица этих несчастных, однако с удивлением отметил, что изваяние гарпунера не пошло ко дну, а осталось плавать на поверхности. Видимо, несмотря на свою тяжесть, камень и в самом деле оказался пористым. Утопающие отчаянно цеплялись за статую и пытались взобраться на нее, спасаясь от губительных волн. Необъяснимым образом юноша испытал облегчение: почему-то ему было бы тяжелее увидеть, как его старый друг исчезает в пучине.

Прищурившись, он все старался высмотреть внизу Мастраццу и Зоида. Неужели этим двум мерзавцам удалось сбежать, ухватившись за какой-нибудь обломок покрупнее? Поистине, это была бы вопиющая несправедливость. Негодяи не заслуживают подобного везения!

подавив гнев, он внимательно осмотрел обломок, на котором они оказались. Внешне он чем-то напоминал айсберг с ровной и гладкой вершиной...

пожалуй, слишком гладкой: если их начнет болтать ветром, они окажутся в серьезной опасности.

«Если поднимется буря, — прикинул юноша, — нам будет совсем не за что ухватиться».

Однако больше всего остального его тревожило отсутствие воды и пищи.

Сигрид застонала. На подбородке у нее красовался большой синяк, и можно было легко догадаться, что текущее положение дел вызовет у нее большое недовольство, когда она выйдет из забытья.

Тут до Ната дошло, что шум внизу полностью стих — утопающие больше не взывали о помощи. Наклонившись над краем, он увидел, что среди волн болтаются лишь изваяния из «волшебного» камня, сталкиваясь между собой с гулким стуком. Мутагенный яд завершил свое черное дело.

Сигрид приподнялась, потирая ладонью подбородок. Судя по всему, она была сильно не в духе. Ближайшие десять минут она только и делала, что осыпала своего спутника бранью и разнообразными угрозами; устав выслушивать все это, Нат в конце концов велел ей заткнуться.

— Да очнись ты! — рявкнул он. — Твоего защитничка Матраццы здесь больше нет! Облако разрушено. Мы остались одни — ты и я. И если бы я не позаботился о тебе, ты бы уже давно плавала внизу, превратившись в кусок камня, как все остальные.

Сигрид таращилась на него, явно не понимая ни слова. Ухватив ее за плечо, Нат заставил ее глянуть вниз, на желтые волны, где покачивались окаменевшие фигуры. Но вместо того, чтобы пожалеть не-

счастливых, Сигрид подняла руку к шее, вытаращила глаза и завизжала:

— Мои украшения! Они остались там, на облаке! Ты забыл их взять! Идиот, бестолочь тупая! Мне же теперь совсем нечего надеть!

Обескураженно помотав головой, Нат повалился обратно на твердую поверхность камня. Нет, пока девушка находится под действием пилюль счастья, ожидать от нее разумного поведения решительно не приходится.

Весь последующий час Сигрид дулась: усевшись к Нату спиной, она хмуро пялилась в горизонт, поигрывая единственным уцелевшим ожерельем. Должно быть, оплакивала свои утраченные сокровища. Похоже, из-за постоянного употребления наркотика она впала в детство и теперь капризничала, как десятилетняя девчонка.

Вокруг облака сгустился волглый туман, и гладкая поверхность стала опасно скользкой. Нат со страхом подумал о том моменте, когда им неизбежно придется заснуть. Без привязи и даже малейшей опоры они рисковали свалиться за край при малейшем неловком движении.

В ожидании приближающейся ночи Нат попытался втолковать Сигрид, что ей следует непременно держаться в центре их «плота», чтобы не нарушить его устойчивость.

— Нужно тщательно следить за распределением веса, — настойчиво убеждал ее он. — Если обломок хоть немного накренится, мы точно свалимся — нам совершенно не за что уцепиться. Ты понимаешь, насколько это важно?

Но девушка в ответ только передернула плечами.

Нат абсолютно не представлял, что с ними будет дальше и что им следовало предпринять. В какое-то мгновение он подумал: хорошо бы быть похожим на героев всяких приключенческих романов, которых не могут сломить никакие катастрофы и у которых всегда есть наготове план спасения.

«Если пойдет дождь, — решил он, — я смогу собрать немного воды, расстелив на поверхности что-нибудь из одежды. Конечно, если вода не будет чересчур насыщена известняком... в противном случае пить ее нельзя, иначе она превратится в камень прямо в желудке и разорвет нам внутренности».

Оставалась еще проблема с едой. Сумеет ли он изловить какую-нибудь птицу? Вряд ли... Никакого оружия у него не было, а справиться с альбатросом не так-то просто. Если он раздражит их своими попытками, эти твари могут всерьез разозлиться, и тогда ему и Сигрид несдобровать.

Юноша вздохнул. Положение и впрямь оказалось отчаянным.

С наступлением темноты он растянулся посредине «плота» и предложил Сигрид последовать его примеру. Девушка отозвалась с негодующим фырканьем, но в конце концов улеглась рядом. Так они и лежали долгое время, молча, с открытыми глазами, тщетно вглядываясь в окружающий сумрак. Нат боялся уснуть, одолеваемый тревожными мыслями. А вдруг Сигрид воспользуется тем, что он заснул, и спихнет его в пустоту... Она держалась так враждебно, что он и в самом деле думал, что она способна на подобное. С тех пор, как она стала принимать волшебные пилюли Мастраццы, ее поведение стало для него загадкой, словно вся

прежняя личность девушки куда-то исчезла и вместо нее появилась новая — незнакомая, непредсказуемая. Интересно, станет она когда-нибудь снова нормальной?

В конце концов он забылся сном. Вопреки его опасениям, девушка не сделала попыток убить его, и он очнулся с первыми лучами рассвета, чувствуя себя страшно замерзшим. Сигрид дремала рядом, прижавшись к его боку, и тоже стучала зубами от холода.

Чуть позже она встрепенулась, будто стряхивая с себя наваждение, и Нату стало ясно, что она наконец вынырнула из колдовского дурмана, в котором Мастратца продержал ее все путешествие. Примерно час она просидела с озадаченным видом, стараясь осмыслить, что же с ней произошло. Судя по всему, это оказалось непростым делом.

— Прости меня, — сказала она затем с тяжелым вздохом. — Кажется, я вела себя как последняя мерзавка, верно?

— Ты не отвечала за свои действия, — утешающе кивнул ей Нат. — Это все дело рук того гнусного колдунишки. Он днями напролет опаивал тебя наркотиками, так что ты уже не различала, где сон, где явь.

Ему было бы приятно услышать, как Сигрид в присущей ей манере осыпала бы колдуна яростной бранью, но она промолчала, как будто вовсе и не злилась на Мастратцу за то, что он так подло ею пользовался. Ната это порядком огорчило.

День не принес никаких улучшений в их бедственном положении. Голод и жажда уже стали мучительны. Мраморный обломок по-прежнему летел

по воле воздушных течений — послушная игрушка морских ураганов.

— Очень есть хочется, — нарушила молчание Сигрид. — Сил нет терпеть.

— Я знаю, — отозвался юноша, — у меня тоже живот подводит. Увы, тут уж ничего не поделаешь.

— Почему же... у меня в кармане еще осталось достаточно пилюль... Если принять одну, появится ощущение, что ты сытно поел.

— Ты же сама понимаешь, что это только иллюзия.

— Возможно, зато мы перестанем мучиться.

Нат заколебался. Такой выход из положения совсем ему не нравился, но муки голода становились совсем уж нестерпимыми.

— Ладно, — сдался он, — давай попробуем.

Сигрид извлекла из кармана изящную перламутровую бонбоньерку, доверху наполненную голубыми пилюлями. Одну она положила на ладонь Нату, а вторую сунула в рот.

— А теперь, — сказала она, — ты должен сосредоточиться и подумать о том, чего бы тебе больше всего хотелось съесть. Если сумеешь представить себе эти кушанья как можно подробнее, то скоро ощутишь их вкус.

И она с улыбкой прикрыла глаза, отбывая в страну собственных мечтаний. Нат застыл в нерешительности. У него даже мелькнуло желание выбросить пилюлю, но собственный желудок отчаянно запротестовал. Тогда он положил пилюлю на язык, зажмурился и попытался представить себе стол, ломящийся от разнообразных блюд. К его удивлению, эти фантазии почти сразу утратили свою иллюзор-

ность, и он почувствовал аппетитнейший запах жареных цыплят и бараньей ножки... Рот наполнился слюной, и, сам того не сознавая, он принялся жевать с пустым ртом, упиваясь соком воображаемых яств.

Как же это было вкусно! Никогда в жизни он не ел ничего подобного! Трепеща от вожделения, он целиком погрузился в сладостный мираж, запуская руки по локоть в жирные пряные соусы и подливы. От дивных ароматов кружилась голова. Ему казалось, что он мог бы объедаться так дни напролет, не насыщаясь. Он проглотил уже килограммов тридцать, а то и сорок воображаемых нежных, сочных бифштексов... случись такое в реальности, у него бы уже давно лопнул желудок, но в том-то и дело, что ощущаемое им наслаждение оставалось миражом... Он хватал один за другим кубки с терпким хмельным вином и опустошал их большими глотками. Сполна насладившись мясом, он пожелал перейти к сладкому, и воображаемый стол тут же заполнился тортами, пирожными, воздушными кремами, цукатами и конфитюрами, в которые он весело запускал руки, отправляя в рот пригоршни сладостей и облизывая липкие пальцы.

Это фантастическое пиршество длилось часа четыре, затем запахи и вкусовые ощущения померкли и притупились, кушанья утратили соблазнительность... в конце ему уже казалось, будто он жует безвкусный картон. Вынырнув из грезы, он еще некоторое время потирал челюсти, нывшие после многочасового жевания впустую.

Голова раскалывалась от лютой боли... и есть хотелось еще мучительнее, чем до того, как он проглотил проклятую пилюлю!

Сигрид очнулась чуть позже. На ее лице играла улыбка.

— Видел? — окликнула она его. — Гениально, правда?

— Это все не по правде, — проворчал он угрюмо.

— Разумеется, — пожала плечами девушка, — и все равно это гениально. Все-таки молодец этот Мастрацца, ничего не скажешь!

Нат с трудом удержался, чтобы не отвесить ей затрещину.

СТЕНА

Так прошли двое суток. Ослабев от голода, жертвы крушения продолжали время от времени глотать волшебные пилюли, чтобы притупить голодные спазмы в животе. По мнению Ната, это было ошибкой.

— Нужно прекратить это, — попытался объяснить он своей спутнице. — Иллюзия сытости — это очередная ловушка, она не приносит истинной пользы. Мы вот-вот умрем от истощения, сами того не заметив.

— Ну и что толку волноваться об этом, — с раздражением воскликнула Сигрид, — если мы так и так погибнем! Пожалуйста, можешь выбрать смерть в мучениях, если тебе так больше нравится, а я предпочитаю найти убежище в мечтах. Каждому свое.

Нат слишком ослаб, чтобы сделать еще одну попытку переубедить ее, но сам он был уверен, что она заблуждается, что она выбрала неверный путь. Негодуя про себя, он увидел, как она глотает очередную пилюлю и сворачивается уютным клубочком посреди пласта, как котенок в своей

корзинке. Сейчас он очень сожалел, что не нашел нужных слов, чтобы раскрыть ей глаза.

Он остался сидеть рядом, трясаясь от холода. Воспаленный от жажды язык распух и едва ворочался во рту. Плохой признак; значит, он уже сильно обезвожен. Еще немного, и он потеряет сознание. Почему же так долго нет дождя?

К полудню ему стало еще хуже — начали одолевать галлюцинации. Ему слышался далекий перезвон колокольчиков, ветер нес ароматы цветов и спелых плодов... Иногда ему виделись далекие огоньки, мерцавшие в тумане.

«Я схожу с ума», — сказал он себе с мрачной уверенностью. Он хорошо знал симптомы обезвоживания — наслушался о них от моряков, которым случалось терпеть крушение. Значит, конец. Тело исчерпало отпущенные ему пределы выносливости. На этом все и кончится. Он глянул на Сигрид, которая улыбалась во сне, и решил, что пора стащить одну голубую пилюлю из ее запаса. Если уж он обречен, то лучше умереть без боли, в блаженной наркотической дреме. Какое теперь это имеет значение, если надежды все равно не осталось?

Он уже потянулся к заветной бонбоньерке, как вдруг через разрыв в тумане промелькнула какая-то серая громада. Он содрогнулся.

«Вот опять, — подумал он, — еще один мираж».

Сознавая, что ждать ему нечего, он все же принялся вглядываться в туман, надеясь, что тот хоть чуть-чуть рассеется. Внезапно плот нырнул в один из просветов в мутной мгле, и Нат громко ахнул

от изумления. Перед ним, заслоняя горизонт, тянулась исполинская стена высотой в добрую сотню метров, сложенная из грубых камней неравной величины.

Великая экваториальная стена! Легендарный каменный пояс, делящий планету на две половины! Граница мира грязи, за которой простирается чудесный сад...

Случай в конце концов сам привел их к ней. Нат не мог поверить своим глазам. А вдруг это просто очередная галлюцинация?

Он схватил Сигрид за безвольную руку и с силой потряс ее.

— Проснись! — кричал он. — Смотри! Смотри! Вот она, стена!

Девушка вяло отмахнулась, ворча спросонок:

— Отстань от меня... Ты бредишь... Взял слишком много пилуль...

— Да нет же! — настойчиво твердил Нат. — На этот раз все по правде. Просыпайся.

Сигрид с недовольным видом приподнялась на локте, моргая припухшими веками. Ей понадобилось время, чтобы стряхнуть остатки сна, но в конце концов она осознала, что Нату ничего не померещилось. Впереди и в самом деле простиралась с запада на восток каменная стена — огромная, бесконечная, опоясывающая всю планету. Сколько же столетий ушло на то, чтобы ее построить? Сколько миллионов рабочих рук? Сознание отказывалось оперировать такими масштабами, настолько они были чудовищны.

Теперь, когда туман рассеялся, стало лучше видно окрестности. Грязевой океан заканчивался

у самого подножия стены узкой береговой полосой, заваленной каменными изваяниями. К счастью, здесь грязь уже не имела прежнего зловещего желтого оттенка, а значит, в нее можно было погрузиться, не рискуя превратиться в камень.

Стена неумолимо приближалась, возвышаясь над плотом, который плыл на высоте тридцати метров.

— Как жаль, что мы летим слишком низко и не можем видеть, что там, на той стороне! — разочарованно вздохнула Сигрид.

Нат промолчал, напряженно соображая, что теперь делать. Подгоняемый ветром, плот вот-вот разобьется о стену.

«Мы упадем с большой высоты, — подумал юноша, — и сломаем себе шеи о береговые камни».

— Нужно прыгать, — решительно сказал он.

— Что? — простонала Сигрид.

— Медлить нельзя, — настойчиво продолжал Нат. — Давай прыгнем, пока мы еще над океаном. Когда плот полетит над берегом, будет уже поздно, мы разобьемся. Грязь сработает как матрас и позволит нам уцелеть. Давай, стена уже близко. Нас подхватило воздушным течением, и плот движется все быстрее.

Он неловко поднялся на ослабевшие ноги, потянув следом за собой девушку, и, не тратя времени на раздумья, одолел отделявшие их от края пять шагов и прыгнул. Сигрид отчаянно завопила.

Жижа внизу была такой вязкой, что приняла их мягко, без удара. Собрав последние силы, они поплыли к берегу, где громоздились скопившиеся

за века фигурки окаменевших рыб. Эти мелкие изваяния образовали целый пляж, ходить по которому, правда, можно было только с риском вывихнуть ноги.

Когда Нат и Сигрид, перепачканные в липкой глине, выбрались наконец на сушу, в них с трудом можно было распознать людей. Впрочем, их переполняло такое ликование, что на подобные пустяки они не обращали внимания.

Высоко над их головами облако ударилось о каменную кладку, рассыпаясь с хрустальным звоном.

НАСТАВНИК ПО ВОСХОЖДЕНИЮ

Не в силах сделать больше ни шагу, Сигрид и Нат повалились на землю. Циклопическая стена нависала над ними, подавляя своими размерами. Чтобы разглядеть ее верхний край, приходилось запрокидывать голову так сильно, что начинали ныть шейные позвонки.

Звук чьих-то шагов вывел их из оцепенения: прямо к ним шагал какой-то старик — худой, жилистый, с клочковатой бородой, в одеянии из ящериних шкур, какое обычно носили рыбаки на Алмоа, и с трезубцем в руках. Что он намеревался сделать? Напасть на них? Сбросить их обратно в море? Нат от души понадеялся, что нет: сопротивляться он был неспособен. Долгий пост лишил его последних сил.

— Приветствую вас! — воскликнул незнакомец. — Мое имя — Безелиус Буканнон, я ваш наставник по восхождению. Если вы согласитесь воспользоваться моим гостеприимством, я буду рад угостить вас миской похлебки и куском хлеба.

Нат поблагодарил его, поднимаясь на ноги; то же самое сделала Сигрид. Похоже, стариком дви-

гали вполне мирные намерения, хотя выглядел он весьма воинственно: седые космы заплетены в сальные свалаявшиеся косички, на иссохших бедрах болтался длинный, угрожающего вида кинжал. Судя по всему, питание ящериным мясом на протяжении многих десятков лет вызвало в его организме некоторые мутации: между пальцами ног выросла перепонка, кожа покрылась чешуей, зубы заострились, как у рептилии...

Подав знак следовать за ним, старик пересек береговую полосу и направился к подножию стены, где в окружении сушащихся на вешалах сетей стояла ветхая покосившаяся хижина.

Нату и Сигрид пришлось нагнуться, чтобы пройти в низенькую дверь. Обстановка внутри оказалась самой простецкой: грубо сколоченный стол, лавка, большой обитый железом сундук. Сбоку на крохотной печурке томился котелок с похлебкой; с низких балок свисали куски копченого мяса. Безелиус знаком велел им садиться и положил перед каждым кусок резинового хлеба из водорослевой муки.

— Ешьте потихоньку, — велел он. — Желудки у вас сжались от долгого голодания, так что не спешите.

Похлебка оказалась весьма неплоха. «В любом случае, — подумал Нат, — я так проголодался, что мне сейчас даже подошва, сваренная в моче кашалота, показалась бы вкуснятиной!»

— Я всегда встречаю здесь тех, кто приходит с моря, — заговорил старик, устроившись на углу стола. — Это вроде как моя работа. Люди появляются вдруг из тумана, совсем как вы, собираясь

взобраться вверх по стене и проникнуть в сад. Одни прислушиваются к моим советам, другие предпочитают действовать на свой страх и риск, презрев всякую осторожность.

— Так, значит, мы здесь не первые? — удивился Нат.

Безелиус хрипло рассмеялся.

— Само собой, не первые, парень, — отозвался он, почесывая бороду. — За минувшие годы их перебывало тут немало. Десятки. Многие погибли при восхождении, и я подобрал их изломанные тела у подножия стены. Возможно, кому-то из них удалось перебраться на другую сторону — этого я не знаю. Во всяком случае, больше я их не видел.

— А что там, на другой стороне? — спросила Сигрид, жадно жуя и утирая зеленый от супа подбородок.

— Понятия не имею, — ответил рыбак, разведя руками. — Я туда попасть не пытался — слишком уж я стар для подобных приключений. По легенде, там, за стеной, лежит огромный сад, занимающий половину планеты. Сад, полный чудес.

— А кто построил эту стену?

— Роботы, машины... согласно одним древним текстам. А другие пергаменты, не менее древние, утверждают, что это были великаны, циклопы... Большого я тебе не скажу, я не ученый. Одно можно считать фактом: люди, жившие в той части света, предчувствовали катастрофу и воздвигли эту стену, чтобы уберечься от нее. И правильно сделали, кстати, если бы не она, их земли тоже затопило бы грязевым океаном.

— Так значит, — мечтательно протянула Сигрид, — сад чудес и в самом деле существует!

— Возможно, — буркнул Безелиус. — Живых свидетелей я не видел. Может статься, вообще никто из тех, кто предпринял восхождение, не дошел до вершины! Не надо иллюзий, красавица, карабкаться по этой стеночке — дело не пустяковое. Нужно соблюдать определенные правила, уметь избегать ловушек... Если мы сумеем договориться, возможно, я продам вам парочку полезных советов.

У Ната на языке вертелись тысячи вопросов, но усталость неумолимо брала свое. Он широко зевнул.

— Вам нужно отдохнуть, — решительно заявил старик. — Ложитесь-ка вот на этот тюфяк. Поговорим обо всем завтра, когда вы как следует выспитесь.

Молодые люди повалились на тощее ложе и тут же уснули. Пробудились они только на следующий день ближе к вечеру, изнемогая от голода. Пока они снова подкреплялись похлебкой, Безелиус изложил им условия сделки.

— Вот что я вам предлагаю, — сказал он. — Ты, парень, будешь в течение месяца рыбачить и охотиться, чтоб заготовить мне запас провизии. А ты, девица, будешь тянуть пряжу из водорослей и вязать мне теплую одежду. Сошьешь заодно мне новый плащ из шкур ящериц, которых добудет твой приятель. Тогда мне будет во что одеться, когда похолодает. Взамен я научу вас всему, что сам знаю про стену, а вы тем временем будете есть досыта и спать под крышей. Наберетесь сил,

окрепнете. Я буду поить вас настойками трав, которые помогут вам преодолеть болезненные эффекты тяготения при восхождении. Ну, что скажете?

«А есть ли у нас выбор?» — подумал Нат и ответил:

— Хорошо, мы согласны.

Сигрид недовольно скривилась: перспектива ковыряться в водорослях и заниматься вязанием ничуть ее не вдохновляла.

— Вот дерьмо! — буркнула она. — А мне, значит, опять достается самая грязная работа!

Так они попали в услужение к Безелиусу Буканнону. Пока они трудились, старик посиживал на камушке у берега, куря дымную трубку и предаваясь сладостному ничегонеделанию. Нат охотился на грязевых ящеров, как делал это в прошлом, когда пытался вести образ жизни кочевников. Он быстро восстановил свои прежние навыки. Его мышцы постепенно наливались силой, кости окрепли. Готовясь к предстоящим испытаниям, по вечерам он заставлял Сигрид тренировать силу и гибкость упражнениями. Девушка брюзжала, но подчинялась. Когда перламутровая бонбоньерка опустела, ей пришлось примириться с реальностью. Первое время это давалось ей тяжело, но прошла неделя, и она начала понемногу приспосабливаться к новой жизни. Тем не менее частое употребление наркотика повлияло на ее память: она почти забыла о существовании Неба Орна, а пребывание у пиратов запомнилось ей как сплошной веселый праздник. К большому неудовольствию Ната, Матрацуу она помнила даже слишком хорошо, и каждый раз,

когда ей случалось произнести его имя, на ее лице появлялось мечтательное выражение.

«Неужели она в самом деле в него влюбилась?» — размышлял юноша, который до сих пор объяснял ее увлечение исключительно следствием наведенных чар. Впрочем, он с трудом мог разобраться даже в собственных чувствах. Что он сам испытывал к Сигрид? Сказать по правде, он точно не знал. Они знали друг друга так давно! Сначала общие игры в детстве, потом дружба, потом... а что же потом? Он не понимал толком, и это сильно его раздражало. Больше всего ему не хотелось признаться в собственной ревности.

«Это все из-за колдуна, — лгал он сам себе. — Зря она с ним связалась; если бы она выбрала какого-нибудь хорошего парня, я бы только порадовался за нее... Да, конечно, все дело в этом».

Однажды утром, растягивая вдоль берега сети, Нат с удивлением обнаружил изваяние Неба Орна, прибившееся к куче окаменевших рыб. Пронизанная пузырьками воздуха, статуя оставалась на плаву, вопреки огромному весу, и морские течения принесли ее сюда; здесь она и лежала на боку, наполовину погрузившись в ил и запутавшись в водорослях. Юноша страшно обрадовался, решив, что это добрый знак: Неб словно одобрял их выбор, решив поддерживать друзей до конца.

Он как смог почистил статую и с той поры стал приходить к ней ежедневно. Присутствие гарпунера поддерживало его дух.

«Неб присматривает за нами, — твердил он сам себе. — Где бы он сейчас ни был, душой он с нами».

В голове у него непрестанно вертелись слова Ориала:

«Никто не знает, что на самом деле происходит с живыми существами, когда они обращаются в камень. Не исключено, что дух их продолжает жить внутри окаменевшего тела...»

«Так и есть, — мысленно повторял Нат. — Он не умер, я чувствую это. Он все еще здесь, в плену у камня, но однажды я непременно освобожу его... когда-нибудь».

На исходе месяца Безелиус счел, что молодые люди выполнили свою часть соглашения и настало время ему выполнить свою. Усевшись на камень, он жестом указал им сесть у его ног.

— Когда я высадился на этот берег, целую вечность назад, — начал он, — меня встретил здесь странный человек, примерно того же возраста, как я сейчас, и назвался мне наставником по восхождению. Он был болен и чувствовал свой скорый конец. Тогда он объяснил мне, что является обладателем сундука, в котором хранятся некоторые магические предметы. Эти предметы предназначались для тех, кто выражал намерение перебраться через стену. В обязанности наставника входило известить об этом желающих и предложить им на выбор один из предметов для совершения восхождения.

— Ну и что это за предметы? — нетерпеливо перебила Сигрид.

— На первый взгляд они удручающе банальны. Судите сами: пара перчаток и веревка. Согласно правилам, можно выбрать что-то одно, ни в коем случае не то и другое сразу. Так что вам придется

подчиниться и тоже удовольствоваться либо перчатками, либо веревкой.

— А что это был за человек? — спросил Нат. — Он рассказал вам, кто ему доверил эту миссию?

— Он и сам не знал. Он заступил на место своего предшественника, который в свою очередь... В общем, вы поняли, верно? Просто так здесь устроено. Однажды кто-то ступает на этот берег, и старик предлагает ему подхватить эстафету, потому что чувствует свой смертный час. Человек, обитавший в этой хижине, предложил мне выбор: либо я лезу на стену, либо становлюсь его преемником. Другого решения он мне не оставил. Если бы я отказался от обоих предложений, он сбросил бы меня обратно в море или убил бы ударом трезубца.

— И вы предпочли остаться внизу? — удивилась Сигрид.

— Ну да, — кивнул Безелиус. — На восхождение мне не хватило смелости. Я всю жизнь боялся высоты и понимал, что стену мне не одолеть. Когда же старик умер, я занял его место. Сегодня я сам должен задать вам вопрос, который некогда он задал мне: что вы предпочитаете — совершить восхождение или стать моей сменой?

— Мне жаль, наставник, — сказал Нат, — но мы все же хотим попробовать перебраться через стену. Даже если это безумие.

— Что ж, именно это я и должен был выяснить. Призывать вас к осторожности не входит в мою задачу. Я должен всего лишь снабдить вас необходимым снаряжением. Пойдемте в хижину, я покажу вам, о чем идет речь.

Нат и Сигрид последовали за ним. В хижине Безелиус отомкнул тяжелый висячий замок, запиравший огромный сундук, который занимал угол общей комнаты, и откинул кованую крышку. Раздалось негромкое потрескивание. Внутренняя часть сундука была целиком обита стальными пластинами, и в ее глубине мерцало голубоватое свечение. Нагнувшись, Нат увидел на дне моток веревки, пару перчаток... и пузырек с маслянистой жидкостью.

«Интересно, — отметил про себя юноша, — для чего нужен этот флакончик? Безелиус ни разу о нем не упомянул».

Сигрид, заглянув в сундук, с удивлением заинтересовалась:

— Как же так? Если вы на протяжении многих лет снабжаете снаряжением всех желающих отправиться на приступ стены, то почему этот сундук еще не опустел?

— Не имею представления, красавица, — признался старик. — Все, что мне известно, — это что всякий раз, когда за минувшие полвека я поднимал эту крышку, в сундуке смирнехонько лежал моток веревки и пара перчаток. Они появляются снова и снова благодаря магии. Стоит взять оттуда перчатки или веревку — тут же автоматически появляется новая пара или новый моток, чтобы восполнить недостачу. Я даже не пытаюсь вникать в эти чудеса. Колдовство, и все тут.

Нат не стал возражать, хотя в глубине души ни в какую магию не поверил.

«Наверняка этот сундук — особая машина, которую смастерили наши предки, — подумал

он. — Машина, способная удваивать определенные разновидности предметов. Сейчас эта наука утрачена, и мы понятия не имеем, как такая машина может работать».

Сказать по правде, он терпеть не мог магию вообще, считая ее всего лишь способом морочить людям голову.

— Перчатки разом удешевят и вашу силу, и вашу сноровку, — пояснил Безелиус, понизив голос. — Они инстинктивно находят опору, позволяя нащупать верный путь к самой вершине стены. Кроме того, они обладают собственной физической силой, которая заменит вашу собственную, если вы устанете. Короче говоря, они делают всю работу за вас, вам остается только слушаться их. Именно так действуют все волшебные перчатки в мире, вот только...

— Только что? — заметила Сигрид с сарказмом.

— Их автономия ограничена, — признался старик. — Они подвержены разным, знаете ли, техническим неисправностям. Иногда вдруг перестают работать через час, превращаясь в обычные кожаные рукавицы... что не очень-то удобно, если вы висите на вертикальной стене на высоте метров в шестьдесят. А иногда они вдруг вцепляются в камень мертвой хваткой, и оторвать их невозможно. В этом случае надевший их человек становится их пленником, не в силах высвободить руки. Если поразглядывать стену в бинокль, можно увидеть несколько скелетов, которые болтаются там много лет на перчатках, так и не разжавших хватки.

— Звучит не очень обнадеживающе, — вздохнула Сигрид. — Насколько я понимаю, вы не рекомендуете нам воспользоваться данным средством.

— Вовсе нет, — поправил ее Безелиус. — Я не могу вам что-то рекомендовать или от чего-то отговаривать. Мое мнение в расчет не идет. Я просто объясняю вам, как обстоят дела, а уж выбор остается за вами. Иногда перчатки работают отлично, и стенолаз только радуется, что выбрал их. Тут весь вопрос в везении.

— А веревка? — задал вопрос Нат.

— Вереvка тоже волшебная, — зашептал старик. — Ее называют веревка-змея, потому что она способна двигаться сама по себе. Если вы привяжете один ее конец к поясу, она втащит вас на вершину, не требуя от вас никаких усилий. Будет ползти по стене, как исполинская гусеница, и тянуть вас за собой.

— Но? — опасливо спросил Нат. — Ведь наверняка имеется какое-нибудь «но», не правда ли, наставник?

— Так и есть. Эта веревка — штука капризная. Иногда она отказывается подчиняться... и даже бунтует. Может случиться, что она вдруг обовьется вокруг вашей шеи и удавит вас. Для того чтобы избежать подобных неприятностей, желательно заранее натереть ее маслом послушания, которым наполнен этот пузырек.

С этими словами он извлек из сундука замасленную бутылочку, которую Нат уже успел заметить.

— Масло послушания? — нервно хихикнула Сигрид.

— Уж поверьте, — проскрипел наставник, сурово нахмурившись, — ничего смешного в этом нет. Многие путешественники погибли из-за того, что не приняли всерьез мои советы. Перчатки или веревка... Другого способа взобраться на вершину стены попросту не существует — слишком она гладкая, и к тому же полна ловушек. Добиться успеха можно только с помощью магии, но, как известно, у магии есть своя обратная сторона. Придется вам с этим смириться. В конце концов, никто не принуждает вас перебираться через стену. Можете предпочесть сделаться моими сменщиками... или отправиться восвояси. Таков закон, а уж решение остается за вами.

— Мы полезем наверх, — решительно заявил Нат. — Только дайте нам время подумать.

— Ладно уж, — сдался Безелиус, — давайте, пройдитесь по пляжу. Но когда вернетесь, вам придется решить окончательно: перчатки или веревка.

Нат и Сигрид отошли в сторонку и уселись у самой кромки воды, чтобы как следует обсудить преимущества и недостатки каждого из предложенных средств. Выбор оказался трудным. То им казалось, что для их цели лучше подходят перчатки, то вдруг их охватывали сомнения, и они склонялись в пользу веревки. Так они меняли мнение пять или шесть раз, но когда вернулись в хижину, в один голос заявили: «Веревка».

— Отлично, — кивнул Безелиус. — Вам нужно будет обвязаться ею, как делают альпинисты. А дальше хорошенько следите за чертовым канатом. Как только он начнет подсыхать, пропитайте

пеньку маслом послушания, иначе он начнет вытворять, что ему вздумается. Ни в коем случае не давайте пеньке высохнуть, не то сильно пожалеете. А теперь поешьте, попейте и соберитесь с силами: после полудня отправитесь.

— А сколько времени нужно, чтобы добраться до вершины? — спросила Сигрид с опаской.

Старик покачал головой.

— Говорят, около часа, — ответил он. — Но при этом, конечно, не берут в расчет всякие сложности, возникающие на маршруте. Пока будете лезть, не теряйте бдительности. Если будете достаточно внимательны, то сможете разглядеть разного рода указания или предупреждения, начертанные на стене. Не пренебрегайте ими — возможно, они спасут вам жизнь. На некоторых выступах лежат разнообразные предметы. Осматривайте их, но будьте осторожны — они могут оказаться ловушкой. Большого я сказать вам не могу, ведь сам я наверх не взбирался. И бесполезно спрашивать меня о том, что ожидает вас на той стороне.

— А если там тоже одна только грязь, как и здесь? — прошептала вдруг Сигрид со страхом. — Что, если и там то же самое...

— Возможно, — пожал плечами Безелиус. — Откуда мне знать? Никто ни разу не вернулся ко мне, чтобы рассказать, что там да как. Может статься, этот сад чудес — всего лишь легенда.

«Во имя всех богов мироздания, — пронзила вдруг Ната страшная мысль. — А что, если люди, живущие по разные стороны стены, испокон веку утешают себя одними и теми же сказками? Что,

..... ЗАПРЕТНАЯ СТЕНА

если обитатели мира по ту сторону стены слагают легенды о саде чудес, который находится здесь...»

Он вздрогнул, отгоняя липкую волну ужаса, захлестнувшую его сознание.

Одно и то же по обе стороны стены... та же грязевая равнина, та же безнадежность...

Он потряс головой, всеми силами прогоняя мрачное видение.

ВОСХОЖДЕНИЕ

С глубоким почтением Безелиус извлек из стального сундука моток веревки и положил его к ногам Ната, не забыв присовокупить к нему пузырек с маслом послушания.

— Ну вот, — сказал он. — Дальше действуйте сами. Надеюсь, удача вас не оставит. И тогда, если вам удастся взобраться на вершину стены, не забудьте про меня: напишите на гладком камушке, что вы увидели с высоты, и сбросьте ваше послание на мою сторону. Тогда я смогу удовлетворить свое любопытство, прежде чем умру.

Сигрид приняла из рук старика круглый белый окатыш и обломок карандаша.

— Я обязательно это сделаю, — пообещала она. — А потом брошу письмо в сторону хижины. Вам останется только поискать вокруг.

— Спасибо тебе, красавица, — ответил Безелиус. — Это будет мне приятным занятием. Развлечения тут большая редкость, знаешь ли.

Нат поднял веревку. Сухая и жесткая, она обдирала ладони. Длины в ней было метров двадцать. Внезапно она дернулась, вырвалась из рук юноши

и хлестнула воздух едва ли не в сантиметре от его лица. Нат отскочил назад, едва увернувшись от удара, который запросто мог бы отсечь ему нос. После этого веревка метнулась в сторону и поползла между камней, как какой-нибудь удав.

— Я ведь тебя предупреждал, — хихикнул Безелиус, — характер у нее вздорный. Если считаешь ею попользоваться, смажь ее маслом послушания. Без этой меры предосторожности толку ты от нее не добьешься.

Нат в сердцах выругался. До сих пор он не слишком-то принимал предостережения старика всерьез, и, как выяснилось, напрасно. Еще бы немного — и веревка вполне могла оставить его без глаза.

— Ну-ка, помоги мне, — велел он Сигрид. — Вдвоем нам будет проще с ней справиться.

Но не тут-то было: даже для двоих задача оказалась не из простых.

Стоило протянуть к ней руку, как строптивая веревка тут же принималась яростно извиваться и щелкать, как бичом. Им пришлось потратить немало времени, прежде чем они сумели натереть ее маслом от одного конца до другого. Хорошенько промаслившись, веревка смягчилась и наконец-то перестала вырываться: ладони у Ната и Сигрид и так уже горели огнем.

— Теперь не теряйте времени, — посоветовал им Безелиус. — Высохнет она быстрее, чем вы думаете. Давайте, обвязывайтесь.

Молодые люди обвязались веревкой вокруг пояса на расстоянии метров пяти друг от друга.

— Вот и славно, — кивнул старик. — А теперь вы должны сказать: «Веревка, подними меня наверх». Без этого она с места не сдвинется.

Чувствуя себя ужасно глупо, Нат все-таки пробормотал положенные волшебные слова и тут же почувствовал, как его тело резко дернули. Обмякшая было веревка ожила и быстро заскользила, извиваясь среди валунов. Потрясенным путешественникам ничего не оставалось, как последовать за ней.

Напоследок Безелиус протянул им котомку с кое-какими припасами и прочими предметами первой необходимости.

— Ах да, чуть не забыл, — прибавил он на прощание, — будьте осторожны, эта веревка не умеет спускаться.

— Что? — переспросила Сигрид, быстро удаляясь.

— Она умеет двигаться только вверх, — прокричал им вслед Безелиус, сложив ладони рупором. — Только подниматься, все выше и выше. Не забудьте об этом.

Тем временем канат из промасленной пеньки уже достиг подножия стены. Там он помедлил секунды три, словно примеряясь, а потом, как будто осознав наконец, что от него требуется, принялся взбираться по вертикальной поверхности, плотно прижимаясь к каменной кладке. Нат не верил своим глазам. Обвязанная вокруг пояса веревка тянула его с такой силой, что можно было не сомневаться: она с легкостью подняла бы и слона. Юноша еще не успел понять, что происходит, как его уже оторвало от земли и потащило вверх. Через мгновение то же самое случилось и с Сигрид. Процесс оказался весь-

ма болезненным: под действием тяготения жесткая веревка люто врезалась в поясицу, и молодые люди быстро пожалели, что не позаботились смастерить себе защитные пояса из свернутых тряпок.

— Поверить не могу, — пропыхтел юноша.

— Я тоже, — призналась Сигрид. — И все-таки это работает!

Нат никак не мог отвести глаз от куска обычного на первый взгляд пенькового каната, который извивался по стене, как какая-то чудовищная гусеница. Ощущение было такое, словно невидимый силач тащит их за собой.

Как только они поднялись метров на десять, голову стиснуло жестокой болью. Тяготение Алмоа вступало в свои права.

Нат с тревогой задумался, в каком состоянии окажется его мозг к концу восхождения. Да уж, вот когда быгодились антигравитационные пилюльки Мастраццы!

«Хочется верить, что целебные отвары, которыми поил нас Безелиус, тоже сделают свое дело», — понадеялся он.

Как и советовал старик, вниз он старался не смотреть, а также не думать о том, что будет, если веревка-змея внезапно утратит свои волшебные свойства и сорвется со стены, отправляя своих «пассажиров» в свободный полет.

Обливаясь потом, он поглядывал по сторонам, но до сих пор ничего обнадеживающего ему на глаза не попадалось. Он уже успел заметить парочку полуистлевших трупов, застрявших посреди подъема. Судя по всему, доставшиеся им волшебные перчатки свело судорогой, и разжать железную хватку

они уже не смогли. Злосчастные путешественники так и остались пленниками стены, не найдя способа избавиться от отказавших вдруг перчаток. Нат про себя порадовался, что не воспользовался для подъема этим средством.

Но окажется ли веревка надежнее?

Время от времени она вдруг останавливалась и принималась извиваться, раскачивая своих «пассажиров» во все стороны, будто желая от них избавиться: ноша явно была ей не по вкусу. Всякий раз, когда это случалось, Нат откупоривал пузырек с маслом послушания и спешил смазать им зловерный канат вокруг себя в надежде, что благотворные свойства этого зелья распространятся по всей длине.

Вскоре на их пути стали попадаться надписи, вырезанные в камне. По большей части они представляли собой иронические назидания вроде: «Любопытство — злейший порок...», «Тебя ждет большое разочарование, к чему упорствовать? Поверни назад, пока не поздно...», и прочие сентенции подобного рода.

— Ты это видел? — окликнула его снизу Сигрид.

— Ага, — отозвался юноша. — Похоже, те, кто живет по ту сторону стены, не жаждут нашествия чужаков. Вот они и пытаются нагнать на иммигрантов страху.

«Кто-то хочет сбить нас с пути, — думал он. — Но мы не дадим так легко запугать нас».

Чуть позже стали появляться и другие надписи, оставленные теми, кто побывал здесь до них. Некоторые ему удалось разобрать.

«Это ужасно, — прочел он в одном месте. — Мы все погибнем. Жак уже сорвался вниз, я осталась совсем одна. Долго мне не продержаться. Если кто-то прочтет мои слова — не повторяйте нашей ошибки, поверните назад...»

После этого, боясь растерять остатки мужества, он перестал обращать внимание на скелеты и прочие останки, скорченные на выщербленных карнизах.

По мере того как они поднимались все выше, туман становился плотнее. Вскоре они перестали видеть что-либо дальше трех метров. В некоторых местах мгла начала обретать плотность фарфора, так что Нату и Сигрид приходилось прокладывать себе путь, пробивая ее слои ударами кулаков. На их счастье, туманная пелена оставалась пока слишком хрупкой и не представляла серьезной опасности.

— Кажется, мы уже приближаемся к вершине, — сообщил Нат. — Будь наготове...

Он не ошибся: не прошло и четверти часа, как на смену каменной вертикали явилась плоская вершина, лишенная какой-либо ограды.

«Добрались!» — подумал юноша с облегчением. Но радость оказалась преждевременной: не успел он ступить на гребень стены, как опора ушла у него из-под ног, и он обнаружил, что продолжает подниматься в воздух! Вместо того чтобы замереть, волшебный канат продолжал тянуться к облакам, как в фокусе факира! Увлекая за собой «пассажиров», он с каждой секундой поднимал их все выше и выше, неумолимо отдаляя от цели путешествия.

Нату внезапно вспомнились напутственные слова Безелиуса: «Осторожно! Веревка умеет только подниматься!»

Ну конечно, так и есть! Она не умеет ни спускаться вниз, ни даже останавливаться! Стоит ее однажды запустить — и она будет упрямо продолжать путь вверх.

— Нужно отвязаться! — закричал Нат. — Скорее! Иначе она поднимет нас в небо. Если так пойдет дальше, нас разобьет об облака!

Торопливо порывшись в котомке, которую снарядил им с собой старик, он выхватил из нее нож и принялся что было сил пилить щербатым лезвием жесткую пеньку. Паника стиснула ему горло. Нет, они не могут проиграть теперь, после всех пережитых испытаний! Они должны вырваться из этой ловушки, сейчас же!

Наконец веревка сдалась, и он почувствовал, что срывается в пустоту. Вглядываясь в туман под ногами, он запаниковал при мысли, что ветер мог отнести его в сторону от гребня стены, и теперь он разобьется у ее подножия...

Однако через мгновение его ноги коснулись мощенной плитами дорожки. Он оказался прямо на вершине!

Сигрид с воплем покатила по мостовой рядом: обвязанный вокруг ее пояса обрывок веревки отчаянно дергался, как будто пытался продолжить восхождение. К счастью, ему не хватало ни длины, ни силы, чтобы снова утянуть молодых людей в небо. Нат как смог быстро разрезал обвязку, и обрывки пеньки разлетелись во все стороны.

— Безелиус мог бы нас предупредить, — проворчала Сигрид.

— Он и предупредил, — заметил Нат, — но только в самую последнюю минуту. Не исключено, что он намеревался сыграть с нами злую шутку.

— Я бы не удивилась, — сердито прошипела девушка. — Мне все время казалось, что он ведет двойную игру. Так что я вовсе не уверена, что он и в самом деле желал нам успеха.

— Может быть, он здесь для того, чтобы подстраивать ловушки всем желающим перебраться через стену? — со вздохом предположил Нат. — Довольно ловкий способ избавляться от них, не вызывая подозрений.

Они умолкли: в ушах уже звенело от непомерного давления. Никогда они еще не поднимались так высоко: даже облако Зоида Воркана летало куда ниже.

— У меня голова сейчас лопнет, — простонала Сигрид.

Нат подошел ближе к краю, надеясь рассмотреть что-нибудь внизу, но густая, как вата, пелена тумана закрывала все пространство к югу от стены — там, где, по легенде, должен был простираться чудесный сад. Юноша ощутил острое разочарование.

— Что за подлость! — пожаловалась Сигрид, разделяя его досаду. — Совсем ничего не видно!

— Не стоит здесь оставаться, — пробормотал юноша. — Ветер крепчает. Нужно отыскать какое-нибудь убежище и подождать, пока рассеется мгла.

Горбясь под порывами ветра, они принялись обследовать гребень. По его краям не было ни пе-

рил, ни даже низкого парапета, за который можно было бы ухватиться в случае потери равновесия. Мощеная дорога уходила в бесконечность, ничем не защищенная от шквалистых порывов ветра. Если бы разразилась буря, устоять на ногах не удалось бы никому, и риск упасть за край казался более чем реальным.

Ширина гребня составляла не более пяти метров. Учитывая, что по обе стороны от него лежала бездна, это было совсем немного.

«Хорошо еще, что пока туман спасает нас от высотного головокружения, — подумал Нат. — Но как только он развеется, нам придется бороться еще и с этим».

— Я замерзла, — пожаловалась Сигрид.

Нат почувствовал, что его тоже трясет от холода. Ветер продолжал усиливаться: теперь он походил на невидимого зверя, который то и дело бодал их то в бока, то в спину, сияясь сбить с ног.

Минут через двадцать они наткнулись на нечто вроде полуразвалившейся караульной башенки и нырнули в нее. На заросшем пылью полу валялись разъеденные ржавчиной остатки утвари: миски, кружки, ножи...

— Давно здесь никто не появлялся, — отметил Нат.

— Да уж, — протянула Сигрид. — И все же это означает, что некогда здесь был сторожевой пост, и дозорные наблюдали за грязевой равниной... а может, и сталкивали вниз тех, кто пытался одолеть стену. Почему же сейчас здесь никого нет? Вот в чем главный вопрос.

Нат только покачал головой. Он понимал, к чему клонит девушка. В самом деле, вид этих руин наводил на тревожные мысли.

Однако он решил отложить их на попозже: сейчас важнее всего было уберечься от надвигающейся бури.

Они сели на мощный плитам пол, тесно прижавшись друг к другу, чтобы сберечь хоть немного тепла студеной ночью. Впрочем, учитывая обстоятельства, им следовало благодарить судьбу, что они нашли хоть это укрытие.

Нат размышлял о том, что Сигрид, судя по всему, полностью оправилась от своих травм. Ходила она совершенно нормально, как будто магия Мастраццы продолжала действовать до сих пор. Оставалось только надеяться, что так будет продолжаться и дальше.

Спустя три часа ураган набрал силу, хлеща свирепыми шквалами по гребню стены, но Нат и Сигрид, сжавшиеся в комок в ветхой караулке, могли чувствовать себя в относительной безопасности. Когда шторм улегся, была уже глубокая ночь. Они подкрепились остатками провизии из котомки и кое-как устроились ночевать.

БЕЗМОЛВНЫЙ САД

Ната разбудил аромат листвы, свежей травы, спелых фруктов... Эти столь непривычные запахи заставили его настороженно приподняться.

Небо прояснилось. Яркий солнечный свет вливался в узкую бойницу, озаряя все помещение. Сигрид успела вскочить на ноги первой и с любопытством высунулась наружу. Нат поспешил за ней.

Ветер развеял туман. Они тут же бросились к южному краю стены — посмотреть, что же находится по ту сторону грязевой равнины, — и одновременно вскрикнули от изумления.

Сад раскинулся перед ними...

Пышный, густой, огромный. Настоящие джунгли: исполинские деревья, листва всех оттенков, лианы... Тропический лес простирался до самого горизонта. За густым пологом не было видно ни земли, ни каких-либо строений.

— Во всяком случае, ни больших зданий, ни других высоких сооружений там нет, — отметила Сигрид.

— Ты права, — кивнул Нат. — Ни городов. Ни сторожевых башен...

Никакого большого города? Это привело его в растерянность. Он-то ожидал увидеть целую процветающую цивилизацию, купающуюся в изобилии и роскоши. Полную противоположность нищей грязевой равнине. Сплошной девственный лес вызывал в нем тревогу и недоверие.

Сигрид тоже выглядела озабоченной.

— О чем ты думаешь? — спросил он ее.

Нахмурившись, девушка пробормотала:

— Чудно все это... Ни птиц, ни бабочек, ни обезьян, ни... ни всех этих зверюшек, о которых говорится в старинных книгах. И не слышно ничего! Эти огромные, цветущие джунгли необитаемы. Тебе это не кажется странным?

— Да уж. Совсем не похоже на то, как я представлял себе сад чудес. Мне казалось, он должен кипеть жизнью — знаешь, звонкие крики, шорохи, разноцветные птицы в кронах...

Говоря это, он тоже подумал о старых, порядком замусоленных иллюстрированных книжках своего детства, которые заботливо передавались в семьях из поколения в поколение.

Сигрид склонилась над краем.

— А как нам отсюда спуститься? — удивилась она. — Здесь же нет никакой лестницы!

Недоверчиво хмыкнув, Нат тоже глянул вниз, но вынужден был признать очевидное: нигде рядом и вправду не было видно ступенек, соединяющих вершину стены с землей.

— И как же они сюда взбирались? — буркнул он, раздосадованный этим новым препятствием.

— Пойдем поищем дальше, — решила девушка. — Где-то же должен быть спуск.

Перед тем как тронуться в путь, она вынула из кармана белый окатыш и карандашный огрызок, которые вручил ей на прощание Безелиус. Быстро нацарапав что-то на поверхности камня, она бросила его на ту сторону, где лежала грязевая равнина.

Перехватив взгляд Ната, она пожала плечами и буркнула:

— А что такого? Я же дала обещание, верно? Я просто написала: «Сад существует, но он не поет».

— Ладно, пошли, — нетерпеливо сказал юноша. — Мы должны найти способ спуститься на землю до того, как у нас лопнут мозги. Не знаю, как у тебя, а у меня голова просто раскалывается от боли. И кровь идет из носа... Настойки Безелиуса на нас больше не действуют.

Они зашагали по гребню, стараясь держаться посередине мощеной дороги, подальше от края. Молчаливый лес внизу внушал неясную тревогу. Каждые два километра им попадалась очередная более или менее разрушенная караульная башенка без всяких следов жизни. Вскоре дали знать о себе жажда и голод.

— Вот дьявол! — в сердцах воскликнул юноша. — Похоже, мы так и будем брести бесконечно до самого горизонта.

— Давай-ка передохнем, — сказала Сигрид, оглядываясь назад. — Мы идем слишком быстро и из-за этого кое-чего не заметили...

— Чего же?

— Видишь вон то дерево с красной листвой? Совсем недавно оно еще не было таким высоким.

— О чем это ты...

— Да, оно тогда выглядело более приземистым. Оно растет. Ты недостаточно наблюдателен. А я все время засекала высоту леса относительно стены и могу тебя заверить, что то дерево увеличилось в размерах. К полудню его крона достигнет самого гребня. Теперь понял? Вот они, те самые лестницы, которые мы ищем! Здесь ими служат красные деревья. Смотри: они посажены через равные интервалы. Они растут вместе с солнцем, а к вечеру снова уменьшаются. Вот почему вчера вечером ни одно из них не дотягивалось до верха стены.

Оставив сомнения, Нат признал, что Сигрид совершенно права.

— Надо же, живые лестницы! — удивился он. — Ты молодец, что догадалась! А то мы бы долго еще их искали. Но до чего странная идея. Неужели обитавшие здесь люди до такой степени поклонялись природе?

Тут он сам заметил, что говорит в прошедшем времени, как будто уже окончательно смирился, что эта половина планеты необитаема.

Вернувшись обратно, они сели дожидаться полудня, умирая от голода и нетерпения. Красное дерево медленно продолжало тянуться вверх. Было слышно, как его ветви скребут по каменной кладке, подбираясь все ближе к срезу стены. Чтобы скоротать ожидание, Нат принялся фантазировать о людях, которые жили здесь прежде. Как они одевались? Что у них были за обычаи? И главное: куда и почему они исчезли?

— Готово! — вскричала наконец Сигрид, вскочив на ноги.

Нат очнулся от размышлений. Одетые красной листвою ветки уже дотянулись до самого гребня.

— Полезай же! — понукала его девушка. — Не терпится увидеть, что же там внизу.

Осторожно двигаясь по самому краю пропасти, Нат выбрал ветку, которая показалась ему надежнее остальных, и перебрался на нее, усевшись верхом, а затем протянул руку Сигрид, помогая ей сделать то же самое. Теперь, перебираясь с ветки на ветку, можно было спуститься до самой земли. Дерево выглядело могучим и крепким, но из-за густой листвы почти ничего не удавалось увидеть. Нат и Сигрид осторожно полезли вниз: на высоте в добрую сотню метров любое неверное движение могло оказаться фатальным.

Сигрид первой заметила висевшие на ветках яблоки — большие, очень ароматные плоды сочного желтого цвета.

— До чего же есть хочется! — вздохнула она. — Будь что будет, попробую яблочко!

И прежде чем Нат успел остановить ее, она сорвала один плод, вонзила в него зубы... и тут же придушенно вскрикнула: неведомая сила приподняла ее в воздух, и она зависла в десяти сантиметрах над веткой, на которой сидела. Зажатое в руке яблоко тянуло ее вверх, в небо.

— Брось его! — рывкнул Нат. — Немедленно брось!

Стоило Сигрид разжать пальцы, как яблоко устремилось ввысь и полетело навстречу облакам, подобно крохотному воздушному шару.

— Выплюнь то, что ты откусила! — снова приказал Нат.

Девушка послушно сплюнула и немедленно упала обратно на ветку, ободрав ляжки о кору.

— Что это... что это было? — пролепетала она растерянно.

— Понятия не имею, — признался Нат.

Он протянул руку к другому яблоку и сорвал его с черешка; плод тут же пронизал листву и тоже помчался к облакам.

— С ума сойти! — ахнула Сигрид. — Тяготение на них не действует. Можно подумать, они легче воздуха.

— Если бы ты проглотила это яблоко, тебя ожидало бы то же самое, — глухо проворчал Нат. — Не самая лучшая новость... Чем же мы будем питаться там, внизу?

Проверяя эту странную гипотезу, Сигрид сорвала еще три яблока, которые столь же стремительно унеслись ввысь.

— Придется быть осторожными, — проворчал юноша, — и не тащить в рот все что попало!

Полчаса спустя они наконец добрались до земли и ступили на густую траву сада чудес.

«Чудеса... — мрачно подумал Нат, — это мы еще посмотрим. Прежде чем радоваться, надо взглянуть на них поближе».

Никаких тропинок в лесу видно не было, так что им пришлось ломиться напрямик через кустарник. По всем признакам, по этому лесу никто не ходил уже целую вечность, так что природа полностью восстановила свои права. Пробираясь вперед, Нат и Сигрид внимательно всматривались в окружающую растительность, пытаясь разглядеть хоть какие-нибудь признаки жизни, но тщет-

но. В какой-то момент они так и подскочили от страха, наткнувшись на то, что поначалу приняли за останки умерших великанов; в действительности это оказались рабочие роботы — насквозь проржавевшие, перевитые лианами. Они достигали тридцати метров в высоту, но все давно легли у подножия стены, зажатые среди древесных стволов и почти целиком поглощенные пышным растительным ковром.

— Так вот, значит, кто построил эту стену, — пробормотал Нат, сильно оробевший от вида погибших андроидов. — Наверно, вдоль стены их скопились десятки, если не больше.

— Они уже давно не на ходу, — прошептала в ответ Сигрид. — Смотри, их корпуса настолько проржавели, что металл стал похож на кружево. В эти дыры можно кулак просунуть!

Нат покачал головой. Вся эта картина — стальные исполины в плену тропических лиан — выглядела весьма патетично, но при этом только подтверждала его первоначальное предположение: лежащий перед ними мир совершенно безжизненен.

Чуть подальше им попались старые сады с яблонями, грушами и персиковыми деревьями, буквально ломящимися от налитых сочных плодов... которые тут же улетали в небо, стоило их сорвать.

— Сплошная подделка, — ворчал Нат. — Я прочитал немало книг, но ни в одной из них не упоминались ни летающие яблоки, ни парящие груши. Все эти чудо-фрукты — продукт каких-то магических фокусов, о которых мы понятия не имеем.

Сигрид, задрав голову, следила за тем, как упомянутые яблоки прорвались через лесной полог и устремились выше, к самым облакам.

— Если поместить штук пятьдесят таких фруктов в сеть, — высказала она идею, — можно было бы смастерить нечто вроде воздушного шара, который мог бы поднять нас над землей...

— Точно, — кивнул Нат. — Будем иметь в виду, вдруг когда-нибудь пригодится... если только еще раньше мы не умрем от голода.

Проблема добычи пропитания очень скоро вышла на передний план, поскольку котомка Безелиуса давно уже опустела.

«Если животные здесь не водятся, — тревожно размышлял юноша, — а плоды заколдованы, то чем же, интересно, мы будем питаться?»

Невзирая на яростные протесты собственных желудков, молодые люди упорно продолжали путь. Прокладывать дорогу через джунгли было отнюдь не просто: кусты, лианы и папоротники разрослись настолько густо, что каждый шаг давался с трудом. Казалось, лес нарочно дает им понять, что они здесь — незваные гости.

Наконец, примерно через час пути, они обнаружили первые руины.

Это было все, что осталось от некогда горделивых белокаменных строений самой изысканной архитектуры: колонны, статуи, заглохшие фонтаны... все это почти полностью заросло мхом и вьющимися растениями, но все же не настолько, чтобы стать совсем невидимым.

— Прямо как дворцы, — заворуженно прошептала Сигрид. — Я видела похожие на картин-

ках в книгах по земной истории, где рассказывалось о временах Римской империи.

Пробившись через сплетение лиан, они сумели проникнуть в одно из строений. Зрелище, представшее их глазам, в самом деле вызывало в памяти легендарные пиры античного Рима. Стены покрывали роскошные фрески, теперь наполовину уничтоженные плесенью; на них веселые, полнокровные сотрапезники в тогах и лавровых венках возлежали в просторном триклинииуме вокруг столов, на которых громоздились аппетитные яства; мужчины и женщины смеялись, воздевая наполненные вином кубки; чуть поодаль музыкантша перебирала струны арфы. От всей этой сцены веяло довольством и беззаботностью, ни у одного из изображенных персонажей не было заметно признаков мутации.

— Как думаешь, здесь изображены люди, которые жили здесь, по эту сторону стены? — поинтересовалась Сигрид.

— Наверняка, — отозвался Нат. — Судя по всему, особо напрягаться им не приходилось. Погляди, какие они жирные... Небось только тем и занимались, что лопали всякие вкусности. А что — живи да радуйся, природа сама в изобилии производит все, что нужно. Надо полагать, технологию они терпеть не могли. Предпочитали жить по старинке... Это и уберегло их от катастрофы.

Он внимательно осмотрел прочее убранство. Нигде в доме ему не попало ничего из тех странных предметов, которые обнаруживались время от времени на грязевой равнине: непонятные маши-

ны, способные играть музыку или показывать живые картинки в ответ на простое нажатие кнопки и которые иногда соглашались несколько минут поработать, прежде чем умолкнуть навсегда.

— Да, точно, — продолжал Нат уже увереннее. — Думаю, они предчувствовали, что грядет катастрофа, и поэтому отказались участвовать в гонке за современностью, которой увлеклись жители северного полушария планеты. Они отделились и отступили на юг, за высокую стену, чтобы попытаться жить в согласии с природой.

— Но это их не спасло, — закончила Сигрид. — Что-то случилось. На них обрушилось какое-то другое бедствие, от которого они все погибли.

— Да, возможно...

Пол, выложенный разноцветной мозаикой, почти полностью скрылся под ковром из мха и травы. Продолжая обследовать древнюю виллу, молодые люди добрались до кухни, где наткнулись на амфоры; в одних хранилось застоявшееся, прогорклое масло, в других — застывший от старости мед. Вино с годами превратилось в уксус, а хлеб приобрел твердость камня. Не в силах больше терпеть голод, они решили раскрошить каменно-черствый хлеб и есть его по кусочкам, рассасывая во рту, как леденцы. Все-таки лучше, чем ничего... Неподвижная тишина в доме подавляла. За каждым поворотом коридоров высились мраморные статуи, одетые в мох и лишайники; в зеленоватом лесном сумраке они напоминали затаившихся в засаде оборотней. Сигрид, похоже, вбила себе в голову, что зловещие скульптуры принимаются двигаться, как только она перестает на них смотреть, а по-

тому без конца вертела головой, пытаясь следить за ними уголком глаза.

— Как считаешь, мы в конце концов кого-нибудь встретим? — спросила она вдруг. — Тебе не приходило в голову, что южное полушарие, возможно, полностью необитаемо?

— Приходило, — признался Нат. — Но что больше всего не дает мне покоя, так это вопрос: почему эта половина планеты сегодня так пустынна? Что здесь случилось? Какое-нибудь стихийное бедствие?

— Нет, вряд ли. Я скорее думаю, что в этой части света появилась новая раса хищников.

— Хищники... — недоуменно покачал головой юноша. — Хочешь сказать, людей пожрали какие-то звери?

— Ну да, а почему бы нет? Возможно, люди, которые здесь поселились, не сразу догадались, что в джунглях обитают опасные существа. Какие-нибудь неведомые звери, которых очень трудно заметить. Безжалостные охотники, наделенные, скажем, особым даром маскировки в лесной чаще. Представь себе, например, животное, умеющее принимать облик дерева... Оно могло бы бродить по лесу и подходить к людским жилищам, не привлекая внимания.

Нат инстинктивно покосился на джунгли. Гипотеза Сигрид представлялась не такой уж невероятной. В самом деле, что они знают об Алмоа? Планета существовала задолго до того, как земляне колонизовали ее, чтобы добывать на ней ценные минеральные ресурсы. Никто никогда не уделял серьезного внимания изучению ее животного

и растительного мира. Едва высадившись, колонисты принялись бурить скважины, рыть шахты и прокладывать туннели и занимались этим до тех пор, пока хлынувшая из глубин бурая грязь не затопила все северное полушарие.

— Ты права, — вздохнул он, — придется вести себя очень осторожно. Особенно ночью.

— Если сейчас по эту сторону стены не найти ни людей, ни животных, — продолжала девушка, — возможно, это означает, что нечто сожрало их всех до последнего. Это нечто до сих пор обитает в лесу... и уже давным-давно ничего не ело. А теперь оно почуяло наш запах и следит за нами с того самого момента, как мы вошли в джунгли.

Она умолкла, напуганная собственными фантазиями.

— Давай попробуем поспать, пока еще светло, — постановил Нат. — А хищники охотятся по ночам. Когда сядет солнце, нам нужно быть настороже.

Сигрид вскоре задремала, но Нат, несмотря на все старания, уснуть никак не мог. Раздраженный и встревоженный, он решил обследовать виллу до самого последнего закутка. В подвале его ожидал изрядный сюрприз. Едва переступив порог, юноша понял, что эта часть дома предназначалась для наслаждений другого рода. Красочные фрески на стенах с поразительной реалистичностью изображали разнузданные оргии, участники которых с увлечением воплощали самые прихотливые фантазии. Сплетенные в страстных объятиях тела, разнообразные формы совокуплений, причуды зоофилов... Нат потрясенно таращился на по-

блекшие от времени картины. Подобной выставки порнографического искусства ему видеть еще не доводилось. Надо полагать, прежние обитатели дома знавали толк не только в застольных радостях и в поисках других удовольствий доходили до самых пределов гедонизма, создавая условия, где никакие общественные табу не могли помещать культу чувственности. Вконец смутившись, он опустил глаза, но, увы, напольные мозаики изображали те же сюжеты. В каждом углу зала высились изваяния бога Приапа во всем великолепии мужского возбуждения.

Чувствуя мучительную неловкость, Нат поспешно вернулся на первый этаж и принялся исследовать верхние этажи.

Но, сколько бы он ни искал, никакого оружия ему не попало. Судя по всему, жившие здесь люди вели мирное существование, целиком посвященное удовольствиям. Как знать, подумалось Нату, возможно, подобная беспечность и привела их к гибели.

Сигрид тоже успела проснуться и позвала его. Она обнаружила просторную библиотеку, двери которой можно было надежно запереть, связав ручки обеих створок веревками.

— А на окнах здесь кованые решетки, — прибавила девушка. — По-моему, это самое безопасное место во всем доме.

Там они и укрылись в ожидании ночи. После того как двери хорошенько забаррикадировали, девушка занялась осмотром книг, загромождавших бесчисленные полки, но все они давно сгнили от влажности и рассыпались, стоило взять их в руки.

— В любом случае, — заметила Сигрид, — это были люди образованные, а может, и ученые... Видел, сколько тут томов? Наверно, целые тысячи!

Когда джунгли снаружи погрузились в сумерки, они сели возле стены и настороженно прислушались. Оба были до крайности напряжены, не в силах вообразить, какая именно опасность их подстерегает, и это лишний раз усугубляло их тревогу.

Часа через три, поскольку ничего не происходило, они растянулись на диванчиках возле книжных стеллажей и заснули.

Нату почти тут же приснилось, что какие-то люди шепчутся прямо за дверью. Разобрать слов он не мог, но инстинкт настойчиво твердил ему, что он в опасности.

«Я должен встать, — уговаривал он себя, — если я пошевелюсь, те люди в коридоре сразу разбегутся...»

Увы, как это часто бывает во сне, тело совсем его не слушалось, и ему не удавалось пошевелить даже пальцем.

Тем временем шепот за дверью становился все громче. Поначалу казалось, что там переговариваются всего двое или трое, а теперь их было не меньше десяти... тридцати... а то и сотни! Казалось, в развалинах древней виллы собралась целая толпа народу.

«Это всего лишь сон, — твердил себе юноша, — глупый сон. Сейчас я проснусь, и мерзкий шепот тут же стихнет...»

Тут он заметил, что глаза-то у него открыты и что он уже проснулся! Но возвращение к бодр-

ствованию ничего не изменило — перешептывания за дверью продолжались.

Замерев на диване, он не решался пошевелиться. Вила так и кишела чьим-то невидимым присутствием, и множество голосов сливалось в невнятный гомон.

Внезапно, под влиянием нарастающей паники, он резко вскочил, подбежал к двери и распахнул створку. В коридоре не было ни души.

«Вот я дурак-то!» — выругал он себя мысленно, сиюсь улыбнуться.

Но, несмотря на восстановившуюся тишину, в воздухе ощущалось присутствие чего-то постороннего, подобно запаху духов, оставшемуся после того, как мимо прошла женщина.

Сигрид позади него придушенно вскрикнула и села на кушетке, тараща мутные спросонок глаза.

— Мне... мне приснился кошмар, — пролепетала она. — Какие-то люди бродили у меня в голове.

— Люди... в голове? — ошарашенно переспросил Нат.

Девушка нервно провела ладонью по лицу.

— Я... я их не видела, но слышала очень хорошо, — попыталась объяснить она. — Они... они перешептывались... Ох... ладно, это всего лишь сон.

Она снова улеглась, а Нат так и остался стоять посреди библиотеки, напряженно вглядываясь в темноту. На карауле...

Следующий день прошел без каких-либо примечательных событий.

— Наверное, пока мы не узнаем, что таится в джунглях, разумнее будет обосноваться здесь, —

решил Нат. — Вилла может послужить отличным наблюдательным пунктом, и нас здесь труднее обнаружить, чем среди леса.

— Согласна, — кивнула Сигрид. — Признаюсь, от этого мертвого леса у меня мороз по коже.

Когда стало темнеть, молодые люди стащили в библиотеку все, что могло им понадобиться, а затем тщательно заперли двери, стянув ручки раздвижных створок крепкими веревками. Чтобы скоротать время, Нат размочил кусочки окаменевшего хлеба водой, а затем заправил прогорклым маслом все найденные по разным комнатам лампы. Теперь в случае необходимости у них не будет недостатка в свете.

Завершив эти приготовления, он разобрал массивный бронзовый треножник, превратив его в палицу. Вся эта бурная деятельность нужна была по большей части для того, чтобы притупить одолевавшую его тревогу, и в этом он вполне преуспел.

Сигрид тем временем продолжала обследовать библиотечные стеллажи. На самых верхних полках она обнаружила рукописи в относительно неплохом состоянии и углубилась в чтение.

Через некоторое время, не поднимая глаз от ветхого тома, она вдруг проговорила:

— Ты ведь тоже их слышал, верно?

— Что? — спросил Нат, делая вид, что не понял.

— Ой, да хватит притворяться. Голоса, конечно. Они были реальными, ведь так? Это вовсе не был сон.

— Не был. В коридорах были люди, но я не смог их увидеть. Думаешь, это были невидимки?

Сигрид вздрогнула.

— Не знаю, — пробормотала она. — Но я ощущала их у себя в голове, они как будто копались у меня в мозгу. Исследовали его, знаешь... словно собирались использовать его.

— Но это ерунда какая-то! — вскинулся Нат.

Вся его злость на самом деле была только прикрытием страха, который зародился в нем от предположения Сигрид.

— Я ничего не придумываю, — настойчиво повторила она. — Поначалу они находились за дверью, а потом проникли в комнату... Под конец они проскользнули мне в голову... как комар, который незаметно забрался в ухо. Только у них не было тел... Одни только голоса.

Нат угрюмо взглянул на приготовленную на случай обороны бронзовую палицу и подумал — сможет ли это орудие хоть как-то помочь против неведомых шепчущих захватчиков, о которых говорила Сигрид?

Всю ночь он простоял на страже, не отводя глаз от двери и держа палицу под рукой, пока Сигрид с грехом пополам разбирала траченные плесенью старинные рукописи на полках.

— Это что-то вроде дневника, — сообщила она наконец. — Хроника, которую изо дня в день вела хозяйка этого дома — некая Флавия Андроника.

— И о чем там говорится?

— Это довольно личное. Рассказы о праздниках, приемах гостей... Заодно всякие интимные истории, описания оргий, замечания об обмене партнерами. Похоже, жизнь они вели довольно разнузданную. А еще тут чуть ли не на каждой странице говорится о некоем средстве... особом

средстве, которое могло бы спасти их от пагубного влияния тяготения.

— Особое средство?

— Да, но никаких подробностей Флавия не упоминает. Впрочем, многие отрывки я не могу прочесть из-за плесени. Судя по всему, они тяжело страдали от последствий повышенной гравитации: она приводит случаи закупорки сосудов мозга, безумия, инфарктов. Это было много лет тому назад, и эти люди были родом с Земли, а не коренные жители Алмоа. Вероятно, они страдали на этой планете куда сильнее, чем мы.

— Верно, мы-то в конце концов адаптировались, — согласился Нат. — Пока мы находимся на уровне земли, мы вполне способны вести почти нормальную жизнь. Но, разумеется, подниматься по лестницам нам уже нелегко.

Громкий треск снаружи заставил их вздрогнуть и замереть, однако после него все стало тихо, и Нат решил, что это просто-напросто какая-то ветка обломилась под порывом ветра.

Остаток ночи прошел без происшествий. Тем не менее, несмотря на внешнее спокойствие, ощущение чьего-то чуждого присутствия не проходило. Нат чувствовал его на самой границе сознания, будто притаившегося в лесной чаще зверя, который только и ждет подходящего мгновения, чтобы броситься на добычу.

Нечто наблюдало за ними, изучало их, оценивало... и внушало тревогу.

— Завтра уйдем отсюда, — решил юноша. — Не можем же мы вечно торчать тут взаперти, вздрагивая от малейшего шороха. К тому же еды

здесь совсем не осталось, и нам нужно любой ценой отыскать что-нибудь для поддержания сил.

Как только рассвело, они пустились в дорогу. На этот раз им не пришлось долго блуждать, чтобы обнаружить новые следы человеческого жилья. Эта вилла была в лучшем состоянии, чем предыдущая, но и в ней тоже не было ни души. Сигрид отправилась внутрь с осмотром, а когда вернулась, ее вид показался Нату очень задумчивым.

— Ты что-то видела? — встревожился он.

— Нет... хотя, пожалуй, да, — поколебавшись, ответила девушка. — Там никого нет, но кое-что показалось мне странным.

— И что же?

— Фрески, статуи... они другие. Вот, взгляни. Они как-то странно вытянуты... Очертания едва намечены, как будто они вот-вот сотрутся.

— Наверняка это случилось под действием времени.

— Нет, их так нарисовали и изваяли с самого начала. На фресках это особенно заметно. Как будто... как будто люди на них почти не имеют лица. Их черты смазаны, и они все похожи друг на друга.

Заинтригованный, Нат подошел ближе к стене. Картина с растрескавшимися, облезающими чешуйками красками изображала группу людей в белоснежных тогах, гуляющих в лесу; в ладонях они держали странные золотистого цвета шары. Да, Сигрид была права. Черты их лиц были едва намечены, руки обозначены несколькими скупыми линиями... Фигуры казались зыбкими, как оплывающие восковые фигуры.

— Пф! — негромко фыркнул он. — По мне, так это всего лишь влияние стиля... такая живописная манера. Она вовсе не отображает действительность.

— А я вот не уверена, — возразила девушка. — На мой взгляд, изменилась не манера писать, а сами люди... Они мутировали. Взгляни, что они держат в руках: летучие яблоки... Они их ели! Питались фруктами-мутантами.

Помолчав, Нат кивнул. Ну да, разумеется! Теперь это казалось очевидным.

— Пойду загляну в библиотеку, — сказала Сигрид. — Может быть, там удастся найти хоть какое-то объяснение.

Нат остался в саду. Пустые, брошенные жилища нагоняли на него тоску. Теперь он действительно начинал верить, что южное полушарие планеты необитаемо. Пугающая перспектива... к которой он совершенно не был готов. В довершение всего голод превратился в настоящую пытку.

Его мысли были заняты этим, когда в ушах вдруг зазвучал шепот. На этот раз он успел уловить отдельные слова, обрывки фраз: «Молодой... в хорошей форме... свежие мышцы...»

«Ты не сможешь им управлять, — возразил другой голос, — ты потерял сноровку...»

Вздвогнув, Нат подхватил свою палицу и принялся размахивать ею во все стороны в нелепой попытке разогнать коварных невидимых насекомых.

— Хватит! — кричал он. — Оставьте меня в покое!

На эти крики из дома выскочила Сигрид, сжимая в руке какой-то старый манускрипт.

— Что, опять шептуны? — спросила она. — Я тоже их слышала. Так и гудели вокруг моей головы.

Затем, помахав серым от плесени томиком, она прибавила:

— А я тут кое-что нашла. Теперь, кажется, я знаю, что произошло.

— Ну и что же? — резко бросил Нат, которого страх сделал агрессивным.

Девушка уселась на каменную лавку рядом, положила выцветшую книгу на колени и раскрыла ее.

— В этой рукописи, — сказала она, — опять говорится о «средстве». Они хотели освободиться от тяготения, чтобы не чувствовать этого болезненного давления... И тогда они изобрели противоядие. Что-то вроде лекарства. Среди них были настоящие ученые — биологи, агрономы. И им удалось изменить генетическую природу некоторых видов растений. Именно так они создали деревья с летучими плодами.

— И стали ими питаться? — воскликнул Нат. — В этом все дело?

— Да. Они установили, что поглощение генетически модифицированных фруктов и овощей облегчает их страдания и защищает от тягот излишней гравитации. С этого момента они стали питаться только ими.

— И что потом?

— А потом я не знаю. В книге больше ничего не сказано. Судя по всему, они считали свою находку важным научным открытием и очень ему радовались.

Нат задумчиво постучал по земле своей бронзовой палицей.

— Думаю, они кое-что упустили, — заявил он наконец. — Потеряли контроль. Плоды продолжали мутировать, их действие многократно усилилось... и тогда разразилась катастрофа. Не знаю какая, но последствия ее были колоссальны, это можно сказать определенно.

— Значит, ты считаешь, что жившие здесь люди превратились... во что-то другое?

— Да. Они не умерли. Они все еще здесь, только невидимые. Они окружают нас. Просто мы их не видим, вот и все. И мне не кажется, что намерения у них добрые. Они воспринимают нас... с вожделением. Как будто мы их добыча.

ШЕПЧУЩИЙ НАРОД

Они обошли и другие руины — столь многочисленные, что их хватило бы на целый город. Некогда этот город был прекрасен — с величественными строениями и пышными памятниками, но сейчас он почти исчез под покровом мха и дикого плюща. Входя в каждый новый дом, они первым делом спешили посмотреть на фрески. Живопись и скульптуры явственно свидетельствовали об эволюции общества, которое жило здесь в древности: художники прикладывали особые старания, чтобы запечатлеть преобразования человеческого тела. По мере того как деревья становились все более могучими и тянули кроны все выше к небу вопреки тяготению, люди превращались в странных прозрачных существ с вытянутыми, размытыми чертами, как будто их тело, делаясь все легче, постепенно утрачивало материальность. «Привидения...» — сказал себе Нат, созерцая картины, от которых у него холодела спина. Действительно, настоящий мир призраков. Все более худых и бесплотных.

— Думаю, это произошло не за один день, — прошептала Сигрид, — но о результате несложно

догадаться. Стремясь избавиться от действия гравитации, они в конце концов полностью отказались от собственных тел. Дематериализовались. Их кости становились все легче, мышцы — все тоньше...

— Похоже на то, — согласился Нат. — Они превратились в чистую эктоплазму. Полагаю, это было необратимо... или же вполне их устраивало. Как бы то ни было, повернуть процесс вспять они не пытались.

Молодые люди вздрогнули: обоих вдруг посетила одна и та же мысль, и они быстро переглянулись.

— Шепоты... — пискнула Сигрид.

— О да, — выдохнул Нат. — Это и есть конечная цель преобразования. Избавиться от тела. Сбросить с себя бремя плоти, превратиться в чистый дух.

Побледнев, девушка нащупала ладонью руку Ната и крепко стиснула ее.

— Теперь они лишены телесной оболочки. Стали странствующими духами, парящими в воздухе. Вот почему мы слышим их во сне... Наш мозг улавливает их, как чувствительный приемник. Они нематериальны, а значит, могут свободно проходить сквозь стены и путешествовать вместе с ветром.

— Вот дьявол! — охнул вдруг юноша. — И животные последовали их примеру. Травоядные стали питаться измененными плодами, а хищники, пожирая их, тоже испытали на себе эффект генной модификации. В конечном счете они все стали нематериальными — и люди, и звери, и насеко-

мые... Все, кто жил по эту сторону стены, утратили плотскую оболочку и превратились в чистую, ничем не скованную мысль. Южное полушарие населено одними только призраками!

Они умолкли, подавленные собственным открытием. Тайна наконец раскрылась. Они могли бы бродить хоть целый год, стереть ноги себе до самых колен, но не встретили бы ни одного человека. Человека из плоти и крови, конечно. Да, сад чудес был обитаем, но его населяли невидимые и неосязаемые обитатели, которые могли окружить их целой толпой, но к ним все равно нельзя было прикоснуться.

— Они так и живут в своих древних городах, — проговорила Сигрид, — но у них не осталось ни рук, ни ног. Они больше не могут воздействовать на материальные предметы. Не могут рисовать, ваять или перелистывать страницы. Мне кажется... кажется, что им ужасно скучно.

«А ведь она, наверное, права, — подумал Нат. — А вдруг эта бесконечная вынужденная праздность в конце концов свела призраков с ума? Какие чувства они испытали, увидев нас? Ревность, ненависть? Попытаются ли они убедить нас сделаться такими же, как они?»

Он внимательно огляделся, как будто мог заметить парящие вокруг него бесплотные мысли.

«Интересно, могут они проникнуть в мою голову? — встревожился он. — Внедриться в мой мозг, исследовать его? Шпионить за мной изнутри?..»

— Что же нам теперь делать? — растерянно проскулила Сигрид.

— Не знаю, — признался Нат. — Если они отравили своими экспериментами всю природу, мы станем такими же, как они, как только притронемся к фруктам. Если мы хотим остаться здесь, нужно найти какой-то другой источник пищи.

Он с трудом мог представить себя в виде парящей в воздухе эктоплазмы.

— Давай исследуем подвалы дома, — предложила девушка. — Если повезет, мы можем отыскать какие-нибудь консервы или сушеные продукты, заготовленные еще до того, как мутация завершилась.

— Что ж, попробовать в любом случае стоит. А если не получится, придется возвращаться назад, на грязевую равнину. Честно скажу, мне этого совсем не хочется.

— Мне тоже. Здесь хотя бы тепло, и солнце светит. Лес такой красивый... и трава... никогда не видела столько зелени!

Решив проверить все как можно тщательнее, они обошли с десятков домов, осматривая их от подвалов до чердаков. Их упорство вполне себя оправдало: в конце концов они набрали на склад консервированных пайков, специально рассчитанных на то, чтобы оставаться съедобными даже через тысячи лет. Каждая банка содержала в себе ароматную и чрезвычайно питательную розовую пасту, одной ложки которой было достаточно, чтобы поддерживать энергию в теле целую неделю. Нату и Сигрид было невдомек, что этот продукт десятилетиями использовали в долгосрочных космических полетах; им питались целые поколения космонавтов и солдат. На сленге Космических во-

оруженных сил его именовали «каучуковым джемом».

Когда стемнело, весь дом наполнился шепотом. Призрачные голоса раздавались в коридорах и за каждой дверью — многочисленные, неуловимые, сливающиеся в общий неразборчивый гомон. С каждым часом они звучали все жарче и настойчивее, врываясь в комнату, порхая возле ушей Ната и Сигрид. Гнев и непреклонность юноши, похоже, удерживали их на некотором удалении, не давая им возможности проникнуть в его голову; но, увы, постоянно пребывать в состоянии такого напряжения воли оказалось очень утомительно, и Нат быстро обессилел. Повернувшись к Сигрид, он обнаружил, что девушка уснула. Он потряс ее за плечо, но разбудить так и не смог. Чужие мысли гудели вокруг него, как туча комаров. Не выдержав, он бросился бежать. Не разбирая дороги, он чуть ли не на четвереньках рванул вверх по лестнице и выскочил на террасу под самой крышей. Там он хотел сделать небольшую передышку, как вдруг что-то проскользнуло в его сознание — нечто неясное, нечеловеческой природы, у чего он не понимал ни языка, ни намерений. Нечто могущественное, властное. Жестокое. Задохнувшись, Нат сжал лоб ладонями и взвыл: «Выходи! Убирайся вон!» Но неведомое нечто не обратило на его приказ никакого внимания. Это нечто уже исследовало его мозг, постигало его функции. Оно думало не словами, а чередой образов и проявляло себя только грубыми желаниями и физическими потребностями. Дикая, своевольная сущность. Слабые возможности тела, в которое она вселилась,

как в новое жилище, удручали ее. Она надеялась на лучшее. Это физическое вместилище казалось ей тщедушным, неуклюжим, почти больным... и совсем неподходящим для того, что ей требовалось. Она опасалась, что это жалкое тело придет в негодность после первого же использования.

Нат пошатнулся. Его собственная воля стремительно слабела, подавляемая волей неведомого вселенца. А тот уже прочно обосновался в его голове, и ему понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, как манипулировать человеческим телом и за какие «ниточки» дергать, чтобы полностью подчинить его себе. Могучий инстинкт безошибочно подсказывал, на какие области мозга нужно воздействовать, чтобы двигать руками или ногами. Это было совсем просто.

Внезапно Нат обнаружил, что стоит на четвереньках, нюхая воздух, как собака. Чужак в его мозгу с раздражением обнаружил, насколько негодно его обоняние. Однако даже слабый нос юноши позволил ему выделить один-единственный манящий запах.

Нат попытался выпрямиться и со страхом обнаружил, что уже не владеет собственными конечностями. Теперь его телом правила чужая могущественная воля, полностью навязывая ему каждое движение. Слова ей были не нужны, ею руководило одно властное чувство — голод. Нат никогда прежде не чувствовал такого непреодолимого зова: в его желудке словно разверзлась пропасть, жадная, алчущая. Он должен поест, должен немедленно заполнить эту пустоту... но что угодно для этого не подойдет. О нет, занявшая его созна-

ние сущность не собиралась питаться консервами. Она желала другого...

Она желала свежего мяса.

Ужасаясь сам себе, юноша легко сбежал с лестницы. Он передвигался на четвереньках, но теперь уже с плавной кошачьей грацией; его движения стали стремительными и точными. Рот наполнился слюной, и время от времени он щелкал челюстями, издавая низкое утробное рычание.

Пробегая мимо зеркала, он вдруг заметил на своем лице хищное, звериное выражение и пришел в ужас. Только тут ему стало ясно, что неожиданные мысли, заполнившие его сознание, принадлежали не ему, а какому-то крупному хищнику — тигру или, быть может, пуме... Большой свирепый зверь завладел его телом, чтобы поохотиться... и его желанной целью было сожрать Сигрид.

Нат хотел взбунтоваться, закричать, чтобы предупредить девушку, но его рот оказался неспособен издавать членораздельные звуки; отныне он мог только ворчать или грозно рыкать. Самое же ужасное, что запах Сигрид и в самом деле возбуждал его аппетит. Ему действительно хотелось только одного: вцепиться зубами в ее живот, в ее нежные ляжки, в грудь... растерзать ее и наестся до отвала ее плотью.

Он был голоден! До чего голоден...

По-прежнему на четвереньках, он направился напрямик к комнате, где спала девушка. Мягкой лапой — или все еще рукой? — он приоткрыл дверь и прокрался внутрь. В уголках его пасти поблескивала слюна. Нежная розовая кожа спящей,

пьянящий аромат молодого женского тела сводили его с ума... Он уже предвкушал, с каким наслаждением растерзает ее, вонзит клыки и когти в ее упругие мышцы... видел, как распорет ей живот, чтобы полакомиться ее внутренностями. О да... погрузить морду в горячую, скользкую влагу... как же это будет вкусно!

Внезапно, когда он уже был в одном прыжке от дивана и трагедия казалась неизбежной, его сознание оказалось во власти кого-то другого — иного могущественного разума, который прогнал тигра, словно ударом бича. Этот разум был явно человеческим: властным и непреклонным, и хищник беспрекословно покорился его воле. Нат ощутил, как животная сущность покидает его. Изможденный крайним нервным напряжением, он повалился на пол, вздрагивая от мучительных судорог в мышцах.

— Ты ведь был уже на волосок от беды, верно? — усмехнулся голос в его голове. — Теперь ты должен поставить мне свечку. Если бы я не вмешался, ты бы сейчас уже пожирал свою подругу...

— Кто ты? — пробормотал Нат. — Что произошло?

— Я — все, что осталось от Флавия Антония Мерко, — уловил он шепот. — Когда-то я был богатым купцом и владел этой виллой, в садах которой обустроил большой зверинец... Этот тигр тоже обитал в нем. Зверей следует опасаться. Их разум пребывает в зачаточном состоянии, ими руководят лишь сиюминутные потребности. Они так никогда и не сумели привыкнуть к утрате физического тела. Именно поэтому он и завладел тобой. Хотел

вернуть себе прежние ощущения... К счастью, я летал поблизости и сумел вовремя вмешаться.

— Спасибо, — неловко поблагодарил Нат, приподнимаясь и усаживаясь на пол. — Сколько же вас всего?

— Тысячи, — вздохнул Флавий Мерко. — Мы рассеяны в воздухе, мы парим повсюду... Невидимые, нематериальные.

— Вы все стали жертвами одной и той же мутации?

— «Жертвы» — не самое подходящее слово. Мы хотели преобразиться. Гравитация причиняла нам множество страданий, и мы всем сердцем мечтали освободиться от бремени, в которое превратилось человеческое тело. Наши ученые вознамерились отыскать средство, которое помогло бы нам избавиться от мук физического существования. Об остальном ты догадался — я прочел это в твоих мыслях. Мы становились все легче и легче... а потом наши тела и вовсе утратили материальность. Поначалу мы стали сгустками эктоплазмы, потом превратились в легкий дымок. Но даже этот дымок, на взгляд некоторых из нас, был слишком грубой материей, и они пошли еще дальше. Разорвать все связи с вещественным миром — вот была наша цель. Так мы превратились в чистую идею... никакой оболочки, ни малейшей опоры, ничего... ничего, кроме парящей в воздухе мысли, лишенной всяких привязанностей.

— И причина — фрукты? — предположил Нат.

— Да, мы воздействовали на природу таким образом, чтобы она рождала только такие фрукты и овощи, которые способствовали бы дема-

териализации живых тел. Как ты уже понял, результат превзошел все наши ожидания. А кроме того, следует признать, что эта мутация давала нам еще одно важное преимущество: бессмертие. Тот, у кого нет тела, может не опасаться ни болезни, ни старости. Он навеки избавлен от любой физической немощи.

— Так значит, вы все бессмертны?

— Да... и мы смертельно скучаем.

— Но почему?

— Потому что интеллект — это еще не все. Нам ужасно не хватает телесных наслаждений, которых мы лишились — вкусной еды, плотских удовольствий... Ах, все эти чувственные радости! Их значение осознаешь лишь тогда, когда они оказываются недостижимы! С годами мы исполнились сожалений о прежних временах, когда все это было нам доступно... Вот почему ваше появление здесь вызвало такой ажиотаж. Мы давно уже не видели людей. До этого момента все, кому удавалось перебраться через стену, совершали ту же ошибку — начинали питаться мутагенными плодами и вскоре становились такими же, как мы. Вы — первые, кто избежал этой ловушки. Поэтому посмотреть на вас собрались все духи, какие есть, и теперь увлеченно наблюдают за вами. Подумать только — выходцы из далекого прошлого! Одни находят вас отвратительными, а другие пылко вам завидуют. И никто не знает, что теперь с вами делать... Вы породили среди нас разногласия, а ведь этого не случалось уже давным-давно! О, это так увлекательно! Я невероятно горд, что именно мне выпало стать первым, установившим

с вами контакт. Я сейчас же извещу об этом моих соплеменников.

Нат не знал, стоит ли ему радоваться величайшему оживлению, которое вызвал разговор с ним у Флавия Мерко. У него возникло неприятное ощущение, что он превратился в своего рода ярмарочного шута, вокруг которого толпятся зеваки, тараща на него с любопытством и отвращением.

— Я удаляюсь, — сообщил голос его бестелесного гостя, — но скоро вернусь, чтобы ознакомить тебя с решением Совета. Я намереваюсь замолвить за тебя словечко и убедить их, что ты полностью готов к сотрудничеству.

— Какому еще сотрудничеству? — удивился юноша.

Ответа не последовало: Мерко уже исчез.

Встревожившись, Нат немедленно растолкал Сигрид и пересказал ей свои злоключения.

— Ох, — отозвалась девушка, выслушав его, — мне это совсем не нравится. Звучит так, будто они решили сделать нас просто-напросто своими игрушками. По-моему, ничего хорошего в этом нет. Возможно, нам лучше вернуться назад.

— На свободе они нас не оставят, — вздохнул Нат. — Не забывай, что они спокойно могут внедриться в наше сознание и захватить контроль над нашими телами. Я испытал это на собственном опыте, и поверь, он оказался не из приятных. Еще немного — и я разорвал бы тебя на кусочки!

Растерянные и подавленные, они уселись на просторной, нависающей над лесом террасе, чувствуя себя заключенными, которым вот-вот вынесут приговор.

— Вот уж не ожидал, что все так обернется, — вполголоса признался Нат. — А я-то представлял себе этот сад чем-то вроде рая!

Он держался настороже, не ослабляя напряжения, из страха, что привлеченный запахом Сигрид тигр снова попытается просочиться в его сознание.

Они просидели так до самого вечера, глядя на безжизненные молчаливые джунгли, без единой бабочки или птицы. Только время от времени где-нибудь на ветке с негромким щелчком лопался черешок, и очередной плод, медленно вращаясь, уносился в облака.

Флавий Мерко появился вновь уже на закате.

— Ах! — воскликнул он, с удобством устраиваясь в голове Ната. — Дело оказалось даже труднее, чем я ожидал. Не думал, что у вас окажется так много врагов. Дебаты по поводу вашей дальнейшей судьбы шли весьма напряженно. Многие требовали, чтобы вас немедленно принудили поест мутагенных фруктов, чтобы вы превратились в подобных нам. Эти фанатики считают вас поистине омерзительными существами. Ваша плоть, включая признаки пола, вызывают у них крайнее отвращение. Для них вы все равно что ожившие экскременты... Мне понадобилось немало труда, чтобы заставить их прислушаться к моим аргументам. В конце концов, после длительных переговоров мне удалось добиться компромисса.

— Какого еще компромисса? — опасливо поинтересовался Нат, предчувствуя недоброе.

— Я объяснял им, что вас следует рассматривать как реликты, свидетельство древних времен, вроде живых музейных экспонатов, — торопли-

во зашептал Флавий. — Но некоторые заявили, что категорически возражают против того, чтобы им постоянно демонстрировали отвратительные картины варварского прошлого, когда люди были заключены в телесную оболочку и низменные инстинкты принуждали их к непристойным копуляциям. Они сочли мое предложение гадким и непристойным.

— Но ты говорил о компромиссе...

— Да-да, я к этому и веду. К счастью, многие участники собрания испытывают ностальгию по прошлым временам и любопытство, так что они стали на вашу сторону. Они постановили, что вы можете сохранить свое человеческое обличье, но при одном условии...

— Каком же?

— Вы должны согласиться предоставлять ваши тела тем, кто захочет их посетить. В некотором роде вы превратитесь в памятники, открытые для публичного посещения.

— Что?

— Мне очень жаль, но большего я добиться не смог. Некоторым духам хотелось бы вспомнить, что значит жить в человеческом теле. Они станут ненадолго вселяться в вас... для них это будет просто развлечение, все равно как прокатиться на ярмарочной карусели.

— И права отказаться у нас, естественно, не будет?

— Очень вам не советую. Вы станете чем-то вроде наших домашних животных — послушных и ласковых. Только в этом случае вам позволят остаться людьми. Если эти условия вас не устраи-

вают, вас принудят к преобразению. Весь процесс займет не больше недели.

— И каким же образом вы принудите нас мутировать?

— О, не говори глупостей. Для этого нам нужно всего лишь захватить контроль над вашими телами и заставить вас съесть столько яблок, сколько требуется для метаморфоза. Для нас это будет совсем несложно... Что ж, дам вам время подумать. Жду вашего решения к завтрашнему утру.

Голос умолк — Флавий удалился. Нат обернулся к Сигрид, чтобы сообщить ей, под каким соусом их собираются подавать.

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

На рассвете Флавий явился к ним за ответом. Но был ли у них иной выбор, кроме как согласиться?

— Это даст нам возможность выиграть время, — сказала со вздохом Сигрид во время их ночного разговора. — Давай притворимся, что соглашаемся на условия игры, а сами тем временем будем готовить побег.

— Собираешься использовать летучие фрукты? — поинтересовался Нат.

— Да, их достаточно всего лишь заключить в оболочку из ткани. По моим прикидкам, всего дюжины яблок хватит, чтобы поднять нас над землей... а дальше все будет зависеть от ветра. Если он будет дуть в сторону грязевой равнины, значит, мы вернемся туда, откуда пришли. Чтобы приземлиться, будем уменьшать грузоподъемность нашего аэростата, высвобождая фрукты по одному. Но, разумеется, если ветер понесет нас на юг, от наших преследователей нам не спастись.

Нат полностью признавал справедливость ее аргументов, хотя сама мысль о возвращении при-

водила его в ярость. Повернуть назад после стольких испытаний, побежденными кучкой бесплотных призраков... вот позорище!

Мерко страшно обрадовался их решению.

— Какое счастье! — ликовав он. — Мне здесь так скучно! Наконец-то произойдет что-то интересное! Вот увидите, вы не пожалеете! Мы готовы предложить вам разнообразные компенсации за все причиненные неудобства.

— Это какие же? — спросил Нат.

— Я могу указать вам места, где спрятаны сокровища, накопленные нами еще в те времена, когда материальные богатства имели для нас значение, — услужливо пояснил Флавий. — Можете брать их сколько угодно, для странствующих духов ни золото, ни алмазы уже не представляют ценности. Сами подумайте, что нам с ними делать?

Желая доказать свою добрую волю, он провел молодых людей в подвалы виллы и показал им несколько замаскированных панелей, за которыми скрывались тайники, битком набитые слитками золота, россыпи жемчуга и груды драгоценных камней.

— Берите, берите! — умолял он. — Мне эти безделушки совершенно не нужны. Набивайте карманы, не стесняйтесь!

Сигрид и Нат вежливо отказались: в данный момент им эти сокровища тоже едва ли могли пригодиться.

— Я также должен проводить вас к запасам провизии, — настаивал невидимый проводник. — Целые залежи космических консервов, которые хранились здесь на случай стихийных бедствий или неурожая. Их достаточно, чтобы вы могли жить

долгие годы, не притрагиваясь к генетически модифицированным фруктам. Как видите, я искренне о вас забочусь.

В слащавом голоске Флавия слышалась какая-то неискренняя нотка, которая заставила Ната насторожиться. Мерко явно не сказал им всего. Возможно, в предложенном им контракте были и другие, не оговоренные пункты... с которыми, как и полагается, им предстояло ознакомиться позже.

Молодые люди встревоженно переглянулись. Уже не собирался ли призрачный народ продержат их в неволе долгие годы?

— Значит, хотите сделать нас своими куклами, — мрачно буркнул Нат, — безвольными марионетками, которых вы будете дергать за веревочки по своей прихоти, просто ради забавы...

— Ах! — нетерпеливо воскликнул Флавий. — Пожалуйста, не начинайте снова! Что за неблагодарность! Мне и так было нелегко склонить Совет на вашу сторону. Вам следует быть благодарными мне за то, что я добился этого компромисса. Некоторые из моих сородичей, которые пришли в полный ужас от вашего телесного присутствия, настаивали на том, чтобы подвигнуть вас к самоубийству. Неужели вы предпочли бы это? В наших рядах немало экстремистов, ставящих стыдливость и добродетель превыше всего. Для них человеческое тело отвратительно, а его естественные отправления — и вовсе кощунство. Сама мысль о том, чтобы люди справляли нужду, приводит их в ужас. Вероятно, это связано с некоторыми излишествами, которым мы предавались в далеком прошлом.

— Вы имеете в виду оргии? — проворчал Нат.

— Совершенно верно, — признался Флавий. — Культ плотских радостей заставлял нас открыто предаваться всем обычно тайным порокам, всем чувственным фантазиям. В конце концов мы, признаюсь, несколько перегнули палку, и часть из нас прониклась отвращением ко всему телесному, что, как вы понимаете, многократно усилило их стремление избавиться от плотской оболочки. Одним словом, советую вам не проявлять недовольства. Вы можете испортить благоприятное отношение, которым пользуетесь в настоящее время.

— А как, по вашему представлению, ваш план будет воплощаться на практике?

— Без паники! Я хорошо знаю своих сородичей. Поначалу вы будете пользоваться большой популярностью, и это причинит вам некоторые неудобства, но затем любопытство духов угаснет. В один прекрасный день вы перестанете интересоваться их и станете жить по собственному усмотрению. Про вас забудут... Можно даже сказать, что вы выйдете из моды. Вам остается только набраться терпения и дожидаться этого дня!

Когда голос Мерко умолк, Сигрид осторожно прошептала:

— Как думаешь, он говорил правду?

— Сомневаюсь, — вздохнул Нат. — Боюсь, все будет гораздо хуже, чем он пытается нас заверить. Эти люди были одержимы чувственными удовольствиями, чуть ли не эротоманы. Их цивилизация пришла в упадок, когда они решили отказаться от тела. Так что можно ожидать от них чего угодно.

На следующий же день Нату и Сигрид пришлось убедиться, что их подозрения были обоснованы.

ванны. Шепчущие духи сменялись в их голове, как посетители в музее. Некоторые, едва появившись, провозглашали подобную затею отвратительной и тут же удалялись. Но, увы, большинство сочли эксперимент захватывающе интересным и тут же пытались управлять телом Ната, как покупатель испытывает новую машину, прежде чем заплатить за нее. Чтобы проверить возможности этого незнакомого тела, они заставляли его бегать, прыгать, карабкаться на стену... и даже нырять в бассейн с гнилой застоявшейся водой и плавать в нем.

Юноша не имел ни малейшей возможности взбунтоваться. Заняв его мозг, посетители получали полный контроль над его телом, так что он превращался в их послушную марионетку. Все, что он мог — это покорно выполнять самые нелепые команды и выслушивать глупые комментарии или ободряющие выкрики.

— Нно, но! — кричали они в его сознании, видимо, принимая его за лошадь. — Быстрее! Беги! Прыгай!

— А, до чего же весело! — ликовали они. — Я уж и забыл, до чего приятно иметь руки и ноги!

Не обращая внимания на усталость юноши, а также раны и ушибы, которым покрывалось его тело в результате этих испытаний, они доводили его до предельного изнеможения, сердясь и раздражаясь, когда он имел наглость останавливаться, чтобы немного перевести дух.

К концу первого дня «посещений» у Ната почти не осталось живого места — сплошные шишки, ссадины и синяки. Трижды дело едва не закончилось переломами рук и ног, а из-за жестокой судороги

в ногах после пятидесятого заплыва в бассейне он чуть не утонул.

Сигрид повезло не больше. Многочисленные посетительницы, нескончаемой чередой сменявшие друг друга в ее голове, заставляли ее бесконечно краситься, причесываться, танцевать... так что к вечеру слой румян на ее лице оказался таким толстым, словно ее пытались замуровать заживо. От тысяч взмахов щеткой кожа на голове воспалилась и болела, а танцы оставили ей болезненное растяжение в правой лодыжке.

Одним словом, завтрашний день не сулил им ничего хорошего.

— Они совсем чокнутые, — негодовал Нат, промывая свои ссадины. — Один из них хотел заставить меня спрыгнуть с крыши! Похоже, они воображают, будто я — сверхчеловек, обладающий невероятными физическими способностями. Видимо, они совсем забыли, что возможности человеческого тела не безграничны.

— Долго мы в таком ритме не продержимся, — вздохнула Сигрид. — Если мне и дальше придется столько причесываться, как сегодня, недели через две я стану совсем лысой.

— Флавию Мерко следовало бы попросить их утомониться, но, боюсь, дальше будет хуже. Я почувствовал в них сильное возбуждение... довольно двусмысленное возбуждение.

— Ты хочешь сказать... сексуальное?

— Да. Посещая нас, осваиваясь в нашем теле, они чувствуют пробуждение забытых желаний. Восстанавливая телесную память, они стремятся получить еще больше человеческих ощущений. Мне

это не нравится. Боюсь представить, куда это нас заведет.

На следующий день изматывающий марафон возобновился.

Желающих было столько, что время каждого «посещения» пришлось сократить вдвое. Иногда посетители начинали сами путаться в командах. Забыв, каким образом можно заставлять тело двигаться, они начинали действовать на разные зоны мозга юноши наугад, на манер пользователя-новичка, который, не имея под рукой инструкции, начинает давить на все кнопки подряд, с интересом глядя, «что из этого получится»... В таких случаях Нат становился жертвой нелепых, неконтролируемых действий: он вскакивал, садился, почесывался, падал ничком на землю, лаял, извивался или кидался головой вперед на стену. Уже к полудню брови у него распухли, лицо было перемазано кровью, а левое ухо оказалось наполовину оторвано.

Флавию, надзирававшему за тем, как проходят визиты, пришлось неоднократно вмешаться, чтобы изгнать особо небрежных «пользователей» из сознания юноши.

— Хватит! — приказывал он. — Вы же его сломаете. Освободите место, другие ожидают своей очереди... Еще раз напоминаю вам, что эта игрушка очень хрупкая; если она испортится, мы не сможем ее починить.

После целой недели такого обращения Сигрид и Нат оказались в состоянии полнейшего физического упадка. Они пожаловались Флавию, который заметно растерялся.

— В самом деле? — удивился он. — Вы настолько уязвимы? Именем богов, вынужден признаться, что я порядком подзабыл, что значит иметь тело... Это весьма досадно, поскольку число заказов на посещение продолжает неуклонно расти. Вас хотят попробовать буквально все. Вы превратились в невероятно модное развлечение... Однако оно должно получить развитие.

— Как это — развитие? — простонала Сигрид.

— Немного более в сторону чувственности... в сторону сексуальности, если угодно, — пояснил Мерко с явной неохотой. — Некоторые из моих соплеменников скупают по своим былым любовным утехам и хотят восстановить в памяти те ощущения.

— Что? — вскричала девушка. — Они что, хотят, чтобы я переспала с Натом?

— Да, в некотором роде, — согласился Флавий. — Но могу вас заверить, что для вас это пройдет незаметно, минуя ваше сознание.

— Минуя сознание?

— О да, поскольку ваше собственное «я» будет усыплено, как под наркозом, и все будет происходить во время вашего «сна». Ваши посетители и сами не хотят, чтобы вы, так сказать, наблюдали за ними в это время, так что придется уважать их право на личную жизнь. Они не желают, чтобы вы постоянно бодрствовали и подглядывали за ними, в то время как они предаются интимным развлечениям...

Сигрид вскочила на ноги, вытаращив глаза.

— Да это же просто бред какой-то! — задыхнулась она. — Ведь все эти «развлечения» будут происходить с участием моего собственного тела!

— Знаю, знаю, — проворчал Мерко, — все это довольно деликатные материи, но я не могу обидеть наших клиентов, это может быть довольно рискованно. Итак, на время всех телесных контактов ваше сознание будет отключено, и вам будет казаться, что вы просто спите. Вашими телами воспользуются люди, которых вы не знаете... как будто вы на время дадите поносить вашу одежду.

— Но это отвратительно! — вскипел Нат. — Это похоже на изнасилование!

— Не надо преувеличивать, — хмыкнул Флавий. — Я исследовал твое сознание, мой мальчик, и мне доподлинно известно, что ты сам испытываешь желание соединиться с этой женщиной. А я, как видишь, предоставляю тебе возможность сделать это. Уверен, твоему телу этот опыт доставит удовольствие!

— Но в этом все и дело! Моим телом будут пользоваться десятки незнакомцев! Это буду не я! А значит, это самое настоящее изнасилование!

— Хватит! — отрубил Флавий, чей тон внезапно стал жестким и властным. — Выбора у вас нет. Если хотите остаться в живых, извольте угождать публике! Не забывайте, что у вас много врагов. Не далее как сегодня утром один из них потребовал, чтобы вас мысленно принудили к самосожжению. Вы ведь этого не хотите, верно?

Бросив эту угрозу, он удалился. Нат и Сигрид уставились друг на друга.

Нат едва открыл рот, чтобы что-то сказать, как девушка движением руки остановила его.

— Не стоит извиняться, — прошептала она. — Давай вести себя как взрослые люди. Если хочешь

знать, мне наплевать на это. Для меня ты всегда был товарищем, не более того, так что я от этого не умру. Давай попытаемся пройти через это с должным хладнокровием и не будем больше об этом говорить. Если у нас и в самом деле не останется никаких воспоминаний о происшедшем, можно смело считать, что ничего и не произошло. Вот и вся история.

Но, несмотря на столь решительно декларируемое благоразумие, установившаяся между ними мучительная неловкость не дала им заговорить друг с другом весь вечер.

Флавий Мерко не солгал. Все интимные встречи «посетителей» происходили незаметно для них и ничего не оставляли в памяти. С другой стороны, в их телах накапливалась тяжелая усталость, наводившая на мысль, что «посетители» подвергали их многократным испытаниям на выносливость. Когда Нат и Сигрид приходили в себя, они никогда не просыпались раздетыми в одной постели. Из соображений приличия Мерко тщательно следил за тем, чтобы они всегда просыпались по отдельности, подальше от партнера, с которым провели день.

Сколько бы Нат ни пытался рыться у себя в памяти, за все время, пока продолжался этот странный эксперимент, он не сумел воскресить в своем сознании ни одного эротического образа, ни одного воспоминания о любовных баталиях, в которых он участвовал по воле своих «вселенцев». Одно только непреходящее раздражение половых органов подтверждало, что эти баталии действительно имели место.

Для Ната и Сигрид это был крайне неприятный период, когда они едва осмеливались взглянуть друг

на друга или обменяться парой слов. Любые слова звучали фальшиво. Впрочем, Сигрид не жалела усилий, чтобы хоть немного развеять смущение своего товарища по несчастью.

— Да не хмурься ты так! — вздыхала она. — Скажи себе, что это всего лишь хирургическая операция под общим наркозом, вот и все. Все-таки это лучше, чем самосожжение... по крайней мере, не так больно.

Вопреки ожиданиям, шепчущим духам быстро наскучили эти сладострастные игрища, которые, видимо, слишком сильно выбивали их из колеи. Они чересчур долго были лишены всякого физического восприятия, чтобы теперь предаваться подобным животным сношениям, не испытывая чувства вины. Это охлаждение встревожило Флавия Мерко, который увидел в нем признаки общего угасания интереса к новому аттракциону.

— Я рассчитывал на более продолжительный успех, — твердил он. — Для вас это неблагоприятный признак. Если вы выйдете из моды, ханжи из Совета получат все шансы настоять на предании вас смерти. Не стоит забывать — вы живы лишь до тех пор, пока пользуетесь благосклонностью публики.

— Но вы же говорили, что они нас отпустят! — запротестовала Сигрид.

— Да, знаю, — пробормотал Мерко извиняющимся тоном. — Но это было еще до ваших бесстыдных выходов, которые шокировали все общество... Подумать только, как можно вести себя так... по-звериному?

Сигрид буквально задохнулась от ярости. Если бы Флавий оказался перед ней во плоти, она просто выцарапала бы ему глаза.

— Поэтому общество высказало одно пожелание, — как ни в чем не бывало продолжал Мерко. — Оно хотело бы присутствовать на спортивном состязании.

— Спортивном, вы сказали? — переспросил Нат, тут же насторожившись.

— Некоторым хотелось бы видеть побольше действия, — сообщил Флавий с некоторой фальшью в голосе. — По сути дела, речь идет об организации своего рода погони. Состязание с некоторой долей... напряжения, так сказать.

— Погоня... вы имеете в виду соревнование в беге?

— Э... да, но несколько более интересное. Один из моих друзей предложил, чтобы девушка поохотилась за юношей. Разумеется, сама по себе такая игра не слишком увлекательна, но, чтобы придать ей нужную остроту, мы внедрим в голову Сигрид сознание пантеры.

Нат, которому уже довелось испытать подобное вторжение на себе, резко вскочил.

— Вы с ума сошли! — прохрипел он. — В меня уже вселялся тигр, как только мы пришли сюда... тогда я едва не растерзал Сигрид в клочки, а вы хотите сделать это снова?

— Помните, вы обязаны жизнью своим поклонникам! — резко ответил Флавий. — В любом случае решение уже принято, и я ставлю вас в известность о нем из чистой любезности. Охота начнется в пол-

день и продлится до захода солнца. Мы даем вам час, чтобы подготовиться.

— Так вы утверждаете, что можете внедрить в мой мозг сознание пантеры? — спросила Сигрид, резко побледнев.

— Для нас, милое дитя, это не составляет больших трудностей, — снисходительно ответил Мерко. — Наши ментальные волны гораздо мощнее, чем у животных, а потому мы легко можем подчинить их себе. Когда в тебя вселится дух пантеры, твое человеческое «я» уснет и ты совершенно забудешь о том, что ты — не животное. Именно это и станет самым интересным моментом игры. Ладно, время не ждет... Приготовьтесь к состязанию как следует. Могу смело вам заявить, что оно соберет небывалое количество зрителей.

С этим он удалился, оставив молодых людей в полной растерянности.

— Что же нам делать? — пролепетала Сигрид. — Я не хочу убивать тебя... Ты мог бы меня связать... или сломать мне ноги?

— Связать тебя было бы неплохо, но они сумеют устроить так, чтобы ты освободилась, не сомневайся, — процедил Нат. — Что же насчет переломанных ног, то об этом не может быть и речи. Попробую поиграть с тобой в прятки до заката. Если почувствую, что ты меня вот-вотймаешь, я сорву парочку яблок и взлечу в небо, подальше от твоих когтей. Пантера ведь не должна додуматься до подобной хитрости, верно?

— Надеюсь, — с тяжелым вздохом отозвалась Сигрид.

Оставшийся час Нат потратил на то, чтобы собрать кое-какие необходимые для выживания вещи: нож, бинты, пузырек с водкой для дезинфекции, флягу, булавки, нитки, иглу, а также небольшой запас провизии и пригоршню сухого перца. Побросав все это в котомку, он взобрался на верхнюю террасу, чтобы осмотреться. Конечно, самым простым было бы взобраться на верхушку дерева, но тут он вспомнил, что пантеры, в отличие от львов и тигров, превосходно лазают по стволам. Следовательно, Сигрид, одержимая духом дикой кошки, тоже станет преследовать свою жертву, перескакивая с ветки на ветку. Нет, определенно деревья в качестве решения проблемы не годились. Лучше было сохранять мобильность и делать ставку на то, что Сигрид бежит медленнее него; при некотором везении, она устанет раньше. Этими мелкими преимуществами не стоило пренебрегать, когда на кону стояла жизнь.

Поддень был близок, так что он покинул свой наблюдательный пункт. Девушка поджидала его внизу, в холле, держа в руках моток веревки.

— Свяжи меня! — велела она. — Это даст тебе немного лишнего времени. Обещаю, что я буду всеми силами пытаться изгнать дух пантеры из своей головы.

— Ты очень добра, — сказал Нат. — Но у тебя ничего не получится. Я сам испытал подобное, когда в мою голову вселился тигр. Это окажется сильнее тебя... ты не сможешь устоять перед желанием броситься за мной в погоню, у тебя будет только одно стремление — растерзать меня.

Сигрид улеглась на пол, и он связал ее как можно крепче, туго затягивая узлы. В то же время осо-

бых иллюзий он не питал: когда дух хищника все-
лится в девушку, ее физические силы удесятерятся,
и она найдет способ освободиться от пут, даже если
сточит себе все зубы.

— Это жульничество! — ворвался внезапно
в его сознание голос Флавия. — Ты связал ее! О,
это нечестный прием! Зрителям он не понравится.

Игнорируя протесты организатора игр, Нат
торопливо вышел из дома и скрылся в лесу.

Он быстро шагал, то и дело переходя на бег,
около часа, пока от сильной рези в боку не пере-
хватило дыхание. Затем он вскарабкался на дерево
повыше, чтобы наблюдать оттуда за перемещения-
ми Сигрид. Долго ждать ему не пришлось. Девушка
внезапно выступила из кустов, гораздо ближе, чем
он рассчитывал. Она была без одежды и переме-
щалась то на двух ногах, то на четвереньках, и Нат
ужаснулся звериному выражению, искажившему ее
черты. Двигалась она с быстротой и плавной, гиб-
кой грацией, которую без преувеличения можно
было назвать кошачьей.

Она вселяла страх. Он ясно видел, что вселив-
шийся в нее дух зверя не оставил в ее сознании ни
малейшей крупиты человечности. Она напряжен-
но морщила носик, принюхиваясь к незаметным
следам на земле. Колючки оставили на ее плечах
и бедрах длинные царапины, но она не обращала
на них внимания.

«Если она меня поймает, — мрачно подумал
Нат, — она растерзает меня без колебаний!»

Теперь начиналась бесконечная игра в прятки.
Едва спустившись со своего насеста, Нат поспешил
посыпать землю толченым перцем, который был

у него в котомке. Как все охотники на ящеров, он знал, что острые пряности притупляют обоняние хищников. Как только Сигрид вдохнет добрую щепоть перца, она сразу потеряет его след.

Целых два часа Нат пытался выиграть время, то петляя по земле, то взбираясь на деревья. До сих пор ему кое-как удавалось держать преследовательницу на расстоянии, хотя расстояние между хищником и жертвой медленно, но верно сокращалось. Каждый раз, увидев ее, Нат покрывался холодным потом — настолько пугало его выражение хищной алчности на лице девушки. Облепленная грязью, вся в крови от бесчисленных царапин, она продолжала упорно двигаться вперед, гонимая свирепым, неутолимым голодом.

Нат же тем временем уже порядком устал, да и нервное напряжение давало о себе знать. По-немногу его преимущество таяло, подтачиваемое навязчивым упорством хищницы.

Минул еще час, и тут удача изменила Нату: зацепившись ногой за корень, он споткнулся и подвернул лодыжку. Отныне он мог передвигаться, лишь медленно ковыляя.

Осознав, что Сигрид вот-вот его нагонит, он в последний раз с трудом взобрался на дерево, сорвал два яблока и сунул себе под рубашку. Отделенные от веток, плоды тут же устремились ввысь, унося с собой Ната. Как раз вовремя: взмыленная, подвывающая от ярости Сигрид как раз метнулась к подножию дерева, в злобном бешенстве раздирая его кору ногтями.

Нат полетел над пологом леса, мечтая оказаться как можно дальше от женщины-пантеры. Ветер

быстро нес его к северу. Теперь самой сложной задачей оказалось спуститься вниз, пока волшебные плоды не подняли его слишком высоко. Чтобы уменьшить подъемную силу, он избавился от одного яблока, которое стремительно вырвалось и понеслось к облакам.

Опасаясь сломать себе шею, Нат вглядывался вниз в поисках хоть какого-нибудь местечка, где можно было бы приземлиться. По его подсчетам, он летел на высоте тридцати метров, а значит, падение предстояло нешуточное! Отпустив сейчас второй плод, он рисковал со всего маху налететь на какое-нибудь дерево и напороться на ветку. Наконец через просвет между кронами блеснуло маленькое озерко; упускать такой случай не следовало. Нат выпустил второе яблоко и камнем полетел вниз, крепко зажмурившись. Если вместо озерца там окажется обычная лужа, он точно переломает себе ноги, а то и хребет!

Он плюхнулся в воду с грацией наковальни, сброшенной с высокого моста. К счастью, озерцо оказалось глубоким, и он сумел всплыть до того, как его ноги коснулись дна. Задыхаясь, юноша выполз на берег и лишился последних сил при мысли, какой путь ему придется одолеть, чтобы вернуться к вилле. Солнце уже садилось, а значит, игра была окончена.

Прежде чем лес окончательно погрузился в сумерки, в голове Ната взорвался взбешенный голос Флавия.

— Ты смошенничал! — вопил он. — Зрители ужасно разочарованы, они так и не увидели схватки! Использовать летучие яблоки, чтобы улететь... что за глупая выдумка! Ты невероятно расстроил

своих поклонников, они ожидали куда большего! Улетев, ты показал себя не честным игроком, а просто шутом гороховым! Проявил себя самым нелепым, смехотворным образом!

— Оставьте меня в покое, — устало пробурчал Нат, поднимаясь на ноги. — Вы что, воображали, что я и в самом деле позволю оторвать себе ногу или руку?

— Ну разумеется! — негодуя фыркнул Флавий. — Если бы у тебя было хоть на грош профессиональной сознательности, ты...

— Вместо того чтобы болтать всякие глупости, — бросил Нат, — ты бы лучше показал мне дорогу обратно домой.

До виллы он добрался только к рассвету. Сигрид распласталась на плиточном полу холла — нагая, вся в ссадинах, с коркой грязи на ногах и руках. Нат поднял ее на руки и отнес к большому мраморному фонтану, который высился посреди внутреннего дворика. Прикосновение прохладной воды тут же вывело девушку из забытья, и первым же движением она ласково коснулась его щеки.

— Хвала богам, — прошептала она, — я тебя не убила...

— Но попытка была отличная! — пошутил Нат, пытаясь скрыть охватившее его волнение. — Ни одна тигрица не справилась бы лучше.

Он отвернулся, чтобы дать Сигрид возможность спокойно совершить омовение. Затем подобрал льняную тунику и протянул девушке, как только она вышла из бассейна.

— Это было ужасно, — негромко заговорила она. — Такая первобытная дикость... У меня ощу-

щение, будто мой мозг ободрали догола... Как будто все мое тело выскребли изнутри наждачной бумагой.

Она пошатнулась, и Нату пришлось поддержать ее за плечо. Они вошли внутрь виллы.

— На этом они не остановятся, — зашептала девушка. — Им всегда будет хотеться чего-то большего... Если мы не найдем способа сбежать, мы непременно погибнем.

— Знаю, — кивнул Нат. — Надо избавляться от их компании, пока не поздно.

День прошел, а Флавий Мерко так и не появился. Молодые люди воспользовались этим, чтобы как следует отдохнуть. Нат лечил свою лодыжку с помощью старого бальзама, найденного в подвале виллы. Он был совершенно разбит и с трудом боролся с мрачными мыслями.

Два следующих дня протекали точно так же. Нат не знал, что и думать об этом затянувшемся молчании духов. Готовясь к предстоящему побегу, он и Сигрид много ели и старались побольше спать, чтобы набраться сил.

На третье утро их разбудил Флавий Мерко. Его брюзгливый тон с самого начала не предвещал ничего хорошего.

— Нечего хитрить, — заявил он после нескольких вступительных фраз. — Мы должны восстановить положение, и быстро. Охота оказалась полным фиаско. Мои сородичи оказались очень разочарованы как вашей собственной пассивностью, так и тем, что им отвели роль обычных зрителей. Теперь они в один голос заявили, что хотят участвовать в игре.

— Участвовать? — прорычал Нат. — Это как же?

— Они хотят, чтобы вы вступили в поединок. Как думаете, это возможно?

— Они хотят превратить нас в гладиаторов? — возмутилась Сигрид.

— Совершенно верно, — с энтузиазмом подтвердил Флавий Мерко. — Это придаст аттракциону некоторую дополнительную остроту. Вы предоставите им свои тела, и таким образом они смогут сами ощутить возбуждение схватки! Они смогут подраться, побороться... Вот уже три века, как мы не знаем никаких физических контактов, и нам этого ужасно не хватает. Но я, знаете ли, все еще в колебаниях... Сумеете ли вы починиться, если во время схватки с вами случится какая-нибудь поломка? Я не слишком хорошо понимаю, что с вами происходит в случае аварии. Насколько я понимаю, в такой ситуации нужно приглашать ремонтника, верно?

— Ты хочешь сказать, врача, — поправил Нат. — И применительно к человеческому существу говорят о «ранении», а не о «поломке».

— Возможно, возможно... я не очень хорошо в этом разбираюсь.

— В любом случае драться мы не станем! — рассердилась Сигрид. — Что за омерзительная идея!

— Может быть, может быть... — со вздохом отозвался Мерко. — Но не надо иллюзий, они вполне способны принудить вас... Внедрившись вам в головы, они будут управлять вашими телами и действиями. И если им захочется хорошей драки, они без труда сумеют задействовать нужные мышцы.

Когда Флавий удалился, Нат и Сигрид со страхом переглянулись. На этот раз дело действительно грозило обернуться бедой.

— Нужно бежать, — прошептала Сигрид. — Тем хуже... но так продолжаться не может. Они нас убьют! Они пока не говорят об этом открыто, но именно так все и кончится, ты же понимаешь! Давай сделаем из летучих плодов дирижабль и вернемся к нам, на грязевую равнину. Конечно, там не рай, но все же лучше, чем в этом сумасшедшем мире.

Ната одолевала сомнения. Улететь-то несложно, это он признавал. Проблема была в том, что, поднявшись в воздух, они никак не смогут контролировать направление, в котором лететь. Если ветер подует не в ту сторону, они лишь сильнее углубятся в сердце южного полушария. А шепчущему народу их попытка бегства едва ли понравится.

— Ладно, — сдался он. — Смастерим какую-нибудь корзину. Еще нужно найти холст и веревку или ремни и сшить оболочку, которую мы наполним яблоками.

Этой ночью, вместо того чтобы лечь спать, они занялись обследованием подвалов виллы в поисках материалов, необходимых для изготовления воздушного шара. Увы, их ожидало разочарование. Старые мешки совсем истлели, веревки оказались ничем не лучше. Валясь с ног от усталости, они были вынуждены на время отказаться от поисков.

— Продолжим завтра вечером, — проворчала девушка. — В соседнем доме... там нам наверняка повезет больше.

Чтобы позволить живым игрушкам «самовосстановиться», Флавий выделил им три дополнительных дня на отдых.

— Уговорить их было не так-то просто, — пожаловался он. — Все так возбуждены идеей рукопашной схватки. Просто отбою нет от желающих! Мне пришлось заверить их, что бой получится весьма посредственным, если вы не будете в отличной физической форме.

— Они в любом случае сильно расстроятся, потому что драться мы не будем! — рявкнула Сигрид.

— Тра-та-та! — хмыкнул Флавий. — Не болтайте глупостей. Вы будете делать то, что они вам прикажут, и все тут. Marionетки существуют для того, чтобы подчиняться тем, кто ими управляет.

Охваченные отчаянием, молодые люди воспользовались данной им передышкой для того, чтобы снова заняться обходом окрестных подвалов... безуспешно. К тому же Нат был уверен, что Флавий следит за ними. Затея с цирковыми игрушками сделала его знаменитостью, и он вовсе не желал, чтобы его «артисты» растворились в лесу, сократив часы его славы.

Кроме того, юноша отметил еще одно пугающее явление, о котором он пока не рассказывал своей спутнице.

Яблоки, оторвавшись от черешка, взмывали вверх... Это ему уже было известно, однако до сих пор он ни разу не наблюдал за их полетом достаточно долго, чтобы заметить: поднявшись на определенную высоту, яблоки взрывались, разлетаясь облаком брызг и семечек!

Ничего хорошего это не предвещало.

Уж не ожидает ли их воздушный шар та же судьба?

Чуть позже Сигрид призналась ему, что до смерти боится предстоящего гладиаторского боя. Она хотела бежать прямо сейчас, наугад через джунгли.

— Этим мы ничего не добьемся, — остудил ее Нат. — Эти шепчущие духи поймают нас без труда. Не забывай, что они-то свободно летают по воздуху. Они тут же отыщут нас, а потом им всего-то останется проникнуть нам в сознание и заставить нас вернуться.

— Но они же нас угробят своими играми! — простионала девушка. — Представляешь, в каком мы будем состоянии, если нас заставят драться день напролет? Они ведь могут принудить тебя задушить меня, ты об этом подумал? Или заставить меня выцарапать тебе глаза!

— Верно, — согласился Нат. — Для них мы всего лишь низшая форма жизни... Я знаю, что колебаться они не станут.

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

На следующий день Флавий внезапно возник в сознании Ната, заставив того подскочить от неожиданности. Бывший купец, хоть и ставший бесплотным духом, казался необычайно возбужденным.

— Великая новость! — провозгласил он. — Я нашел способ привлечь еще больше интереса к нашим гладиаторским боям. Мы обнаружили еще двоих ваших сородичей, затерявшихся в джунглях. Две жертвы стихий... мы привели их сюда. Я изложил им условия игры, и они полностью согласны уступить нам свои тела на время схватки.

— Жертвы стихий? — удивился Нат. — И где же они?

— Внизу, возле бассейна. Не мог бы ты взять на себя труд встретить их? Полагаю, присутствие других людей из плоти и крови придаст им уверенности.

Нат не заставил себя упрашивать. Вместе с Сигрид, которая не желала отставать, он бросился вниз по лестнице к саду и... едва шагнув за портик, замер на месте. Упомянутые жертвы взирали на него с глумливой усмешкой. Хоть они и были наряжены

в лохмотья и покрыты ссадинами, Нат узнал их с первого взгляда.

Зоид Воркан и колдун Мастрацца!

— Клянусь рогами всех демонов тумана, — вскричал пират, — так, значит, вы выжили...

Едва встретившись взглядом с Мастраццей, Сигрид вмиг повеселела. Нат с горечью осознал, что она просто счастлива вновь встретиться с колдуном, и это несмотря на все, что он с ней сделал!

«Дьявол! — подумал он. — Выходит, она в самом деле втюрилась в этого мерзавца!» Вновь переместив внимание на пиратов, он сказал без всякой теплоты:

— Откуда вы взялись? Я надеялся, что вы окаменели в желтой грязи.

— Жаль тебя разочаровывать, — усмехнулся Зоид Воркан, — но мы проделали тот же путь, что и ты. Мы уцепились за осколок мрамора, и ветер принес нас сюда.

— Мы летели высоко, — прибавил Мастрацца, — так что нас пронесло над стеной, над самым гребнем, и это избавило нас от необходимости перебираться через стену своими силами. А когда мы начали умирать с голоду, то решили спрыгнуть прямо на ходу.

— И упали на одно из этих исполинских деревьев, — договорил Зоид. — Там-то этот дух... этот Флавий Мерко, и нашел нас.

— И что он вам сказал? — подозрительно поинтересовался Нат.

— Что он устраивает бои людей-марионеток, — ответил пират. — Это его слова. Он предложил нам предоставить наши тела в аренду его друзьям-призракам, чтобы они поиграли в гладиаторов.

— А вам известно, как это работает? — настойчиво продолжал расспросы Нат. — У них совсем нет чувства меры... Возможно, они разнесут нас на куски при первом же поединке. Они не отдают себе отчета, что наши тела хрупки и уязвимы.

— Хватит хныкать, как девчонка, — оборвал его Зоид. — Мне это очень даже подходит. Флавий проводил нас в один подвальчик, где лежит целая гора золотых монет, и сказал, что мы можем брать оттуда сколько захотим. А такие предложения очень греют мне душу!

— Ты ничего не сможешь забрать отсюда, — прошипел Нат, — потому что умрешь!

— Нет, это ты умрешь, мальчишка! — рявкнул пират. — А насчет себя я совсем не уверен.

— Довольно! — вмешался Мастратца, которому эти петушиные наскоки явно наскучили. — Приберегите силы для арены, а сегодня я предлагаю отпраздновать нашу встречу. В этом подвале полным-полно еды, так давайте же воздадим ей должное.

Нат с неохотой последовал за ними, но, как только они вошли в подвал, Мастратца и его приспешник тут же сменили тон.

— Спокойно, компаньон! — прошептал колдун. — Мы теперь в одной лодке. То представление снаружи предназначалось для здешних летучих призраков. Конечно, мы не собираемся отдавать наши тела этим духам, которым, видите ли, не хватает острых ощущений! Нет уж, мы не так глупы, как ты думаешь. Неужели ты и впрямь считаешь, что я хочу окончить свои дни калекой?

Нат вытаращил глаза, ошарашенный таким неожиданным оборотом.

— Слушай, — вмешался Зоид, — времени у нас мало. План таков. Мы явились сюда за сокровищами. Можешь помочь нам и получить свою долю добычи, а можешь остаться здесь и продолжать участвовать в этом цирке.

— Но куда вы хотите отправиться? — спросила Сигрид. — Духи поймают нас раньше, чем мы доберемся до стены.

— У нашего приятеля колдуна есть один фокус, чтобы держать их в отдалении, — пояснил Зоид с безудержным апломбом, который и составлял главную черту его характера.

— Фокус? — недоверчиво переспросила девушка.

— О да, — заговорил Мастрацца заговорщицким шепотом. — Мне уже было известно о существовании этих бесплотных существ еще до моего прибытия сюда. О них упоминается в некоторых старинных гримуарах, где их называют «народом духов» или «бестелесными мыслями».

— Короче! — прервал его Воркан. — Ты же не лекцию нам читаешь!

Мастрацца оскорбленно умолк, а затем продолжил, поджав губы:

— Возжигая некий порошок, их можно отгонять и нарушать их восприятие.

— И этот порошок ты можешь изготовить прямо здесь? — поинтересовался Нат.

Вместо ответа колдун распахнул полы своей кожаной мантии, и все увидели, что подкладка его одеяния сплошь увешана пришитыми к ней холщовыми мешочками.

— Я никогда не расстаюсь со своей лабораторией, — усмехнулся он. — У меня есть все необ-

ходимое, чтобы нейтрализовать духов на время. От испарений этого снадобья они теряют способность ориентироваться в пространстве, так что не рискнут сразу броситься за нами в погоню.

— А как вы собираетесь втащить мешки с золотом на стену и спуститься с ними на равнину, а? — бросила Сигрид. — Об этом-то вы подумали?

— А мы и не собираемся возвращаться на грязевую равнину, — ответил Зоид. — У нас другие планы...

— Это какие же? — спросил Нат с удивлением.

Поколебавшись мгновение, Мастрацца знаком подозвал их поближе и едва слышно прошептал:

— Пока мы летели на нашем мраморном плоту над джунглями, мы обнаружили кое-что очень интересное: космопорт...

— Что? — одновременно воскликнули Нат и Сигрид.

— Ну вы и в самом деле дурни, каких свет не видел! — заворчал пират. — Неужто вас в школе не учили, что Алмоа некогда была заселена колонистами, прибывшими с планеты Земля? Конечно, на севере все их поселения поглотила грязь, и отыскать следы их цивилизации почти невозможно, но здесь, на юге, благодаря благоприятному климату многие технологические сооружения сохранились, в том числе и этот космопорт. Там совершали посадку их корабли, способные путешествовать по небу, которые назывались «ракеты»...

— Это правда! — подтвердил Мастрацца, возбужденно блестя глазами. — Большой космопорт с несколькими ракетами прямо на пусковых уста-

новках... Разумеется, эти сооружения очень древние, но вполне возможно, что один-другой из этих судов еще в рабочем состоянии. Их специально сделали такими, чтобы они могли противостоять времени. Не удивляюсь, если они способны взлететь по первому требованию. В них используется твердое топливо, которое не могло высохнуть или испариться за истекшие века. Все полностью автоматизировано. В гримуарах сказано, что даже ребенок смог бы управлять этими летучими машинами.

— Усекли? — отчеканил Зоид Воркан. — Погрузим сокровища на ракету и тут же отчалим. Покинем Алмоа навсегда! Унесем с собой достаточно богатства, чтобы вести привольную жизнь где угодно!

— Да! — с воодушевлением воскликнул Мастрацца. — Древние книги говорят, что существуют сотни других планет, колонизованных людьми. Множество других миров, более гостеприимных, чем Алмоа!

— А... — отозвался Нат с холодком. — Так это и есть ваш гениальный план?

В тот же момент Сигрид незаметно ущипнула его за руку, понуждая принять игру двоих проходимцев. Она была права: главным сейчас оставалось сбежать от прихотей шепчущих духов... а там будет видно.

— Ну что, согласны? — нетерпеливо рыкнул Воркан. — Вы в деле или нет?

«Вот гнус! — подумал Нат. — Мы нужны тебе, потому что две лишних пары рук позволят тебе утащить больше алмазов и золотых слитков. А до-

бравшись до космопорта, ты избавишься от нас... как и от твоего проклятого колдуна, в котором уже не будет нужды! Вижу, ты принимаешь меня за полного дурака... Но на каждого хитреца есть своя уловка!»

— Согласен, — кивнул он, делая вид, что и его тоже охватила золотая лихорадка. — Но только все делим поровну!

— О, разумеется, — солгал Зоид с искрой презрения в глазах. — Это само собой.

ВЕЛИКИЙ ИСХОД

Странная это была ночь — будто ночь перед решающим сражением. Мастрацца, раздобыв на первом этаже виллы широкую бронзовую чашу, уселся в сторонке смешивать свои порошки. Эту работу он сопровождал звучными заклинаниями, вероятно, предназначенными в основном для того, чтобы произвести впечатление на зрителей.

Тем временем Воркан, пользуясь помощью Сигрид и Ната, набивал драгоценными камнями прищипанные из подвала корзины. Когда сокровища уже было некуда складывать, они остановились, созерцая это несметное богатство; и однако же гора золота перед ними почти не уменьшилась.

— До чего же жалко оставлять все это! — простонал пират.

— Да ладно, — раздраженно бросил Нат. — Ты и так уже набрал больше, чем сможешь потратить за всю оставшуюся жизнь. Больше тебе не нужно!

— А вот и нужно! — огрызнулся Зоид с безумным огоньком в глазах. — Чтобы почувствовать себя еще богаче! Нельзя быть ни слишком богатым, ни слишком мускулистым.

— Но мы не сможем унести такой груз, — пожаловалась Сигрид. — Он слишком тяжел.

— Я видел внизу, во дворе, ручную тележку, — заметил Воркан. — Нужно всего-то смазать оси содержимым этой амфоры с маслом.

Дотащить корзины с драгоценностями и золотыми слитками до тележки внизу оказалось непростой задачей. Нат всерьез сомневался, что ветхая тележка выдержит такую тяжесть.

Их нагнал Мастрацца.

— Готово, — объявил он. — Я уже поджег порошок. Его хватит часов на десять. Все это время духи будут бестолково крутиться на месте, как обезумевшие пчелы, не понимая ни где они, ни куда им лететь. Мы должны достигнуть космопорта до того, как они придут в себя.

— Отлично! — воскликнул Зоид. — Значит, вперед! Давайте впряжемся в эту тележку и помчимся, как ветер.

Ухватившись за ручки тележки, они потащили сокровища за собой. Стиснув зубы, они с трудом волокли ее, запинаясь на каждой кочке. При сильных толчках бриллианты и рубины высыпались из корзин и катились по траве. Но у беглецов не было времени подбирать их... Да и в любом случае лишняя пригоршня изумрудов едва ли что-то меняла.

Путь до космопорта оказался куда труднее, чем им представлялось вначале: древняя мощеная дорога давно заросла. Корни расшатали кладку, поваленные стволы громоздились один за другим. Им понадобилось немало времени, чтобы расчистить проходы и завалить камнями самые крупные трещины.

Измученные, взмокшие от пота, они едва обменивались парой отрывистых слов.

Через три часа они сделали привал, чтобы подкрепиться предусмотрительно захваченными с собой консервами. Еда и питье помогли им набраться сил.

— Далеко еще? — устало спросила Сигрид.

— Точно не знаю, — признался Мастрацца. — Мы были на мраморном плоту, когда заметили космопорт. С высоты казалось, что он недалеко от города.

— Хватит ныть, — раздраженно рявкнул Зоид. — Разве эти сокровища не стоят того, чтобы немного попотеть? Космопорт находится прямо за той полосой гигантских деревьев впереди. Мы доберемся до него часа за три.

Однако его расчеты оказались чересчур оптимистичными: препятствия только множились, все больше замедляя их продвижение. В некоторых местах им приходилось буквально проламываться через густой кустарник. Три часа минули, но линия деревьев, скрывавших взлетную площадку, почти не приблизилась. Путники устали настолько, что им пришлось прилечь и поспать.

Нат как раз погружался в дремоту, как вдруг ощутил в своем сознании присутствие некоей посторонней мысли.

— Не шевелись, — прошептал голос, — это я, Флавий... Я пришел предупредить тебя. Твоим спутникам совсем не обязательно знать, что я вас нашел.

— А другие, твои друзья... — мысленно спросил Нат. — Они тоже настигли нас?

— Нет, еще нет. Магия колдуна сбила их с толку. Мне повезло спастись от нее, потому что я знал, что вы задумали. Я подглядывал за вами этой ночью, в подвале. Когда волшебник начал смешивать свои порошки, я удалился.

— И ты не поднял тревогу?

— Нет. Я обдумал все, что ты мне говорил. Признаю, ты был прав. Мы не имеем права использовать вас как игрушки. Живые марионетки... это была плохая идея. Я решил помочь тебе.

— Спасибо.

— О! Подожди радоваться, ты все еще в опасности. Знай, что ты связался с настоящими негодяями. Я посетил их разум, незаметно для них. Зоид собирается убить вас всех, как только вы погрузите сокровища в трюмы небесного корабля.

— Представь себе, я и сам об этом догадался.

— Мастрауца не такой прожженный каналья, но и он одержим жаждой власти и богатства. Он подозревает о намерениях Зоида и собирается отравить его при первой же возможности... Однако он все еще колеблется, потому что боится пирата. Он хочет оставить себе девушку, потому что потратил немало сил на то, чтобы внушить ей любовь к себе. Ты ему мешаешь, и он хочет избавиться от тебя. Я также прочел мысли девушки, и она...

— Замолчи, я не желаю этого знать.

— Как скажешь. Ты смелый парень, вот почему я захотел предупредить тебя о том, что они замышляют. Времени у тебя остается всего ничего. Мои тоже скоро выйдут из оцепенения и бросятся за вами в погоню. Они будут в ярости. Думаю, они

заставят вас биться друг с другом насмерть, до последнего... Этого не должно случиться.

— Есть ли у нас шанс добраться до космопорта до того, как нас поймают?

— Может быть... Мне трудно ответить, я совсем утратил умение определять расстояния. Когда можешь свободно летать, все кажется таким близким. А! Еще один совет. Если захочешь избежать судьбы гладиатора, сорви один плод и съешь его... Для наших это будет означать, что ты выбрал путь мутации и намерен присоединиться к нам. С этого момента твоя жизнь станет неприкосновенной, народ духов будет вынужден считать тебя своим братом. Таков наш закон. Из тебя уже никак не смогут сделать гладиатора. Мы с радостью и почетом примем тебя в свой круг.

— Но я стану таким же, как ты?

— О да. Со временем мутагенные свойства плодов многократно усилились. Твое тело утратит материальность меньше чем за неделю.

— Спасибо, но мне это не подходит.

— Как хочешь. Но не пренебрегай этим выходом, если вас возьмут в кольцо. Сорви яблоко и откуси от него... Этот символический жест считается чем-то вроде пакта. Я же, со своей стороны, буду счастлив стать твоим другом. Расскажешь мне о своих приключениях на грязевой равнине... Я люблю послушать истории, но у нас, по эту сторону стены, хороших рассказчиков всегда не хватает.

— А почему вы никогда не выходили за стену?

— Мир, лежащий за ней, такой грубый, варварский! Мы слишком тонко организованы, чтобы без трепета взирать на подобный упадок... Теперь

мне пора тебя покинуть. Разбуди своих спутников и скорее отправляйтесь дальше. Ваше время сочтено.

— Сможем ли мы отыскать ракету в рабочем состоянии?

— Да, эти машины и были задуманы так, чтобы противостоять векам. Управлять ими очень просто. Достаточно отдавать им команды — ясно и четко, громким голосом. Бортовой компьютер сам позаботится о запуске двигателей и управлении полетом. Даже ребенок смог бы управлять таким кораблем. Каждая ракета запрограммирована на то, чтобы прокладывать себе путь между каменными облаками, так что риск столкновения отсутствует.

— А почему же вы не воспользовались ими, чтобы улететь на Землю?

— На Земле мы бы снова превратились в обычных смертных. Я ведь уже говорил тебе: мы обречены вечно жить в этом саду. Прощай, друг... да пребудет с тобой удача.

Голос умолк, и Нат понял, что Флавий Мерко оставил его навсегда. Тихонько подкравшись к Сигрид, он разбудил ее, тронув за плечо, и, как только девушка открыла глаза, нашептал ей на ухо все, что только что услышал.

Сигрид выслушала его молча, неподвижно уставившись на верхушки деревьев. Нату стало ясно, что она принимает решение — окончательное и бесповоротное, и он внутренне съежился, догадываясь, что это решение ему не понравится.

— Нат, — прошептала наконец девушка. — Я не полечу с тобой.

— Что?

— Дай мне сказать. Я люблю Мастраццу. Просто без ума люблю. Пусть это всего лишь иллюзия, порожденная колдовскими чарами — я не спорю, но это восхитительное чувство... Я никогда ничего подобного не испытывала... Это... это придает смысл моей жизни. И я не хочу, чтобы это закончилось. Если я разлучусь с ним, я умру. Я останусь на Алмоа.

— Но он не собирается здесь оставаться...

— Я знаю, он негодяй и обманщик. Но я решила, что мы вместе с ним примем мутацию. Съедем отравленные плоды. И когда мы превратимся в бесплотных духов, он уже не будет таким алчным, богатства потеряют для него смысл, а я... я наконец избавлюсь от этого неуклюжего тела, которое для меня всего лишь неприятное бремя. Буду порхать среди деревьев, как фея из сказки. Начну новую жизнь...

— Думаешь, Мастрацца согласится добровольно отказаться от радостей жизни в богатстве и довольстве?

— Нет, конечно, нет. Но ты забыл об одной вещи. Масло послушания... Я сохранила тот пузырек. Если уж это зелье смогло сделать покорной такую агрессивную веревку, то, уж наверное, оно запросто превратит прожженного разбойника в овечку.

Нат потрясенно молчал.

— Послушай, — настойчиво продолжала девушка. — У нас осталось совсем мало времени. Я сейчас откупорю пузырек, встану и оболью маслом Мастраццу и Воркана. С этой минуты они будут подчиняться мановению моего пальца. Я останусь здесь вместе с Мастраццей, и мы съедем волшебные

фрукты. А ты... ты отправишься с Зоидом в космопорт. Загрузи сокровища в ракету и улетай. Когда окажешься на Земле, используй это золото, чтобы организовать спасательную экспедицию. Ты будешь богат и сможешь купить любые космические корабли, какие только пожелаешь. Тогда ты вернешься сюда и организуешь всеобщую эвакуацию. Вырвешь из ада тех, кто живет на грязевой равнине... Это будет твоя миссия, понимаешь?

— Да, — пробормотал Нат, преодолевая спазм в горле. — А ты?

— А я буду вечно жить в чудесном саду вместе с Мистраццей, — шепнула Сигрид, погладив его по щеке. — Пришло время нам расстаться и идти каждому своей дорогой. Ты ведь и сам знаешь, у нас никогда не было общего будущего.

Девушка приподнялась, сунула руку в котомку, оставленную им Безелиусом, и зажала в кулаке пузырек с маслянистой жидкостью.

— Берегись Воркана, — прибавила она. — Он прирожденный преступник. Как только действие эликсира послушания закончится, он попытается тебя убить. Поэтому, когда все сокровища будут погружены на корабль, прикажи ему уйти прочь — пусть бежит бегом в сторону леса. Главное — ни в коем случае не бери его с собой. Нрав у него, как у ядовитой змеи... а ты слишком добр, чтобы состязаться с ним в жестокости. Думай о своей миссии. Ты должен вернуться сюда, должен спасти тех, кто изнывает от безысходности на грязевой равнине. Ты должен отвезти их на Землю.

Прежде чем Нат успел хоть что-нибудь ответить, она поднялась и направилась к тому месту,

где отдыхали колдун и пират. Движимый шестым чувством, Воркан тут же вострепнулся, но, увидев, что это всего лишь Сигрид, снова улегся. Это и стало его ошибкой. Резким движением девушка выплеснула половину содержимого пузырька прямо ему в лицо. Разразившись проклятиями, разбойник попытался вытереть стекающее по щекам масло, но лишь размазал его еще сильнее.

— Что ты творишь? — вскричал Мастрацца. — Ты с ума сошла... хочешь, чтобы он тебя удавил?

Сигрид круто развернулась, оказавшись лицом к колдуну, и в ту же секунду облила его остатками эликсира. Мастрацца оказался хитрее Зоида и сразу разгадал ее намерения. Побледнев, он зачерпнул горсть земли и сунул в нее лицо, рассчитывая, что она впитает в себя масло, но было уже поздно: чары завладели его сознанием.

— Прекрати, — велела ему девушка. — Встань и держись спокойно. С этой минуты ты будешь делать то, что я тебе приказываю. А ты, Воркан, отправишься с Натом и будешь беспрекословно его слушаться, понятно?

— Да, — пролепетал пират, таращась на нее мутным взглядом. — Я сделаю все, как ты скажешь.

Нат глянул на обоих разбойников: теперь они оба походили на лунатиков, гуляющих во сне.

— Ну вот, — вздохнула Сигрид, — дело сделано. Пора расставаться. Действие масла прекратится часа через два, так что будь осторожен. Когда Воркан придет в себя, тебе лучше оказаться вне его досягаемости. Иди же, до космодрома еще далеко...

Нат застыл как парализованный. Он все еще не мог осознать, что никогда больше не увидит

Сигрид... только сейчас ему стало ясно, что он даже никогда не думал о расставании с ней.

— Иди, — повторила девушка с дрожью в голосе. — Ты же знаешь, я терпеть не могу прощаться. Каждый из нас должен следовать своим путем. Знаю, ты был ко мне равнодушен, но это чувство никогда не было взаимным, поверь мне. Если бы мы остались вместе, я бы сделала тебя несчастным. Ты бы меня раздражал, потом я бы и вовсе тебя возненавидела... Этого не должно случиться с нами, понимаешь?

— Но ты уверена, что сделала правильный выбор? — хрипло спросил Нат. — Мне не кажется, что Мастрацца...

— Замолчи. Я люблю его, и все тут. Пусть это чувство всего лишь иллюзия, но оно согревает мне душу. И рассудок здесь вовсе ни при чем. Когда и он, и я станем бесплотными, все будет проще. Дематериализация избавит его от порочных склонностей, я уверена в этом.

Нат отступил, сдавшись. Он хорошо знал Сигрид — теперь уже ничто не заставит ее передумать.

— Тогда желаю удачи, — выдохнул он.

Они крепко обнялись.

— А тебе счастливого пути, — шепнула Сигрид ему на ухо. — Для меня было честью...

— Для меня тоже, — пробормотал Нат. — Для меня тоже.

Он отвернулся, не желая, чтобы она увидела его тоску. Сухим жестом он приказал Зоиду впрячься в тележку, и сам сделал то же самое. Ухватившись за ручки повозки, они двинулись дальше по дороге.

«Не стану оборачиваться, — твердил себе Нат. — Ни за что не стану».

Но, конечно, удержаться он не смог. Когда он наконец коротко глянул себе через плечо, то увидел, как Сигрид сорвала волшебное яблоко, откусила от него и протянула Мастратце, который последовал ее примеру. Как только они проглотили по кусочку мякоти, их ноги оторвались от земли, и через минуту они уже парили в воздухе над верхушками деревьев. Безразличные ко всему вокруг, они держались за руки и смотрели друг другу в глаза.

Нат стиснул челюсти с такой силой, что рот наполнился соленым вкусом крови.

— Быстрее! — прикрикнул он на Воркана. — Что ты копаешься! Я хочу добраться до космодрома уже через час.

— Да, господин, — покорно отозвался пират, чьи масляные щеки поблескивали на солнце.

Они одолели последние километры, отделяющие их от взлетной полосы, скорым шагом, надрываясь из последних сил. Но Нат принимал физические страдания с радостью — они отвлекали его от мыслей о Сигрид.

Наконец из-за полосы деревьев показался космопорт — череда обветшавших строений, заросшие плющом купольные своды ангаров... На расчищенной площадке в центре высилась установленная вертикально среди пусковых штанг большая металлическая ракета — Нат догадался, что это и есть «космический корабль», о котором говорил Мастратца. Заросшая плющом, устремленная вверх, она походила скорее на варварский обелиск, чем на

машину, способную лететь по небу, отринув законы гравитации. Нат торопливо взбежал по ступенькам трапа. Время играло против него. Зоид Воркан мог очнуться от своего гипноза в любую минуту. А ведь еще оставалась свора бестелесных духов, которые наверняка уже готовы броситься за ним в погоню. Нату нужно было любой ценой избавиться как от пирата, так и от них.

— Воркан, — приказал он, — сейчас ты можешь мне загрузить эти корзины в корабль, а потом отправишься далеко-далеко прочь отсюда, никуда не сворачивая. Понял? Как закончим, сразу беги напрямиком в джунгли.

— Да, господин, — кивнул пират, хватая амфору с бриллиантами. — Исполню все, как ты скажешь.

Ближайшие полчаса они сновали вверх-вниз по трапу, швыряя корзины одну за другой внутрь ракеты. Алмазы, изумруды и рубины раскатывались по металлическому полу с нежным хрустальным звоном.

Когда Зоид, напряженно морщась, принялся тереть себе лицо, Нат понял, что пират вот-вот придет в себя. Не теряя ни секунды, он поднял трап. Разбойник все еще стоял возле тележки с остатком груза золотых слитков, когда юноша решительно повернул рычаг, задраивающий входной люк.

Теперь Зоида Воркана можно было не опасаться, однако с духами все обстояло не так просто. Бронированная дверь и титановый фюзеляж едва ли остановили бы сородичей Флавия Мерко, которые без труда могли проникнуть через любые препятствия и внедриться в мозг Ната, захватив полную власть над его телом.

Запыхавшись от спешки, юноша бегом одолел лесенку, ведущую в кабину управления. Бортовой компьютер, все еще пребывающий в режиме ожидания, немедленно обнаружил его присутствие; лампочки плафонов вспыхнули, заливая кабину ярким белым светом.

— Добрый день, — произнес синтетический голос. — Я автоматический пилот данного корабля. У нас долгое время не было пассажиров. Я счастлив приветствовать вас на борту нашего судна. Куда вы желаете отправиться?

— Я... я что, правда могу выбрать направление? — неуверенно спросил Нат.

— Да, разумеется, — спокойно ответил робот. — Этот корабль осуществляет бесплатные челночные перевозки по маршруту Алмоа — Земля, однако никто не пользовался его услугами вот уже... четыреста двенадцать лет, шесть месяцев и четырнадцать дней, если быть точным. Тем не менее вам нечего опасаться, все механизмы находятся в полной готовности; система двигателей в безупречном состоянии.

— Хорошо, хорошо, — заспешил Нат. — Земля... я хочу лететь на Землю.

— Как пожелаете, — ответил робот, — ваша заявка принята. Будьте любезны занять место в пассажирском салоне. Взлет произойдет через пять минут.

Именно в этот миг, когда все уже почти получилось, юношу вдруг охватила ужасная паника. Пять минут... целая вечность! Уж в любом случае этого времени достаточно, чтобы призраки успели залезть ему в голову и начать диктовать свою волю.

— Внимание, — объявил робот. — Начинаем обратный отсчет, всех пассажиров просим застегнуть ремни безопасности.

Вся ракета задрожала от глухих рокочущих вибраций. Нат на мгновение задумался — уж не разлетится ли эта механическая старушка на куски, когда из реакторов вырвется свирепое пламя?

Ожидание казалось бесконечным. Он наклонился к иллюминатору и увидел Зоида Воркана, который, предусмотрительно отступив за край пусковой площадки, показывал ему всякие оскорбительные жесты.

В тот же миг Нат спиной ощутил, что в кабине есть кто-то еще. Он резко обернулся, никого не увидел... и понял, что его настиг один из шепчущих призраков.

— Три... два... один... ноль! Запуск! — объявил голос компьютера.

Корабль задрожал, как будто готовился развалиться на месте. Обвивавшие его плети плюща и лиан вспыхнули, как праздничные гирлянды от короткого замыкания.

Юноша скорчился на сиденье. Он знал, что перегрузки будут очень сильными, и боялся их. Он не проходил никакой специальной подготовки и опасался, что его просто расплющит о кресло, когда ракета начнет преодолевать притяжение Алмоа. В сознании промелькнули жуткие картины. Он представил собственное тело, размолотое чудовищным давлением. Живот взорвется, извергнув гейзер из кровавых внутренностей, череп расплзется по швам, грудная клетка разлетится тысячей осколков...

Удариться в панику он не успел, потому что невидимый призрак ворвался в его сознание. Чужой голос взревел в голове с такой силой, что его мозг, казалось, превратился в кашу.

— Прекрати это! Немедленно! — вопил дух. — Прикажи роботу остановить двигатели. Ты принадлежишь нам... Ты должен вернуться и сразиться с другим человеком по имени Воркан. Огромная толпа собралась, чтобы посмотреть на вашу схватку. Мы не можем позволить себе разочаровать их.

— Вот еще! — огрызнулся Нат, зажимая уши ладонями. — Брысь отсюда, мерзкий призрак!

Ракета, тяжело оторвавшись от земли, по дуге карабкалась в небо, наращивая скорость. Космодром с его полуразрушенными строениями остался далеко внизу.

— Прикажи ей повернуть назад! — упрямо ревели привидение.

Его гнев пылал в мозгу Ната, как горящая стрела.

Юноша почувствовал, как бестелесное создание спешно перебирает его нейронные связи в поисках речевых центров, чтобы заставить его произнести роковую команду. Невидимая рука наугад тыкала то в одну, то в другую мозговую зону.

Рот Ната открылся, и из него донеслось протяжное мычание.

— Простите? — вежливо осведомился синтетический голос. — Не улавливаю смысла вашей команды. Повторите, пожалуйста, более четко.

Нат что было сил зажал себе рот руками. Язык дергался, лопоча какую-то околесицу. Чужак, который отчаянно пытался заставить его заговорить, путался в управлении, теряя драгоценные мгнове-

ния. Нат этому только радовался: ведь как только корабль покинет алмоанскую атмосферу, призрак утянет назад... Уже и сейчас, по мере того как расстояние до планеты все возрастало, воздействие вселенца на его сознание заметно ослабевало.

И вдруг призрак исчез. Ракета преодолела притяжение Алмоа и теперь свободно мчалась по бесконечному космосу. Нат облегченно вздохнул. Головная боль отступила. Он глянул в иллюминатор: планета была видна вся целиком, в плотном панцире из каменистых облаков. Северное полушарие выглядело мутно-серым, южное сияло изумрудной зеленью. Между ними тянулась тонкая извилистая линия: экваториальная стена.

Он подумал о тех, кого оставлял здесь. Неб Орн, Сигрид...

«До скорой встречи, — попрощался он. — Мы непременно увидимся снова, иначе и быть не может».

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1. ДОЗОРНЫЕ АЛМОА.....	5
Книга 2. САД СЕКРЕТОВ	235

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА
ТОЛЬКО БЕСТСЕЛЛЕРЫ

Серж Брюссоло
ЗАПРЕТНАЯ СТЕНА

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *К. Семёнов*
Корректор *Л. Зубченко*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский кеш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.10.2015. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Lazurski». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 3000 экз. Заказ № 8201

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-76049-7

9 785699 760497 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД».
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

На севере царят голод, грязь и чудовищное тяготение, которое беспощадно давит на людей, превращая их в жалких монстров. На юге... никто не знает, что скрывается за ужасной экваториальной стеной. Легенды говорят, что там лежит страна чудес, богатая и прекрасная. Но можно ли верить этим легендам? Нат живет на севере, на бескрайней грязевой равнине, где правят ящеры-людоеды, тираны Дозорные и каменные облака — настоящие летучие айсберги, способные погубить целые города. Устав от этого мрачного мира, Нат отправляется на поиски легендарного рая. Но великая стена скрывает немало тайн... одна другой страшнее.

ISBN 978-5-699-76049-7

9 785699 760497 >